

ISSN 2219-6838

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ

Основано в 2010 году

4/2019

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева**; д. ю. н., проф. **А. С. Барабаш**; д. ю. н., доц. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора); д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова**; д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская**; д. ю. н., проф. **Д. В. Винницкий**; к. ю. н., доц. **О. Г. Геймур**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина**; д. ю. н., проф. **Л. Я. Драпкин**; д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев**; к. ю. н., доц. **Д. В. Жернаков**; д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова**; д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина**; д. ю. н., проф. **И. А. Игнатьева**; д. ю. н., проф. **С. В. Кодан**; д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко**; д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова**; к. ю. н. **Я. Койстинен** (Финляндия); д. ю. н., проф. **А. Н. Кокотов**; д. ю. н., проф. **В. В. Комарова**; к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова**; д. ю. н., проф. **П. И. Кононов**; д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева**; д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов**; к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко**; к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова**; д. ф. н., проф. **И. П. Малинова**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин**; д. и. н., проф. **В. П. Мотревич**; д. ю. н., проф. **В. В. Никишин**; д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев**; проф. **П. Поликастро** (Польша); д. ю. н., доц. **С. Б. Поляков**; д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло**; к. ю. н., проф. **Р. К. Русинов**; д. ю. н., проф. **П. И. Савицкий**; д. ю. н., проф. **Г. В. Сахнова**; д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин**; д. ю. н., проф. **А. И. Стахов**; д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых**; д. ю. н., проф. **А. Трунк** (ФРГ); д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова**; к. ю. н., проф. **С. Д. Хазанов**; проф. **Хуан Даосю** (КНР); д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров**; проф. **П. Шокинс** (Бельгия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. V. Fedorov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.)

O. I. Andreeva (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **A. S. Barabash** (doctor of legal sciences, prof.); **Yu. S. Bezborodov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **O. V. Boltinova** (doctor of legal sciences, prof.); **L. Ya. Drapkin** (doctor of legal sciences, prof.); **E. R. Ergashev** (doctor of legal sciences, prof.); **M. Yu. Fedorova** (doctor of legal sciences, prof.); **O. G. Geymur** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **S. Yu. Golovina** (doctor of legal sciences, prof.); **Huang Daoxiu** (prof.) (China); **I. A. Ignatieva** (doctor of legal sciences, prof.); **S. D. Khazanov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **S. V. Kodan** (doctor of legal sciences, prof.); **Ja. Koistinen** (candidate of legal sciences) (Finland); **I. Ya. Kozachenko** (doctor of legal sciences, prof.); **N. V. Kozlova** (doctor of legal sciences, prof.); **A. N. Kokotov** (doctor of legal sciences, prof.); **T. V. Kondrashova** (candidate of legal sciences, prof.); **P. I. Kononov** (doctor of legal sciences, prof.); **V. V. Komarova** (doctor of legal sciences, prof.); **E. V. Kudryavtseva** (doctor of legal sciences, prof.); **P. U. Kuznetsov** (doctor of legal sciences, prof.); **A. V. Lisachenko** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **T. E. Loginova** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **I. P. Malinova** (doctor of philosophical sciences, prof.); **S. Yu. Marochkin** (doctor of legal sciences, prof.); **V. P. Motrevitch** (doctor of historical sciences, prof.); **V. V. Nikishin** (doctor of legal sciences, prof.); **D. V. Osintsev** (doctor of legal sciences, prof.); **P. Policastro** (prof.) (Poland); **S. B. Polyakov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **V. F. Popondopulo** (doctor of legal sciences, prof.); **R. K. Rusinov** (candidate of legal sciences, prof.); **T. V. Sakhnova** (doctor of legal sciences, prof.); **P. I. Savitskiy** (doctor of legal sciences, prof.); **P. Schoukens** (prof.) (Belgium); **V. M. Shafirov** (doctor of legal sciences, prof.); **E. V. Smakhtin** (doctor of legal sciences, prof.); **A. I. Stakhov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **V. L. Tolstykh** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **A. Trunk** (doctor of legal sciences, prof.) (Germany); **L. Yu. Vasilevskaya** (doctor of legal sciences, prof.); **D. V. Vinnitskiy** (doctor of legal sciences, prof.); **S. K. Zagaynova** (doctor of legal sciences, prof.); **T. V. Zаметина** (doctor of legal sciences, prof.); **D. V. Zhernakov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,
редакция «Российского юридического журнала»
Тел./факс (343) 375-54-20.
E-mail: ruzh@usla.ru.
electronic.ruzh.org.
Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Архипов С. И. (Екатеринбург)* Теории социально-правовых циклов
О. Шпенглера и А. Тойнби 5
- Нечкин А. В. (Екатеринбург)* Непопулярные реформы в России: понятие
и возможные пути легитимации 18

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Толстых В. Л. (Новосибирск)* Пять уровней международно-правовой мифологии
(продолжение) 23
- Лазутин Л. А. (Екатеринбург)* Роль межправительственных соглашений
в реализации правовой помощи по уголовным делам 39

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Гончаров В. В. (Краснодар)* Условия ограничения права граждан РФ
на осуществление общественного контроля (конституционно-правовой анализ) 45

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Худолей К. М., Худолей Д. М. (Пермь)* Некоторые коллизии антитеррористического
и уголовного законодательства 54

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

- Сергеев А. М. (Екатеринбург)* Права собственности и проблема внешних эффектов 64

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИИ

- Игнатьева И. А. (Москва)* Проблема вариативности определения предмета
экологического права 73

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Мамяченков В. Н. (Екатеринбург)* Моральное состояние и служебная дисциплина
работников советской милиции в конце 1940-х – начале 1950-х гг.
(по архивным материалам Свердловской области) 82

СТУДЕНЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

- Ананьин Д. М. (Екатеринбург)* Процессуальная активность суда
в противодействии злоупотреблениям процессуальными правами 87
- Степшина А. В. (Екатеринбург)* Региональная конституционная юстиция
в Российской Федерации: актуальные проблемы и пути их решения 92

CONTENTS

THEORY OF STATE AND LAW

- Arkhipov S. (Yekaterinburg)* Theories of social and legal cycles by O. Spengler and A. Toynbee 5
- Nechkin A. (Yekaterinburg)* Unpopular reforms in Russia: the concept
and possible ways of legitimation 18

INTERNATIONAL LAW

- Tolstykh V. (Novosibirsk)* Five levels of international legal mythology (continuation) 23
- Lazutin L. (Yekaterinburg)* The role of intergovernmental agreements
in the implementation of legal assistance in criminal cases 39

CONSTITUTIONAL LAW AND PROCEDURE

- Goncharov V. (Krasnodar)* Terms of restriction of the right of Russian citizens to public control
(constitutional and legal analysis) 45

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

- Khudolei K., Khudolei D. (Perm)* Some conflicts of the anti-terrorist and criminal legislation 54

ECONOMICS AND LAW

- Sergeev A. (Yekaterinburg)* Property rights and the problem of externalities 64

LEGAL ASPECTS OF ECOLOGY

- Ignat'eva I. (Moscow)* The problem of variable definition
of the subject of environmental law 73

PAGES OF HISTORY

- Mamyachenkov V. (Yekaterinburg)* Morale and discipline of the Soviet police officers
in the late 1940s – early 1950s (on archival materials of the Sverdlovsk region) 82

STUDENTS' BULLETIN

- Anan'in D. (Yekaterinburg)* The court's procedural activity in counteracting abuses
of procedural rights 87
- Stepshina A. (Yekaterinburg)* Regional constitutional justice in the Russian Federation:
current problems and their solutions 92

**ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ЦИКЛОВ
О. ШПЕНГЛЕРА И А. ТОЙНБИ****Архипов Сергей Иванович**

Профессор кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
приглашенный профессор Университета «Париж-Нантер» (Париж, Франция),
доктор юридических наук,
e-mail: arhip10@mail.ru

В статье исследуются теории социально-правовых циклов О. Шпенглера и А. Тойнби. Анализируются их представления о локальных культурах, цивилизациях, всемирной истории и социально-правовом прогрессе. Обсуждаются их мнения о цикличности культурного развития, условиях возникновения самобытных культур, их автономии, единстве и различиях, причинах их упадка, гибели, социально-правовом будущем человечества.

Ключевые слова: правовой прогресс, культура, цивилизация, правовое развитие, культурно-исторические циклы

**THEORIES OF SOCIAL AND LEGAL CYCLES
BY O. SPENGLER AND A. TOYNBEE****Arkhipov Sergei**

Professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), Paris Nanterre (Paris, France),
doctor of legal sciences,
e-mail: arhip10@mail.ru

The article explores the theories of social and legal cycles by O. Spengler and A. Toynbee. Their ideas about local cultures, civilizations, world history and social and legal progress are analyzed. The author also discusses their views on the cyclical nature of cultural development, the conditions of the emergence of original cultures, their autonomy, unity and differences, the causes of their decline, death, and the socio-legal future of mankind.

Key words: legal progress, culture, civilization, legal development, cultural and historical cycles

В теории правового прогресса наряду с идеей прямолинейного восходящего правового развития общества (И. Кант, Г. Ф. Гегель)¹ существуют представления о том, что в человеческой истории нет постоянного поступательного движения вперед; на смену прогресса приходят регресс, стагнация (застой); одна «волна» сменяет другую, третью и у каждой из них своя внутренняя логика. В целом же социальная история – это не «золотая лестница», по которой идут все от мала до велика согласно предустановленной свыше цели, а множество отдельных историй народов, культур, цивилизаций. К числу таких воззрений, возникших в XX в., относятся теории культурно-исторических циклов О. Шпенглера и А. Дж. Тойнби.

Теория замкнутых (автономных) культур О. Шпенглера

В своем главном труде «Закат Европы» О. Шпенглер отвергал идею единого исторического процесса, всеобщей мировой истории, соответственно общей истории права. По его мнению, существует множество историй отдельных самобытных культур, функ-

¹ Подробнее см.: Архипов С. И. Представления о правовом прогрессе Канта и Гегеля // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 1. С. 7–18.

ционирующих подобно целостному, автономному организму. Каждая культура имеет собственную «душу», возникает на определенном ландшафте и, как растение, привязана к нему, расцветает, созревает, увядает и умирает в тот момент, когда ее силы подорваны, внутренние ресурсы исчерпаны¹.

О. Шпенглер выделяет восемь великих культур: египетскую, вавилонскую, индийскую, китайскую, греко-римскую (античную), арабо-византийскую (магическую), культуру майя (мексиканскую), западноевропейскую (фаустовскую); кроме того, предполагает возможность появления русско-сибирской культуры. Жизненный цикл культуры с момента ее зарождения и до гибели составляет примерно тысячу лет; умирая, она трансформируется в бездушную, окостеневшую протяженность – цивилизацию².

В методологическом плане шпенглеровская теория культур – это своего рода «инстинктивное прозрение». Он утверждал: «У Гете я заимствовал метод, у Ницше – постановку вопросов»³. При этом, характеризуя «божественный взгляд» Гете, он вычленил в нем сочувствие, созерцание, сравнение, непосредственную внутреннюю уверенность, точную чувственную фантазию⁴. С помощью такого «методологического арсенала» О. Шпенглер предпринял попытку постичь ход истории. Как отмечал Ф. Степун, книга «Закат Европы» «дышит полным презрением ко всем вопросам современной научной философии, к вопросам методологии и теории знания»⁵. Автора он определил как романтика-иллюзиониста; Н. А. Бердяев же называл его своеобразным интуитивистом, презирающим академическую философию⁶.

В самом деле, вместо точного научного обоснования своих мыслей О. Шпенглер предпочитал метафоры («культура – организм», «цивилизация – мумия душевности», «история – осуществление души»). Его периодизации основаны не на конкретных исторических фактах, а на субъективных предположениях, установленных им культурных «нормативах». Его произведение нацелено не на рациональное сознание современного европейца, а скорее на его чувства, подсознание, инстинктивное содрогание от ощущения грядущей гибели такого близкого, родного для сердца любого немца, француза, голландца или англичанина социально-правового мира.

Внутренняя автономность каждой из существующих или существовавших ранее культур применительно к правовой сфере проявляется, по мнению О. Шпенглера, в том, что воспринимаемое юристами как заимствованное от Древнего Рима частное право на самом деле не перешло нам «по наследству», не стало нашим, поэтому не получило дальнейшего развития в современном европейском праве. Есть три истории права (античного римского, арабского и западноевропейского), «соединенные меж собой лишь элементами языковой и синтаксической формы»⁷. Каждая правовая история имеет собственные основания, зарождается и протекает в разных социально-экономических условиях. О. Шпенглер утверждал, что поскольку классические римские юристы (Папиниан, Ульпиан, Павел) были арамеями, их учение представляет собой не продолжение и развитие античной римской правовой традиции, а совершенно новое явление – арабское право. Таким образом, развивая идею автономии культур, О. Шпенглер расчленил единую историю римского частного права на несколько частей.

Что касается западноевропейского права, то, согласно Шпенглеру, его история началась независимо от римского права и лишь благодаря усилиям основателя болон-

¹ Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 149.

² И. Кант задолго до О. Шпенглера разграничил культуру и цивилизацию: «Нам еще многого недостает, чтобы считать нас нравственно совершенными. В самом деле, идея моральности относится к культуре; однако применение этой идеи, которое сводится только к подобию нравственного в любви к чести и во внешней пристойности, составляет лишь цивилизацию» (Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 18). О. Шпенглер же ссылаясь не на И. Канта, а на статью Гете «Эпоха духа», в которой цивилизация рассматривается как последний период существования каждой культуры (Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 39).

³ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. С. 16.

⁴ Там же. С. 46.

⁵ Степун Ф. Освальд Шпенглер и «Закат Европы» // Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое средневековье. М., 2002. С. 314.

⁶ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 366.

⁷ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. С. 81.

ской школы юристов-гlossаторов Ирнерия, сделавшего рукопись «*Corpus juris Civilis*» (Свод гражданского права Юстиниана) объектом системного исследования и поклонения, оно стало достоянием фаустовской культуры. Однако glossаторы как носители другого типа сознания не могли постичь смысл, «дух» римских текстов, они заимствовали лишь форму: «То, что мы до настоящего времени называем правоведением, есть либо филология юридического языка, либо схоластика правовых понятий»¹. Шпенглер соглашался с автором Институций римского права Р. Зомом в том, что теоретическое осмысление базовых ценностей современной жизни еще не началось.

С одной стороны, замечание О. Шпенглера по поводу различий социальных основ римского и западноевропейского права, их «духа» имеет под собой основание: они действительно возникли на разной почве. С другой – сводить рецепцию римского права только к языковой форме в корне неверно. В социальном плане рецепция римского права стала возможной с появлением в средневековой Европе крупных городов, развитием торговли. Именно у города (свободных горожан, торговцев) возникла необходимость в частном праве как наиболее адекватном правовом инструменте регулирования зарождающихся рыночных отношений. Отнюдь не лексические и синтаксические формы римских текстов пробудили к ним интерес западноевропейских горожан, а заключенный в римском частном праве регулятивный потенциал. Для них истинная ценность состояла не в магических словах авторитетных древнеримских правоведов, а в их совершенных юридических конструкциях, нормативных моделях, где воля покупателя совмещается с волей продавца на основе принципов юридической свободы и равенства. Если с этой точки зрения оценивать плоды деятельности школы glossаторов и постгlossаторов, то можно усомниться в выводах О. Шпенглера о трех самостоятельных историях частного права. Есть одна общая история системы и «духа» римского частного права на разных ступенях его развития.

Р. Иеринг отмечал: «Три раза Рим диктовал миру законы, три раза приводил народы к единству: в первый раз, когда римский народ был еще в полной своей силе – к единству *государства*; во второй раз после того, как этот народ уже исчез – к единству *церкви*; в третий раз – вследствие усвоения римского права в средние века – к единству *права*; в первый раз внешним принуждением – силой оружия, два другие раза – силою духа... Не в том заключается значение римского права для нового мира, что оно временно считалось источником права... но в том, что оно произвело полный внутренний переворот, преобразовало все наше юридическое мышление. Римское право сделалось, так же, как христианство, культурным элементом нового мира»². Оценивая влияние культуры греков и римлян на современное правовое сознание, Р. Иеринг сформулировал «*высший культурный закон истории*», смысл которого заключается в том, что всякий культурный народ существует не только для себя самого, но и для всего человечества, «для мира»³, его влияние не ограничено периодом его жизни, культурные зерна, посеянные им, дают всходы в других культурах. Таким образом, один из крупнейших знатоков Древнего Рима занимал прямо противоположную позицию по отношению к принципу автономии, замкнутости культуры.

Идею единой истории частного права также отстаивал основатель уральской школы теории права С. С. Алексеев. Он писал, что история частного права характеризуется более чем двухтысячелетним развитием, в течение которого происходило совершенствование не только его основных начал, но и формы, внешнего выражения⁴. Он, как и Р. Иеринг, признавал наличие единого «духа» частного права, сформировавшегося еще в Древнем Риме. Частное право с момента своего возникновения и до настоящего времени сохраняет целостность, свои общие принципы; оно было и остается носителем той идеи, которую заложили в нем римские юристы, «искусством добра и справедливости» (Цельс. D. 1,1, 1,1).

Несколько иначе, чем О. Шпенглер, проблему автономии культур рассматривал Н. Я. Данилевский. В работе «Россия и Европа» он выделил различные культурно-исторические типы (цивилизации) как формы исторического развития: уединенные (китай-

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. С. 84.

² Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб., 1875. Ч. 1. С. 1–2.

³ Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881. Т. 1. С. 67.

⁴ Алексеев С. С. Частное право: науч.-публицист. очерк. М., 1999. С. 40–41.

ская и индийская цивилизации) и преемственные, результаты деятельности которых передавались от одной цивилизации к другой (египетская, ассирийско-вавилонско-финикийская, греческая, римская, еврейская и германо-романская, или европейская)¹. Формами передачи результатов деятельности от одной цивилизации к другой (другим) он называл колонизацию, «принудительную прививку», а также «почвенное удобрение» (оптимальная, с его точки зрения, форма) – ненасильственную передачу плодов творчества одной цивилизации другим как материала, «культурного гумуса» для формирования новых цивилизационных систем. Именно третья форма культурного влияния греческой и римской цивилизаций, как он полагал, имела место в отношении современной германо-романской Европы; это касается, в том числе, заимствования системы римского гражданского права, которая для европейцев до сих пор является недостижимым образцом².

Таким образом, отстаиваемая О. Шпенглером идея автономии, замкнутости культур применительно к праву вызывает принципиальные возражения. Право, как отмечал Гегель, «мир духа», а «дух есть вообще мышление», разум, «это дорога, по которой ходит каждый, на которой никто не выделяется»³; поэтому передовой правовой опыт отдельных народов, наций, культур, их юридические теории, идеальные нормативно-правовые конструкции, успешные законодательные решения глобальных социальных проблем являются достоянием всего человечества. Для юристов культура как социально-правовое явление – это не замкнутая, самодостаточная система, способная существовать в качестве обособленного организма. Когда О. Шпенглер выделил восемь «высших» культур, то, возможно, сам того не осознавая, подверг сомнению их автономию, так как понятие высшего предполагает не просто сопоставление одного явления с другим, но наличие нового качества, новой ступени в рамках одного процесса, единой (и развивающейся) системы. Определяя вышеназванные культуры в качестве «высших», он интуитивно исходил из принципа исторического прогресса, из наличия цели культурного развития и критериев (шкалы), на основе которых осуществляется градация культур. В этом смысле идея выделения «высших» культур противостоит его тезису об отсутствии единого исторического процесса (всеобщей мировой истории) и идее автономии (замкнутости) культур.

Сопоставляя античную и современную западноевропейскую культуру, О. Шпенглер утверждал, что первая по своей сути является телесной, вторая же – духовной, бес-телесной. По его мнению, данное различие обнаруживается не только в скульптуре, живописи, но и в правовом сознании, представлениях о субъектах права, собственности, правовых вещах, которые в античной правовой системе формируются на основе телесно-физического восприятия мира.

На наш взгляд, такое утверждение является весьма спорным. Античное право предполагало рабство, поэтому человек – это не всегда субъект права, он может быть и объектом права (вещью); плоть для римских юристов не имела принципиального значения. Более того, римские правоведы признавали лицами (субъектами права) не только живущих, но и умерших людей⁴. Что касается собственности, то она лишь на ранних этапах правового развития Рима связывалась с непосредственным (физическим) владением; со временем же она начала восприниматься как духовное, правовое владение. Аналогичная тенденция проявилась в осознании юристами Древнего Рима правовой природы вещей, входящих в имущественный оборот; они наряду с телесными, осязаемыми объектами выделили категорию бестелесных вещей.

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 85–88.

² Там же. С. 98–100, 110. Всего он выделял 12 культурно-исторических типов (цивилизаций): 1) египетский; 2) китайский; 3) ассирийско-вавилонско-финикийский; 4) индийский; 5) иранский; 6) еврейский; 7) греческий; 8) римский; 9) ново-семитический, или арабийский; 10) германо-романский, или европейский; а также два американских типа, погибших в результате внешнего насилия (мексиканский и перуанский). По мнению Н. Я. Данилевского, исторический прогресс состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении, а в том, «чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях» (Там же. С. 109).

³ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 67–68, 81.

⁴ Они полагали, что лежащее наследство представляет лицо умершего, в нем юридическая личность продолжает посмертное существование. См., например: Мейер Д. И. Русское гражданское право. Общая часть. СПб., 1862. С. 62.

Если сравнивать зрелое римское правосознание со взглядами средневековых юристов, то можно сделать вывод, прямо противоположный выводу О. Шпенглера: с одной стороны – настоящий правовой (бестелесный) «дух», с другой – примитивный правовой натурализм, следы которого заметны вплоть до XX в. Многие представители немецкой юриспруденции конца XIX – начала XX в., по образному высказыванию Р. Иеринга, не могли вообразить индивида как субъекта права «без брюха», для них участниками правоотношений могли выступать лишь материальные, осязаемые лица. Здесь показателен приведенный самим О. Шпенглером пример электрической энергии как предмета раздора сторонников телесной и бестелесной собственности среди западноевропейских юристов; по сути, этот пример опровергает его ключевой тезис о том, что западная культура (по крайней мере в сфере права) с точки зрения критерия телесности превзошла античную культуру, и вынуждает признать, что над современными западными юристами довлеют представления о телесности вещи и личности как теле¹.

Одно из важнейших положений шпенглеровской теории – тезис о наличии у каждой культуры собственной «души». Среди названных им восьми культур можно выделить культуры национальные (например, египетская, индийская, китайская и др.), для которых характерно наличие общего языка, национального (народного) менталитета, традиций, образа жизни, единой морали и т. д., и наднациональные (арабская и западноевропейская). Что объединяет европейские народы, враждующие между собой на протяжении веков, отличающиеся темпераментом (южная Италия и северная Скандинавия), характером, языком, традициями; ненавидящих друг друга французов и англичан и ненавидящих всех немцев²? Где тот базис, на котором зарождается единая западноевропейская культура?

О. Шпенглер утверждал, что «душа» каждой культуры зиждется на общей религии. Для западной культуры таким стержнем в его теории являлось не классическое раннехристианское учение, проповедующее свободу и любовь к ближнему, а германско-нордический католицизм. Он рассматривал его как новую религию в старом обличье, религию не аскетов, а завоевателей, колонизаторов, стремящихся «превратить всю земную поверхность в единую колониальную область и экономическую систему»; «фаустовская религия по самой своей природе не могла допустить никакой свободы совести – это противоречит ее пронизывающей пространству динамике. Также и свободомыслие не составляет никакого исключения в данном отношении... среди нас не бывает веры без склонности к инквизиции в той или иной форме»³. Воля к власти, твердость духа, стремление к безраздельному господству – вот что характерно для северной (фаустовской) души. Поэтому точкой отсчета для западной культуры, по мнению О. Шпенглера, является не момент зарождения христианства, а крестовые походы (начало II тысячелетия)⁴. Если следовать его логике, то главной объединительной силой при формировании западной культуры стало не внутреннее притяжение европейских народов, а внешние вызовы. Первоначально – борьба с исламом за Иерусалим, затем – общая цель колонизации мира (где основой единения стал принцип «волчьей стаи»).

С «фасадной» стороны европейская культура – это устремленные ввысь готические соборы, развитая наука, Микеланджело, Рафаэль, Леонардо да Винчи, Бах, Бетховен, Шекспир, Байрон, Гете, технический и технологический прогресс, теории прав человека, правового государства, народного (национального) суверенитета, демократии и т. д. С внутренней же стороны – стремление любой ценой достичь мирового господства, идея завоевания и колонизации других народов, неуемная жажда наживы. Возникнув как локальная культура, европейская культура распространилась на весь земной шар, стала по своему охвату (но не по сути) общемировой. В ней заключены едва

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. С. 85.

² Шпенглер, например, уверял, что расовая ненависть между немцами и французами несколько не слабее, чем между немцами и евреями (Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. С. 168).

³ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. С. 394, 475.

⁴ В первом томе «Заката Европы» Шпенглер писал о том, что западная культура пробудилась около 1000 г. (Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. С. 188). Во втором томе своего произведения он уточнил: «со времени императора Генриха IV» (Там же. Т. 2. С. 42).

скрытое лицемерие, попытка оправдать низменные побуждения высокими морально-правовыми ценностями, безнравственные политические и экономические цели благими теориями. Данная культура несет в себе внутреннее противоречие – между провозглашенными и воспринятыми демосом (управляемым большинством¹) идеями свободы, равенства, прав человека и неистребимым стремлением европейских элит к абсолютному господству, власти над собственным и чужими народами. Развитие этого противоречия стало, на наш взгляд, причиной вырождения европейской демократии, всей системы политического устройства, а также христианско-католической религии как стержневого элемента фаустовской культуры. Если сущность всякой культуры, согласно О. Шпенглеру, это религия, «то сущностью всякой цивилизации является безрелигиозность»².

Западная культура, по мнению автора «Заката Европы», себя исчерпала, ее цель достигнута; с XIX в. начался переход к цивилизации, который выражается в отрыве формирующихся мировых столиц от своих корней, от провинции, в духовном кризисе, охватывающем весь европейско-американский мир, в самоуничтожении точной науки, в бездушном, «механическом» существовании народов, в пустой архитектуре (американских небоскребов), в переходе к империализму, этическому социализму и цезаризму. О. Шпенглер прогнозировал: «Другого Гете у нас, немцев, больше не будет, но будет Цезарь»³; цезаризм – это не кратковременный период, а целая историческая эпоха, которая не нуждается в искусстве и философии. Также он предполагал возможность создания Соединенных Штатов Европы как экономического организма (но он ошибся в сроках, указав XXI в., проект же создания Европейского союза стартовал еще в XX в.).

Достоинства и недостатки концепции О. Шпенглера. Для правового сообщества шпенглеровские культурологические прогнозы, безусловно, представляют интерес. Если фаустовская культура действительно достигла состояния «окаменелости», цивилизации, то неизбежны разрушение системы ее правовых ценностей, кризис всей правовой сферы западного мира. Учитывая, что с развалом Советского Союза сверхидея «нордического» сознания, заключающаяся в достижении мирового господства, воплотилась на практике, внешние, «фасадные» теории прав человека, правового государства, использованные западными элитами для идеологических целей в борьбе с коммунизмом, утратили свою актуальность.

В условиях цезаризма право как система коммуникации, основанная на принципах свободы и равенства, оказывается чужеродным элементом. Европа не только теряет христианско-католическую веру, но и перестает верить в правовой прогресс, возможность осуществления правовых идеалов. Не случайно в XX в. кантовско-гегелевское учение о правовом прогрессе было отвергнуто. Главная проблема заключается не столько в его «конструктивных» недостатках, которые устранимы, но в утрате веры в правовое будущее человечества. А это не может не отразиться на судьбе правового государства, воплощении заветной мечты правового сообщества.

О. Шпенглер, наверно, прав в том, что русская нация не вписывается в общую картину фаустовской культуры (как и Греция, которую он исключил из Западной Европы). У России другой, не германско-нордический менталитет с его индивидуализмом и стремлением к безраздельному господству; тип сознания русского народа сформировался на общинном укладе, которому свойственны коллективизм, сострадание, взаимопомощь, обостренное чувство справедливости; в его основе лежит не католицизм, а православие. Расширение государственных границ России шло путем не создания колоний, порабощения других народов, а включения их в свой мир, формирования единого политико-правового поля, признания инородцев гражданами единого русского государства. Русско-сибирская культура, по мнению О. Шпенглера, может встать в один ряд с «высшими» культурами, но она должна еще до конца сфор-

¹ О. Шпенглер разделяет мнение о том, что европейские элиты благодаря своему превосходству в знаниях, богатству и влиянию пользуются демократической Европой как удобным и послушным инструментом в своих целях, тайно вершат судьбы Земли (*Шпенглер О. Закат Европы*. Т. 1. С. 407).

² *Шпенглер О. Закат Европы*. Т. 1. С. 416.

³ *Шпенглер О. Пессимизм ли? Ответ моим критикам*. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Speng/pessimizm.php.

мироваться, «вызреть». Он интуитивно воспринимал масштаб и значение происходящих на востоке Европы процессов, но рационально не мог их объяснить и описать. Россию он скорее чувствовал, чем понимал, поэтому проявлял осторожность в своих суждениях о ее перспективах.

Немецкий философ негативно оценивал надменность, пренебрежительность западноевропейцев по отношению к другим культурам, однако сам именно так – свысока – смотрел на русскую культуру. При этом он не определял критерии «высокости» культуры, не объяснял, на каком основании культуру Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. П. Чехова, П. И. Чайковского и других выдающихся российских писателей и композиторов он ставил ниже западной. Возможно, в сфере юриспруденции, экономических, политических наук, социологии (но не математики, ядерной физики, других точных наук) Россия не достигла уровня развития Запада, но это частные сферы. В главной – духовно-нравственной – сфере шпенглеровский тезис о величии западной культуры является весьма спорным. Культура, поощряющая колонизацию, массовое истребление, угнетение других народов, экономическое и правовое рабство, – это варварская культура, если варварство и культура вообще совместимы.

Россия, с одной стороны, восприняла многие культурные ценности Западной Европы (вопреки утверждению О. Шпенглера о том, что русскому мышлению чужды категории мышления западного¹), с другой – не утратила самобытности, не потеряла, в отличие от западного мира, свою веру (не только религиозную, но и веру в правовой прогресс) и тем самым сохранила способность к культурному саморазвитию. У России есть историческая возможность стать новым духовным центром мира, носителем по-настоящему высокой (не только с точки зрения самооценки) культуры, в основе которой будут лежать не локальные (европейские, азиатские, американские и т. д.), а общечеловеческие ценности. Идея О. Шпенглера о том, что с учетом современных реалий необходимо переосмыслить фундаментальные правовые понятия, разработать глубинные принципы права, освободиться от схоластики, ненужных схем, создать правоведение нового уровня («За спиной у нас – великие искусства, впереди – непочатое правоведение»²), весьма актуальна, хотя и не нова (до него она была уже сформулирована И. Кантом). Но способна ли осуществить это фаустовская культура?

Зачем устремленному к мировому господству германско-католическому «духу» правовые цепи, ограничители? О. Шпенглер не осознал внутреннего противоречия между принципами права и политического господства, того, что культура, которая сделала сущностный выбор в пользу господства, неизбежно должна поступиться принципами права. Она может прикрываться правовыми теориями (прав человека, правового государства и т. д.) в идеологических целях, но в выборе между принципами правовой (свободы, формального равенства и совмещения произволов) и политической (основанной на власти и подчинении) коммуникации уже давно определилась. Сделанный западной культурой много веков назад выбор в пользу идеи мирового господства объясняет относительную отсталость (по сравнению с точными науками) фаустовского правоведения (его «непочатость»).

Правовой прогресс, как и идея духовно-нравственного развития человечества, предполагает в качестве исходного начала признание высшей социально-правовой ценности личности, ее прав и свобод («Будь лицом и уважай других в качестве лиц»³), а также взаимное уважение между представителями разных наций, народов, этносов. Та культура, которая окажется в состоянии сплотить народы на основании общечеловеческих ценностей, правовых принципов коммуникации, возможно, станет первой великой, всеобщей культурой. Фаустовская культура не смогла выполнить эту миссию, она по своему «духу» осталась германско-католической (локальной).

Сможет ли Россия стать объединительным центром Запада и Востока, сформировать культуру нового типа? Для этого есть как предпосылки, так и серьезные препятствия. Среди предпосылок можно указать межнациональный и межконфессиональ-

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. С. 43.

² Там же. Т. 2. С. 84.

³ Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 98.

ный состав российского народа, его способность мирно сосуществовать, огромный исторический опыт государственного устройства, либеральных и иных реформ, но самое главное – сохранившееся после всех социальных катаклизмов стремление народа развиваться, идти по пути социального прогресса. К числу препятствий можно отнести только формирующиеся после распада Советского Союза отношения частной собственности, незначительное число представителей среднего класса, являющихся главной движущей силой правовых преобразований, низкий уровень правовой культуры граждан, непрофессионализм законодателя, необъективность правосудия и эмпирическое правоправление, подобное, по образному выражению И. Канта, голове, «которая может быть прекрасна, но, увы, не имеет мозга»¹.

Цивилизационная концепция А. Тойнби

В 12-томном труде «Постижение истории» А. Тойнби изложил собственное понимание человеческой истории. С его точки зрения, в основе большинства современных научных исследований лежит неверная предпосылка – идея о прямолинейности развития. Он, как и О. Шпенглер, воспринимал историю как циклический процесс, круговорот локальных обществ, именуемых им цивилизациями (в английской и французской литературе понятия цивилизации и культуры обычно рассматриваются как тождественные). Для него исходным целым является не народ, нация или этнос, а относительно замкнутые общества – цивилизации, наименьшие ячейки умопостигаемого поля исторического исследования, каждая из которых представляет собой социальное единство, культурный монолит.

Вместе с тем, в отличие от О. Шпенглера, А. Тойнби не рассматривал людские общности по аналогии с организмами, выступал против того, чтобы устанавливать общие сроки существования цивилизаций². Кроме того, он понимал историческую цикличность иначе, чем его немецкий предшественник, выступая против «унылого круговорота» человеческой истории: «Поскольку цивилизации переживают расцвет и упадок, давая жизнь новым, в чем-то находящимся на более высоком уровне цивилизациям, то, возможно, разворачивается некий целенаправленный процесс, божественный план, по которому знание, полученное через страдание, вызванное крушениями цивилизаций, в результате становится высшим средством прогресса»³.

В качестве оснований классификации цивилизаций А. Тойнби называл религии (наличие или отсутствие церковных связей между обществами), а также территориальный критерий (степень удаленности от того места, где конкретное общество возникло). Первоначально он выделил 21 цивилизацию: западную, православную христианскую основную (византийско-балканскую), православную христианскую в России, иранскую, арабскую, индскую, индуистскую, дальневосточную основную, дальневосточную в Корее и Японии, эллинскую (греко-римскую), сирийскую, китайскую, минойскую, шумерскую, хеттскую, вавилонскую, андскую, мексиканскую, юкатанскую, майанскую и египетскую⁴. При этом он был вынужден признать, что при более детальном анализе количество полностью независимых цивилизаций может быть уменьшено до десяти. В ходе многолетнего исследования значительную часть выделенных им цивилизаций (восемь) он «незаметно для себя» потерял⁵.

¹ Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 139.

² Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991. С. 295. А. Тойнби весьма резко критиковал высказанную О. Шпенглером точку зрения по данному вопросу: «Согласно его теории, цивилизации возникали, развивались, приходили в упадок в точном соответствии с определенным устойчивым графиком, однако никакого объяснения этому не было. Просто это был закон природы, открытый Шпенглером, и нам следовало принять его на веру со слов Учителя: *ipse dixit* (сам сказал)» (Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: сб. 2-е изд. М., 2003. С. 271).

³ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. С. 274. Далее он развивает эту мысль: «Похоже, что движение цивилизаций имеет циклический и периодический характер, в то время как движение религии выглядит как одна непрерывная восходящая линия. Возможно, что циклическое движение цивилизаций служит и помогает непрерывному восходящему движению религии через повторяющийся цикл: рождение – смерть – рождение» (Там же. С. 414).

⁴ Тойнби А. Дж. Постижение истории. С. 77–79.

⁵ Уколова В. И. Арнольд Тойнби и постижение истории // Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991. С. 7. В 1961 г. А. Тойнби вновь уточнил свой реестр цивилизаций (Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. С. 247–249).

Сравнивая цивилизации с примитивными обществами, А. Тойнби приходил к выводу, что цивилизации значительно превосходят примитивные общества по своим жизненным циклам, ареалу (территории) и числу входящих в них лиц. Кроме того, цивилизации «представляют собой не статические формации, а динамические образования эволюционного типа. Они не только не могут пребывать в состоянии покоя, но не могут и произвольно менять направление, как если бы они двигались по улице с односторонним движением»¹. Цивилизации в процессе своего существования проходят ступени *генезиса, роста, надлома и разложения*. Развитие локальных обществ, как полагал историк, пока не привело к появлению единой, общепланетарной цивилизации, тем более нет оснований говорить о том, что такой глобальной структурой стало западное общество.

Исследуя причины зарождения и развития цивилизаций, А. Тойнби акцентировал внимание на внешнем факторе (среде), под которым он понимал не только природные условия, но и социальное окружение. Однако сама по себе внешняя среда не является достаточным условием для культурного генезиса той или иной человеческой общности; ее значение заключается в том, чтобы инициировать внутренний порыв, социальный импульс к действию, к преобразованиям, который должен иметь характер постоянного стимула. Он рассматривал воздействие среды на общество как вызов, сделанный ему и принятый им (вызов-и-ответ). В отдельных случаях вызов природы стимулировал процесс преобразования социального уклада, превращения собирателей в земледельцев (египетская, шумерская цивилизации); для минойской цивилизации судьбоносным стал вызов морской стихии, определивший ее существование и образ жизни людей. Для русской (православной) цивилизации таким побудителем стало «непрерывное внешнее давление», начавшееся в 1237 г. с нашествия монгольского хана Батыя и обусловившее, по мнению А. Тойнби, «эволюцию нового образа жизни и новой социальной организации»². Вызовы, стимулирующие развитие цивилизаций, с одной стороны, должны быть достаточно сильными, приводящими общество в движение, способствующими внутренним изменениям, с другой – не должны быть чрезмерными, вести к разрушительным социальным последствиям.

С правовой точки зрения интерес представляет ответ, который был дан Спартой на общий вызов жителям Эллады (нехватка плодородной земли в условиях растущего населения). Спартанцы, захватившие чужие земли, по мнению А. Тойнби, осуществили такие социально-правовые преобразования (законы Ликурга), которые повернули ход спартанской истории, сделали их заложниками собственной идеи господства над Мессенией, ставшей их проклятием³. Во имя осуществления этой идеи государство было вынуждено пойти против человеческой природы, семьи, брака, культивировать жестокие нравы, создать военно-казарменный строй. Воинская служба продолжительностью 53 года, изъятие детей из семьи по достижении ими семи лет для подготовки к армии, регулирование потомства властями путем подбора супругов по евгеническим критериям, умерщвление слабых новорожденных – это был спартанский ответ на социальный вызов.

Анализируя проблемы развития цивилизаций, А. Тойнби пытался определить критерии их роста; он справедливо полагал, что технический прогресс не является определяющим с точки зрения оценки развития цивилизации. По его убеждению, современному западному обществу брошен моральный, а не технический вызов; человек при этом оказался не готов ответить на него, он овладел природой, но не овладел собой, поэтому критерий роста цивилизации следует искать в духовной сфере, в свойствах личности: «...критерий роста – это прогрессивное движение в направлении самоопределения, а движение в сторону самоопределения – это прозаическая формула самовыражения Жизни»⁴.

¹ Тойнби А. Дж. Постижение истории. С. 87.

² Там же. С. 140.

³ Там же. С. 197–198.

⁴ Там же. С. 250. При этом под прогрессом он понимал «последовательное совершенствование нашего культурного наследия, непрерывное и кумулятивное, от поколения к поколению. Мы должны понимать прогресс таким образом, ибо нет никаких оснований предполагать, что в рамках „исторического времени“ наблюдается какой-либо прогресс в эволюции самой человеческой природы, как физической, так и духов-

В целом верное замечание о роли духовного фактора в развитии цивилизации не получило конкретизации. Историк, социологу или юристу, поставившему перед собой цель исследования развития цивилизаций, необходимо сформулировать четкие критерии их прогресса (роста). Самоопределившаяся личность, ее духовные качества – это, скорее, предмет изучения психологов и этиков. Для объективной оценки развития человеческих обществ должны быть выявлены внешние, «осязаемые» критерии, с помощью которых можно измерить цивилизации, установить степень их культурного развития. К сожалению, таких четких и объективных критериев роста цивилизаций А. Тойнби не предложил; его общие рассуждения по поводу принципа прогрессирующего упрощения (этерификации), переноса энергии из одного поля в другое не кристаллизуются в конкретные измерительные алгоритмы. Один из главных вопросов-«вызовов» его цивилизационной теории, по сути, остался без ответа.

Согласно концепции А. Тойнби рост цивилизаций – дело рук творческих личностей, они являются первооткрывателями, ведут за собой общество – нетворческое большинство, инертную массу. Подтягивание нетворческого большинства до уровня социального авангарда происходит посредством подражания (мимесиса). В отличие от примитивных обществ, где ориентирами для подражания являются представители старшего поколения или «образы предков», в растущих цивилизациях эталоном выступают социальные лидеры, творческое меньшинство¹. В определенный момент творческое меньшинство оказывается неспособным отвечать на социальные вызовы, что порождает недоверие со стороны большинства и отказ следовать за ним. В обществе назревает раскол, на смену творческим лидерам приходит правящее меньшинство, которое силой пытается удержать власть. Это социальная фаза надлома цивилизации, характеризующаяся исчезновением творческого меньшинства, утратой внутреннего единства общества, нравственным отчуждением большинства (внутреннего пролетариата) от власти имущих (правящей элиты). За надломом следует стадия разложения цивилизации.

Особое внимание А. Тойнби уделял западной цивилизации, корни которой уходят в античность – в эллинскую цивилизацию; историческая связь между ними подобна родственной связи между ребенком и родителем (аналогичные родственные отношения он устанавливал между эллинской и православной основной, а также православной российской цивилизацией). Момент зарождения западной цивилизации британский историк связывал с возникновением крупнейшего в Европе государства франков периода правления каролингов (VIII–IX вв.), включавшего в себя северную Испанию, почти всю Францию (за исключением Бретани), северную Италию, германские, австрийские земли и др. Католические проповедники на захваченных саксонских землях обратили в христианство местных язычников и тем самым усилили светскую власть духовной. Главной осью зарождающегося общества, по мнению А. Тойнби, стали земли «императора Запада» Лотаря I (короля Срединного королевства); «именно здесь церковь, продвигаясь к границам Римской империи, пришла в соприкосновение с варварами и здесь в конце концов она породила новое общество»².

Для современной западной цивилизации определяющими, согласно концепции А. Тойнби, являются два института: индустриальная система экономики и система демократии. Проснувшийся национальный дух породил «суверенные государства» в рамках западного общества, поэтому общему чувству «христианского братства» в сознании европейцев противостоит чувство национальной обособленности, раздора. Цель западной цивилизации британский историк видел в мировом господстве, и в этом пункте его позиция, на наш взгляд, совпадает с точкой зрения О. Шпенглера. *Homo Occidentalis* (человек западный) постепенно утратил страх перед внешними силами, возможностью военного вторжения со стороны народов иных цивилизаций, он сам стал постоянной угрозой другим и в этом стремлении достиг искомой цели – всемирного экономического, политического и культурного господства³.

ной» (Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. С. 430). Таким образом, речь идет не о качествах, определяющих духовную природу человека, а о внешнем «окультуривании».

¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. С. 259–261.

² Там же. С. 37.

³ Там же. С. 245.

Важной вехой развития западного общества была колонизация других народов, захват чужих территорий. А. Тойнби проводил интересное сравнение социально-правового положения рабов в Северной Америке до гражданской войны 1861–1865 гг. и в Древней Греции и Риме. Сопоставляя различные исторические данные, он приходил к выводу, что страдания негров-рабов, поработенных западным миром, намного превосходили страдания рабов Рима. Что касается положения рабов в Афинах, то, как он утверждал, уже в V в. до н. э. они пользовались всеми афинскими правами, по закону их нельзя было оскорблять, им разрешалось жить в роскоши, владеть большим хозяйством и т. д.¹

С учетом приведенных аргументов вновь возникает вопрос о том, где пролегает граница между варварством и цивилизацией, культурой, а также о духовном превосходстве, величии западного общества. Его внутренние пороки в связи с техническими достижениями в военной сфере превратились в смертельно опасные для него самого и окружающих; Запад идет самоубийственным путем: «Итак, мы смотрим в лицо Вызову, с которым никогда не приходилось сталкиваться нашим предшественникам. Мы должны искоренить войну и классы как таковые – и искоренить их немедленно – под страхом того, что, если мы дрогнем или потерпим неудачу, они сами одержат победу над человеком, которая на этот раз окажется окончательной и бесповоротной»².

По мнению А. Тойнби, западная цивилизация находится в процессе надлома и распада. При этом сегодня весь мир оказался в ее сетях, под ее экономическим, политическим и технологическим влиянием, поэтому распад западного общества становится общемировой проблемой. В будущем едва ли возникнут цивилизации, которые не будут связаны с ней «родственными узами». Отсюда можно сделать вывод о том, что история автономных цивилизаций подходит к своему завершению, впереди открываются горизонты новой социальной истории. И это обстоятельство британский историк осознавал: «В наш век главным в сознании общества является осмысление себя как части более широкого универсума, тогда как особенностью общественного самосознания прошлого века было притязание считать себя, свое общество замкнутым универсумом»³. Как утверждает автор диссертационного исследования, посвященного творческому наследию А. Тойнби, будущее человечества он ставил в зависимость от способности создать новую интеграцию общепланетарного масштаба⁴.

Обсуждая перспективы социального развития, автор «Постижения истории» задался вопросом: насколько неизбежна судьба западного общества, может ли оно сохранить себя на историческом ландшафте или его закономерно постигнет печальная участь всех предшествующих цивилизаций? С одной стороны, есть все предпосылки для его дальнейшего распада, социальной гибели, включая самоуничтожение; с другой стороны, по мнению А. Тойнби, есть также возможность собственными усилиями придать истории новый поворот, найти выход из смертельного тупика и в конечном счете это вопрос свободы выбора. В качестве мер спасения он предлагал в политической сфере создать силами ООН конституционную кооперативную систему мирового правительства, в экономической – найти компромисс между свободным предпринимательством и социализмом, в духовной – вернуть светские суперструктуры на религиозное основание; при условии решения всех трех задач можно надеяться на выживание западной цивилизации⁵.

Достоинства и недостатки теории А. Тойнби. Анализируя достоинства цивилизационной концепции А. Тойнби, можно отметить, во-первых, огромный объем проделанной им исследовательской работы, колоссальное количество изученного исторического материала, многотомный труд и десятки других книг и статей по данной проблеме. Во-вторых, начав свое исследование с первичной клеточки исторического процесса (локальных обществ), он смог подняться до проблем цивилизации в общепланетарном масштабе («Цивилизации приходили и уходили, но Цивилизация

¹ Тойнби А. Дж. Постижение истории. С. 169, 382–383.

² Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. С. 281–282.

³ Тойнби А. Дж. Постижение истории. С. 20.

⁴ Голенок Г. В. Феномен цивилизации в философском наследии А. Тойнби: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2005. С. 20.

⁵ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. С. 290–291.

с большой буквы каждый раз возрождалась в новых, свежих формах»¹. В этом отношении его концепция выгодно отличается от теории О. Шпенглера, оказавшегося заложником круговорота локальных культур. В-третьих, британский историк продемонстрировал способность к синтезу, глубоким обобщениям, прогнозированию развития социальных процессов (например, перспектив создания Объединенной Европы и особой роли в ней Германии). В-четвертых, можно отметить стремление А. Тойнби найти пути преодоления предсказанной им же неизбежной гибели западной цивилизации.

Что касается недостатков цивилизационной концепции, то прежде всего следует обратить внимание на понятийную «рыхлость» ее фундамента. Ключевое понятие «цивилизация» недостаточно проработано, отсутствуют необходимые критерии отнесения тех или иных обществ к цивилизациям, отсюда возникают проблемы с их классификацией, установлением их общего числа. В методологическом плане А. Тойнби объединяет с О. Шпенглером общая «болезнь» – интуитивизм.

Другим существенным недостатком его концепции, на наш взгляд, является недооценка роли права в процессе формирования локальных цивилизаций и в особенности всеобщей цивилизации. В круговороте политических страстей, революций, войн, в становлении и упадке отдельных государств и целых цивилизаций историк не замечал главного – постепенного, медленного, но неуклонного формирования нравственно-правового сознания людей, правовой культуры, определяющих духовное состояние общества, уровень его цивилизованности, способности к ненасильственному, мирному решению сложнейших социальных проблем.

Еще одним слабым пунктом исследования А. Тойнби является его наивная вера в то, что с помощью своих советов и рекомендаций западному сообществу он изменит ход истории, сделает то, что не удалось до него никому. Можно ли посредством научного трактата преобразовать сознание людей, утративших религиозный и политический «дух», вдохновить на новый виток истории тех, кто растратил свои силы в постоянной борьбе за мировое господство?

Список литературы

Алексеев С. С. Частное право: науч.-публицист. очерк. М., 1999.

Архипов С. И. Представления о правовом прогрессе Канта и Гегеля // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 1.

Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990.

Голенок Г. В. Феномен цивилизации в философском наследии А. Тойнби: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2005.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.

Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб., 1875. Ч. 1.

Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881. Т. 1.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1966. Т. 6.

Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2.

Мейер Д. И. Русское гражданское право. Общая часть. СПб., 1862.

Степун Ф. Освальд Шпенглер и «Закат Европы» // Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое средневековье. М., 2002.

Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991.

Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: сб. 2-е изд. М., 2003.

Уколова В. И. Арнольд Тойнби и постижение истории // Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991.

Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. М., 2003–2004. Т. 1–2.

Шпенглер О. Пессимизм ли? Ответ моим критикам. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Speng/pessimizm.php.

References

Alekseev S. S. Chastnoe pravo: nauch.-publitsist. ocherk. M., 1999.

Arkhipov S. I. Predstavleniya o pravovom progresse Kanta i Gegelya // Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu». 2018. № 1.

Danilevskii N. Ya. Rossiya i Evropa. M., 1991.

¹ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. С. 280–281.

- Gegel' G. V. F.* Filosofiya prava. M., 1990.
- Golenok G. V.* Fenomen tsivilizatsii v filosofskom nasledii A. Toinbi: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. M., 2005.
- Iering R.* Dukh rimskogo prava na razlichnykh stupenyakh ego razvitiya. SPb., 1875. Ch. 1.
- Iering R.* Tsel' v prave. SPb., 1881. T. 1.
- Kant I.* Ideya vseobshchei istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane // *Kant I.* Sochineniya: v 6 t. M., 1966. T. 6.
- Kant I.* Sochineniya: v 6 t. M., 1965. T. 4. Ch. 2.
- Meier D. I.* Russkoe grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast'. SPb., 1862.
- Shpengler O.* Pessimizm li? Otvet moim kritikam. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Speng/pessimizm.php.
- Shpengler O.* Zakat Evropy: v 2 t. M., 2003–2004. T. 1–2.
- Stepun F.* Osva'd Shpengler i «Zakat Evropy» // *Berdyaev N. A.* Smysl istorii. Novoe srednevekov'e. M., 2002.
- Toinbi A. Dzh.* Postizhenie istorii. M., 1991.
- Toinbi A. Dzh.* Tsivilizatsiya pered sudom istorii: sb. 2-e izd. M., 2003.
- Ukolova V. I.* Arnol'd Toinbi i postizhenie istorii // *Toinbi A. Dzh.* Postizhenie istorii. M., 1991.

НЕПОПУЛЯРНЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ: ПОНЯТИЕ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ЛЕГИТИМАЦИИ

Нечкин Андрей Вадимович

Доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), кандидат юридических наук,
e-mail: super.nechkin@gmail.com

В последнее время в средствах массовой информации и социальных сетях ведутся споры вокруг так называемых непопулярных реформ, реализуемых без должного обсуждения и широкого народного одобрения. Автор выделяет признаки и формулирует определение понятия непопулярной реформы. Он рассматривает возможные способы повышения уровня легитимности таких реформ и приходит к выводу о необходимости использования для этого институтов прямой демократии. Отмечается, что существующие в России институты прямой демократии не в полной мере подходят для легитимации непопулярных реформ. Обосновывается необходимость введения принципиально нового института прямой демократии и перечисляются его ключевые черты. В их числе – широкое использование информационно-телекоммуникационных технологий; согласительная природа данного института; четкая нормативная регламентация на уровне не ниже федерального закона вопросов, которые должны проходить через согласование с применением нового института.

Ключевые слова: реформа, непопулярная реформа, референдум, прямая демократия, информационно-телекоммуникационные технологии, петиция, институты прямой демократии

UNPOPULAR REFORMS IN RUSSIA: THE CONCEPT AND POSSIBLE WAYS OF LEGITIMATION

Nechkin Andrei

Associate professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), candidate of legal sciences,
e-mail: super.nechkin@gmail.com

Recently, the mass media and social networks have been discussing actively so-called unpopular reforms implemented without proper discussion and wide popular approval. The author identifies the signs and defines the concept of unpopular reform. He considers the possible ways to increase the legitimacy of such reforms, and concludes that it is necessary to use direct democracy institutions for this purpose. The author notes that the institutions of direct democracy existing in Russia are not fully suitable for legitimizing unpopular reforms. He justifies the necessity of introducing a radically new institution of direct democracy for legitimizing unpopular reforms, and lists its key features. Among them there should be the widespread use of digital technologies; the conciliatory nature of this institution; the unambiguous regulation by federal laws the issues that must pass through an approval procedure with the use of the new institution.

Key words: reform, unpopular reform, referendum, direct democracy, digital technologies, petition, institutions of direct democracy

Сегодня в средствах массовой информации и социальных сетях активно обсуждается, преимущественно в негативном контексте, тема так называемых непопулярных реформ, к которым стали относить пенсионную реформу; так называемую монетизацию льгот, повлекшую замену натуральных льгот денежными компенсациями; реформу образования, связанную с введением ЕГЭ, а также двухуровневого высшего образования;

увеличение конституционно установленного срока полномочий Президента РФ с четырех до шести лет; ужесточение законодательства, регламентирующего проведение публичных мероприятий; ужесточение уголовной и административной ответственности за отдельные правонарушения; установление дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности (так называемый пакет депутата Яровой); череду налоговых реформ, связанных с фактическим повышением налогового бремени для отдельных категорий налогоплательщиков (повышение акцизов, государственной пошлины, других обязательных платежей и т. д.) и усилением валютного контроля за гражданами.

Приведенный примерный перечень так называемых непопулярных реформ позволяет выявить некоторые их признаки.

Во-первых, такие реформы затрагивают личные, политические и социально-экономические права и свободы человека и гражданина, а значит, требуют изменения существующего правового регулирования, т. е. внесения изменений, как минимум, в отраслевое законодательство (как правило, в федеральные законы).

Во-вторых, указанные реформы являются обременяющими, т. е. они прямо или косвенно увеличивают расходы гражданина, которые ему невозможно (уплата налогов и сборов, покупка продуктов питания и т. д.) или трудно (коммунальные, транспортные расходы и т. д.) минимизировать законными способами, а также накладывают иные ограничения на права и свободы человека и гражданина или же вводят дополнительные обязанности.

В-третьих, данные реформы порождают социальное несогласие или даже протест, т. е. затрагивают широкие круги населения и, по мнению подавляющего числа граждан, реализуются без должного обсуждения с ними, нередко с применением различного рода политтехнологий и ухищрений (например, «кредита доверия»¹, «медийного замещения»² и т. д.) не в интересах большинства, а значит, не обеспечивают реализацию универсального принципа справедливости.

Таким образом, под непопулярной реформой в России следует понимать обременяющее для широких кругов населения изменение существующего правового регулирования реализации личных, политических и социально-экономических прав и свобод человека и гражданина, порождающее несогласие или протест в обществе.

Из рассмотренных признаков непопулярной реформы наиболее опасным для государства является порождаемое ею социальное несогласие или протест, потому как это состояние противопоставляет источник власти – народ – и государство.

Основным средством устранения или минимизации указанных последствий является достижение максимального уровня одобрения (легитимации) потенциально непопулярной реформы со стороны населения до ее реализации, т. е. до вступления в силу соответствующего нормативного правового акта. Для этих целей лучше всего подходят институты прямой демократии. Причем можно использовать как уже имеющиеся, так и новые. К уже имеющимся в России институтам демократии можно отнести в первую очередь референдум.

В России на федеральном уровне возможно проведение лишь факультативного решающего (постановляющего) референдума по крайне ограниченному кругу вопросов, в число которых не входят вопросы об изменении статуса субъекта (субъектов) РФ; о досрочном прекращении или продлении срока полномочий Президента РФ, Государственной Думы, а также о проведении досрочных выборов Президента РФ, депутатов Государственной Думы либо о перенесении сроков проведения таких выборов; об избрании, о назначении на должность, досрочном прекращении, приостановлении или продлении полномочий лиц, замещающих государственные должности РФ; о персональном составе федеральных органов государственной власти, иных федеральных государственных органов; об избрании, о досрочном прекращении,

¹ Суть данного приема заключается в том, что реформа реализуется сразу же после вступления в должность вновь избранного Президента РФ или начала работы Государственной Думы нового созыва с целью минимизации последствий данной реформы.

² Суть данного приема заключается в том, что реформа реализуется параллельно с какими-либо значимыми общественно-политическими событиями, которые активно освещаются СМИ (Олимпийские игры, чемпионаты мира, военные конфликты и т. д.), чтобы минимизировать возможность формирования негативного общественного мнения.

приостановлении или продлении срока полномочий органов, образованных в соответствии с международным договором РФ, либо должностных лиц, избираемых или назначаемых на должность в соответствии с международным договором РФ, а также о создании таких органов либо назначении на должность таких лиц; о принятии чрезвычайных и срочных мер по обеспечению здоровья и безопасности населения; отнесенные Конституцией РФ, федеральными конституционными законами к исключительной компетенции федеральных органов государственной власти¹.

Крайне неопределенная формулировка о том, что на референдум РФ не могут выноситься вопросы, отнесенные Конституцией РФ, федеральными конституционными законами к исключительной компетенции федеральных органов государственной власти, по своей сути, делает данный институт малопригодным для легитимации непопулярных реформ, потому как проводятся они как раз по таким вопросам. Следовательно, для максимальной легитимации непопулярных реформ в России на федеральном уровне, по нашему мнению, нужен либо существенно видоизмененный институт референдума, либо новые институты прямой демократии.

Безусловно, назрела необходимость в принципиальном преобразовании института референдума в России. Так, нельзя не согласиться с высказанными в литературе утверждениями о том, что использование данного института в российской конституционной практике искусственно затруднено, хотя оно позволило бы существенно демократизировать правотворчество и, как следствие, процессы управления в стране². Также следует согласиться с тем, что на федеральном уровне полезным было бы закрепление обязательного референдума по определенному кругу вопросов³, например по вопросам, планируемое изменение правового регулирования которых обладает признаками потенциально непопулярной реформы (социально-экономические права, налогообложение и т. д.).

Однако не следует забывать, что проведение референдума на федеральном уровне в такой огромной стране, как Россия, даже при существенном упрощении его процедуры будет довольно затратным. Кроме того, маловероятно, что хотя бы одна потенциально непопулярная реформа будет всенародно поддержана. В то же время нередко непопулярные и довольно жесткие меры необходимы в интересах дальнейшего развития общества и государства, а осознание большинством их значимости и пользы происходит много позднее их реализации.

В связи с этим представляется целесообразным идти не по пути дополнения существующего в России института референдума новыми формами (например, консультативного референдума, который в силу необязательности своего решения может способствовать не легитимации непопулярной реформы, а, наоборот, усугублению социального несогласия и даже его перерастанию в протест), а по пути введения новых институтов прямой демократии наряду с упомянутым референдумом.

Источником вдохновения в данном случае могут служить, например, институты прямой демократии, существующие в России на муниципальном уровне. К таковым можно отнести публичные слушания, общественные обсуждения, собрания и конференции граждан, а также опросы граждан⁴. Все они направлены на выявление и учет мнения населения по очень широкому кругу вопросов. Однако явным недостатком упомянутых форм прямой демократии является их консультативный характер, т. е. отсутствие обязательной юридической силы у принимаемых в рамках их реализации решений. Нередко на практике консультативные институты прямой демократии используются формально, а иногда и как демократическое прикрытие изменений не в интересах большинства⁵.

¹ Часть 5 ст. 6 Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ (в ред. от 18 июня 2017 г.) «О референдуме Российской Федерации».

² Толстик В. А., Трусев Н. А. Референдум как инструмент демократизации правотворчества // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 455–457.

³ Руденко В. Н. Правовое регулирование участия граждан в референдуме в Российской Федерации // Научный ежегодник ИФИП УрО РАН. 2003. № 4. С. 455.

⁴ Глава 5 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 18 апреля 2018 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

⁵ Подробнее см.: Помазанский А. Е. Роль институтов прямой демократии в обеспечении контроля населения за деятельностью органов местного самоуправления // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 13–24.

Говоря об институтах прямой демократии, существующих на муниципальном уровне, нельзя обойти вниманием и так называемые электронные референдумы. Они имеют мало общего с местным референдумом и по правовым последствиям более схожи с опросом граждан; они довольно успешно применяются в крупных муниципальных образованиях с развитой телекоммуникационной инфраструктурой, особенно на территории Москвы¹.

Телекоммуникационные технологии являются ключевым условием функционирования и такого нового для России института прямой демократии, как интернет-петиция. Гражданам РФ, достигшим возраста 18 лет и прошедшим идентификацию и аутентификацию в специальной федеральной государственной информационной системе, предоставлена возможность направлять свои предложения по вопросам социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления (общественные инициативы) с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» и голосовать за них².

Институт интернет-петиции универсальный, так как предполагает возможность направлять общественную инициативу на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Однако на содержание таких инициатив накладываются жесткие ограничения. Так, в размещении общественной инициативы на интернет-ресурсе будет отказано, если она не содержит описания проблемы, либо в ней не предложены варианты решения проблемы, либо предлагаемые варианты не обоснованы. Представляется, что по данному основанию можно отклонить практически любую общественную инициативу еще до электронного голосования по ней. Кроме того, даже поддержанная необходимым количеством голосов общественная инициатива носит исключительно консультативный характер.

Основными и неоспоримыми достоинствами институтов интернет-петиции и электронного референдума являются их экономичность, универсальность и удобство использования. Однако данные институты остаются сугубо консультативными и не обеспечивают гарантированного учета мнения населения, а значит, для легитимации потенциально непопулярных реформ подходят не в полной мере. К тому же отдельного внимания заслуживают проблемы широкой доступности телекоммуникационных технологий, идентификации и аутентификации участников и, конечно, информационной защиты результатов волеизъявления.

Справедливости ради отметим, что проблема широкой доступности телекоммуникационных технологий для большинства граждан РФ сегодня остро не стоит. По данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, доля россиян, пользующихся Интернетом, с 2012 по 2018 г. возросла с 47 до 75 % и продолжает неуклонно расти³. Проблема идентификации и аутентификации участников, а также проблема информационной защиты результатов волеизъявления могут быть оперативно решены, потому как соответствующие технологии длительное время используются, например, в банковской сфере и требуют лишь необходимой спецификации.

Модель нового института прямой демократии, пригодного для легитимации потенциально непопулярных реформ, должна, по нашему мнению, выглядеть следующим образом.

Во-первых, данный институт должен в полной мере задействовать возможности современных телекоммуникационных технологий с прицелом на их развитие и совершенствование.

Во-вторых, упомянутый институт должен быть не консультативным или решающим (постановляющим), а согласительным. Иными словами, он должен быть направлен не на выявление мнения народа (населения) до принятия уполномоченным органом со-

¹ Подробнее см.: *Перезолова А. С.* Городские электронные референдумы: опыт проекта «Активный гражданин» // *Власть*. 2015. № 2. С. 108–113; *Колосова Ю. О.* Перспективы местных электронных референдумов в Российской Федерации // *Символ науки*. 2017. № 12. С. 106–108.

² Указ Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 (в ред. от 23 июня 2014 г.) «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса „Российская общественная инициатива“».

³ URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/37691/> (дата обращения: 10.07.2018).

ответствующего властного решения и не на принятие властного решения непосредственно народом (населением), а на принятие уполномоченным органом, прежде всего представительным, и народом (населением) основанного на консенсусе решения по итогам многоэтапных согласительных процедур, реализация которых возможна лишь с применением современных информационно-телекоммуникационных технологий.

Согласительная природа данного института прямой демократии позволит максимально легитимировать любую непопулярную реформу в глазах граждан без применения каких-либо ухищрений и одновременно избежать нарушения баланса представительной и прямой демократии, который необходим для стабильного развития демократического государства¹.

В-третьих, предполагаемый институт должен быть универсальным, т. е. позволять принимать решение на федеральном, региональном и местном уровнях, а также выдвигать инициативы по самому широкому кругу вопросов в рамках единой интернет-платформы. Такого рода универсальность в свою очередь поспособствует совершенствованию взаимодействия государственного и муниципального управления.

В-четвертых, необходима четкая, однозначная нормативная регламентация на уровне не ниже федерального закона вопросов, которые в обязательном порядке должны проходить через согласование с применением рассматриваемого института.

В-пятых, наименование данного института прямой демократии должно точно передавать его сущность и в то же время отличать его от уже существующих институтов. Например, он может называться «универсальным институтом выдвижения, обсуждения и согласования социально-значимых инициатив и реформ».

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что необходимость в новых институтах прямой демократии в нашей стране уже назрела, как и назрела необходимость в некоторых непопулярных реформах. Чтобы именоваться легитимными, эти реформы должны проводиться максимально открыто и с обязательного одобрения народа как единственного источника власти.

Список литературы

Колосова Ю. О. Перспективы местных электронных референдумов в Российской Федерации // Символ науки. 2017. № 12.

Перезолова А. С. Городские электронные референдумы: опыт проекта «Активный гражданин» // Власть. 2015. № 2.

Помазанский А. Е. Роль институтов прямой демократии в обеспечении контроля населения за деятельностью органов местного самоуправления // Журнал российского права. 2013. № 8.

Руденко В. Н. Правовое регулирование участия граждан в референдуме в Российской Федерации // Научный ежегодник ИФИП УрО РАН. 2003. № 4.

Толстик В. А., Трусов Н. А. Референдум как инструмент демократизации правотворчества // Юридическая техника. 2014. № 8.

Филиппова Н. А. Новые институты гражданского участия в России как национальный вариант делегативной демократии // Научный ежегодник ИФИП УрО РАН. 2013. № 2.

References

Filippova N. A. Novye instituty grazhdanskogo uchastiya v Rossii kak natsional'nyi variant delegativnoi demokratii // Nauchnyi ezhegodnik IFiP UrO RAN. 2013. № 2.

Kolosova Yu. O. Perspektivy mestnykh elektronnykh referendumov v Rossiiskoi Federatsii // Simvol nauki. 2017. № 12.

Perezolova A. S. Gorodskie elektronnye referendumy: opyt proekta «Aktivnyi grazhdanin» // Vlast'. 2015. № 2.

Pomazanskii A. E. Rol' institutov pryamoi demokratii v obespechenii kontrolya naseleniya za deyatel'nost'yu organov mestnogo samoupravleniya // Zhurnal rossiiskogo prava. 2013. № 8.

Rudenko V. N. Pravovoe regulirovanie uchastiya grazhdan v referendume v Rossiiskoi Federatsii // Nauchnyi ezhegodnik IFiP UrO RAN. 2003. № 4.

Tolstik V. A., Trusov N. A. Referendum kak instrument demokratizatsii pravotvorchestva // Yuridicheskaya tekhnika. 2014. № 8.

¹ Подробнее см.: Филиппова Н. А. Новые институты гражданского участия в России как национальный вариант делегативной демократии // Научный ежегодник ИФИП УрО РАН. 2013. № 2. С. 101–114.

**ПЯТЬ УРОВНЕЙ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ МИФОЛОГИИ
(продолжение)*****Толстых Владислав Леонидович**

Ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, заведующий кафедрой международного права Новосибирского государственного университета, доктор юридических наук (Новосибирск), e-mail: vlt73@mail.ru

Данная статья продолжает статью «Международное право как мифология», в которой утверждается, что дескриптивные идеи, используемые международным правом, искажают реальность и в связи с этим являются мифами. Мифологическая структура международного права состоит из пяти уровней. На первом, базовом, уровне находятся идеи суверенитета и прав человека, которые имеют основу в христианском учении о воле и были окончательно утверждены при переходе от Средних веков к Новому времени (XVI–XVII вв.). На втором уровне находятся либеральные идеи XIX в.: мирного разрешения споров, международного управления, свободы торговли, гуманного ведения войн и самоопределения. На третьем уровне находится идея международного преступления, сформулированная после Второй мировой войны и применимая к действиям государств (агрессивная война) и действиям частных лиц (терроризм). На четвертом уровне находятся неолиберальные идеи второй половины XX в.: общего суверена, общего права, запрета применения силы, устойчивого развития, общего наследия и др. На пятом, формирующемся, уровне находится идея технологий. В данной статье рассматриваются особенности каждого уровня: культурологические и политические предпосылки его формирования, связь с другими уровнями, свойства организованного на его основе порядка, содержание и логические дефекты образующих его мифов, характер их деструктивного воздействия и др.

Ключевые слова: познание, международное право, мифология, суверенитет, права человека, история права, политика

**FIVE LEVELS OF INTERNATIONAL LEGAL MYTHOLOGY
(continuation)****Tolstykh Vladislav**

Leading researcher, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, head of the chair, Novosibirsk State University (Novosibirsk), doctor of legal sciences, e-mail: vlt73@mail.ru

This article continues the article «International Law as a Mythology», which states that the descriptive ideas used by international law distort reality and are, therefore, myths. The mythological structure of international law consists of five levels. At the first (fundamental) level, there are the ideas of sovereignty and human rights, which have a basis in the Christian doctrine of the will and were finally approved during the transition from the Middle Ages to the Modern history (the 16th and 17th centuries). At the second level, there are the liberal ideas of the 19th century: peaceful settlement of disputes, international governance, free trade, humanization of war and self-determination. At the third level, there is the idea of international crime, formulated after the Second World War and applicable to acts of states (aggressive war) and acts of individuals (terrorism). At the fourth level, there are neoliberal ideas of the second half of the 20th century: common sovereign, common law, prohibition of the use of force, sustainable development, common heritage, etc. At the fifth (emerging) level, there is the idea of technology. The article discusses the features of each level: the cultural and political

* Первая часть статьи была опубликована в 3-й номере журнала за 2019 год.

prerequisites of its formation, the relationship with other levels, the characteristics of the order organized on its basis, the content and logical defects of the relevant myths, the character of their destructive impact, etc.

Key words: cognition, international law, mythology, sovereignty, human rights, history of law, politics

Третий уровень: миф о войне и миф о терроризме. Либеральный образ порядка был уязвим в одном важном моменте: международное право не содержало общего запрета применения силы, ограничиваясь процедурными и иными необременительными ограничениями (запрет применять силу до исчерпания мирных средств, для взыскания долгов и др.). Данный пробел не был случайным: благодаря войне капитал мог захватывать новые рынки, устранять конкурентов и получать государственные заказы, а правительства – приобретать новые территории, преодолевать экономические кризисы и получать народную поддержку. Таким образом, волевые и либеральные мифы действовали как проводники капитализма, порождая экономические и политические дисбалансы и не предлагая конструктивных рецептов их снятия или преодоления. Результатом стали две мировые войны, которые поставили под угрозу данные мифы и построенный на их основе порядок. С целью разрешения этого кризиса и реабилитации старых мифов и был сформулирован миф о войне.

Данный миф игнорирует объективные причины войны и возлагает ответственность за нее на жестокого правителя и его окружение, определяемых как враги человечества (*hostis humani generis*)¹. Народ в этой трактовке предстает не как коллективный преступник, но как жертва чудовищного обмана. С разоблачением обмана и искоренением индивидуального зла он становится *просвещенным* – очищенным от подозрений и защищенным от повторения ошибки²; а связь, установленная общественным договором, восстанавливается и укрепляется³. Стигматизация отдельных политиков сопровождается стигматизацией всего *политического*: любое усиление государства отныне определяется как тоталитарная тенденция, которой следует противодействовать всеми способами. Обратной стороной этого является идеализация неполитического, способствующая экспансии механизмов рыночного регулирования. Рынок перестает быть просто местом товарного обмена и становится основанием общего и индивидуального счастья, сферой реализации личных амбиций *par excellence*⁴.

Стигматизация политического осуществляется путем его выведения за пределы рационального: тоталитаризм представляется как зло, вошедшее в мир извне и служащее источником себя самого⁵. Он является не немецким, советским и пр., но прежде всего *тоталитарным*. Следствием его иррациональности является его случай-

¹ И. Кант писал: «Что же такое по понятиям международного права... несправедливый враг? Это – тот, чья публично выраженная (будь то словом или делом) воля выказывает максимум, согласно которой, если сделать ее всеобщим правилом, невозможно состояние мира между народами и должно быть увековечено естественное состояние» (Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 277).

² Э. Юнгер пишет: «Но если конфликт все же возник, например, разразилась война или было совершено преступление, то он трактуется как заблуждение, повторения которого можно избежать с помощью воспитания или просвещения. Заблуждения якобы появляются только потому, что людьми еще не вполне осознаны факторы, влияющие на грандиозную калькуляцию, в результате которой должно получиться полностью однородное население земного шара – принципиально доброе и разумное, а потому всецело защищенное человечество» (Юнгер Э. Об опасности (1931) // Юнгер Э. Политические статьи 1923–1933. М., 2008. С. 254).

³ Более того, просвещенность масс легитимирует их еще большую роль в политике. Ю. Хабермас пишет: «...Преодоление фашизма образует особую историческую перспективу, из которой следует понимать постнациональную идентичность, сформированную на универалистских принципах правового государства и демократии» (Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005. С. 141). Сомнения здесь вызывает очевидная несоразмерность между онтологическим ужасом Холокоста и политическим характером извлекаемых из него уроков; получается, что главный из них состоит в необходимости соблюдения законов и участия в выборах.

⁴ Эта идея, провозглашенная в XIX в. Р. Кобденом, была научно обоснована Л. Ф. Мизесом (Мизес Л. Ф. Либерализм. М., 2007) и Ф. А. фон Хайеком (Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству. М., 2005).

⁵ Архетипом иррационального является фигура Гитлера, человеческие черты которого (вегетарианство, художественный талант) не оправдывают, но, наоборот, усиливают внушаемые им страх и отвращение.

ный характер: тоталитаризм не является ни причиной, ни следствием, не вытекает из событий прошлого и не трансформируется в события будущего. Такая трактовка не только снимает подозрение с либерализма, но и восстанавливает весь ход западной истории¹; позволяет «писать стихи после Освенцима»². Любой международный уголовный суд в связи с этим выполняет двойную функцию: каждый его приговор не только осуждает конкретное лицо, но и оправдывает все человечество. Иррациональность тоталитаризма объясняет характер борьбы с ним: если тоталитаризм чужд этому миру, значит, его приближение нельзя заметить, ему нельзя противодействовать на ранних этапах, а его искоренение не влечет негативных последствий.

Таким образом, миф о войне представляет собой защитный миф, призванный снять ответственность с оказавшихся под угрозой волевых и либеральных мифов, переложить ее на отдельных политиков и попутно стигматизировать альтернативы (фашизм, коммунизм, исланизм и т. п.). В юридическом плане он предполагает, *во-первых*, определение тоталитаризма, т. е. отступления от западных стандартов демократии как угрозы международному миру и безопасности; *во-вторых*, игнорирование объективных причин конфликтов и возложение всей ответственности на конкретное лицо, рассматриваемое как *hostis humani generis*; *в-третьих*, тотальный и дискриминационный характер противостояния, исключающий двустороннее действие законов и обычаев войны; *в-четвертых*, обязанность всех государств участвовать в преодолении угрозы тоталитаризма и восстановлении демократических процедур; *в-пятых*, отсутствие обязанности принимать превентивные меры и восстанавливать экономическую и социальную сферу.

Генезис данного мифа начался сразу после окончания Первой мировой войны. Статья 227 Версальского договора предъявила германскому императору Вильгельму II «публичное обвинение в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров» и предусмотрела его предание специальному суду. Это положение было подвергнуто критике как несовместимое с принципами *justus hostes*, *par in parem non habet jurisdictionem* и *nulla poena sine lege*; Нидерланды, где Вильгельм II получил убежище, отказались его выдавать³. После следующей войны победители вернулись к идее индивидуальной ответственности и организовали два международных уголовных процесса – Нюрнбергский и Токийский, которым была придана исключительная торжественность. Решение Нюрнбергского трибунала в части обоснования этой ответственности выглядит довольно неубедительным (особенно в свете тяжести предъявленных обвинений); за ним, тем не менее, был признан характер сакрального прецедента⁴.

Международные уголовные процессы долгое время считались чрезвычайной мерой, оправданной масштабами Второй мировой войны, и лишь в начале 1990-х гг. государства стали организовывать их на регулярной основе для рассмотрения не толь-

¹ С. Жижек, критикуя Ю. Хабермаса, замечает, что «фашистские режимы для него являются случайным отступлением (задержкой, регрессом), которое не затрагивает основную логику модернизации» (Жижек С. 13 опытов о Ленине. М., 2003. С. 182).

² Т. Адорно заявил: «Писать стихи после Освенцима – варварство» (Адорно Т. Критика культуры и общество (1951) // Артгид. 2018. 6 июня. URL: <http://artguide.com/posts/1519>).

³ К. Шмитт отмечает, что ст. 227 «заслужила дурную славу слишком персонифицированной, чрезвычайной правовой нормы»; в связи с этим «эта первая попытка превратить агрессивную европейскую войну в международно-правовое преступление не оказала сколь-нибудь серьезного влияния на правосознание европейских народов и правительств»; в то же время она была поддержана общественным мнением в США (Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб., 2008. С. 361–401).

⁴ Вначале Трибунал говорит о «несомненном праве» победителей «осуществлять законодательные функции для оккупированных территорий», которое «признано всем цивилизованным миром». Далее он отвергает принцип *nulla poena*, ссылаясь на нарушения ряда договоров (ни один из которых не предусматривает ответственности физических лиц), упоминает Пакт Бриана – Келлога и заявляет, что «торжественный отказ от войны... с необходимостью предполагает... что те, кто планирует такую войну... совершают преступление». По его мнению, задача Пакта состоит в том, чтобы закрепить принципы, а не урегулировать процедуру; «те, кто ведет агрессивные войны, совершают действия, которые являются столь же незаконными и гораздо более серьезными, чем простое нарушение одного из правил Гаагской конвенции». Далее он заявляет, что «уже давно признано, что международное право налагает долг обязанности на отдельных лиц так же, как и на государства», и ссылается на дело *Ex parte Quirin*, рассмотренное Верховным судом США, и ст. 228 Версальского договора (Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 2 т. / под ред. К. П. Горшенина и др. М., 1954. Т. 2. С. 985–993).

ко международных, но и внутренних конфликтов, каждый раз сталкиваясь с обвинениями в предвзятости и пренебрежении стандартами правосудия. Общее право, подробно описывающее составы международных преступлений, вплоть до недавнего времени не определяло агрессию как уголовное преступление: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3314 «Определение агрессии» 1974 г. касается действий государств, а не индивидов; статуты же современных трибуналов в основном нацелены на криминализацию действий, совершенных в ходе конфликта (в отличие от Устава Нюрнбергского трибунала). Только в 2010 г. данный пробел был восполнен: Конференция по обзору Статута Международного уголовного суда закрепила определение агрессии в ст. 8-бис, завершив, таким образом, нормативное оформление мифа¹.

Миф о войне опирается не только на институт индивидуальной ответственности, но и на три более общие меры. *Первая* состоит в системной мифологизации культурного дискурса средствами массовой информации и кинематографом, создавшими гигантский эпос, который апеллирует к первобытному чувству ужаса. *Вторая* заключается в обновлении старых мифов, создающем впечатление, что причиной войны стали не эти мифы, а дефицит или дефект их применения. *Третья* предполагает создание теории тоталитаризма, в рамках которой его иррациональность доказывается научными методами. Речь идет о работах Ф. А. фон Хайека (тоталитаризм как государственный контроль экономики и плановая организация общества), К. Поппера (фашизм как деятельность «закрытого» общества), Э. Джентиле (фашизм как сакрализация политики), Р. Гриффина (фашизм как палингенетический ультра национализм), К. Фридриха и З. Бжезинского (шесть признаков тоталитарного общества: одна идеология, однопартийность, использование террора и др.), У. Эко (14 признаков фашизма: традиционализм, неприятие модернизма, культ действия и др.)².

Миф о войне оказался крайне эффективным и со временем стал использоваться для преследования не только государств, но и частных лиц, ведущих вооруженную борьбу или посягающих на защищаемые международным правом ценности (например, свободу торговли). Как и руководители государств, эти лица определяются как *hostis humani generis*; их сопротивление – как проявление врожденной агрессивности; их преследование – как болезненное, но необходимое хирургическое вмешательство. В результате миф о войне изменил характер международного уголовного права, которое до недавнего времени ограничивалось вопросами юрисдикции и выдачи, а сегодня считает своей главной задачей организацию борьбы с международными преступлениями³. Для решения этой задачи государства принимают обязательства по криминализации, создают международные суды и проводят антитеррористические операции, сравнимые с полноценными военными кампаниями (о чем косвенно свидетельствует сам термин «война с терроризмом»).

Важную роль в переносе мифа о войне в плоскость уголовного права сыграл Израиль, остро нуждавшийся в идеологической платформе для оправдания своего существования, крайне уязвимого в свете принципа самоопределения, и борьбы с палестинским сопротивлением на оккупированных территориях. Миф о войне, таким образом, стал главным источником международной легитимности Израиля и одним из важных источников его внутренней легитимности⁴. Позднее, в конце XX в., данный

¹ Эволюцию состава данного преступления и комментарии к ст. 8-бис см.: Марусин И. С. Определение агрессии в Статуте Международного уголовного суда и Уставе Нюрнбергского трибунала // Правоведение. 2013. № 4. С. 112–120.

² Хайек Ф. А. фон. Указ. соч.; Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. М., 1992; Джентиле Э. Фашизм, тоталитаризм и политическая религия: определения и критические размышления над критицизмом интерпретации // Гефтер. 2013. 13 нояб. URL: <http://gefeter.ru/archive/10519>; Griffin R. The Nature of Fascism. N. Y., 1991; Friedrich C. J., Brzeziński Z. K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. 2nd ed. N. Y., 1965; Эко У. Вечный фашизм // Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб., 2005.

³ М. Бассиуни определяет международное уголовное право как «продукт конвергенции двух различных дисциплин: уголовных аспектов международного права и международных аспектов национального уголовного права» (Bassiouni M. C. The Penal Characteristics of Conventional International Criminal Law // Case Western Reserve Journal of International Law. 1983. Vol. 15. No. 1. P. 27).

⁴ По мнению Э. Йардена, арабы отрицают международное право, основанное на отношениях равенства, и признают легитимным только централизованный халифат. Израиль является единственной демократией в регионе; его присутствие – важная гарантия мира (Jarden E. The Israeli-Palestinian conflict in international law // Israel and a Palestinian State: Zero Sum Game? / ed. by A. Stav. Sha'arei Tikva, 2001. P. 132–146).

миф стал регулярным инструментом внешней политики США, которые использовали его для обоснования вторжения в Гренаду, Панаму, Югославию, Афганистан, Ирак, Сирию и общей дестабилизации Ближнего Востока. Его также взяли на вооружение правительства, ведущие борьбу с повстанцами; последние стали квалифицироваться не как оппозиционеры, а как преступники-террористы (Югославия, Чечня, Украина и др.). Принцип самоопределения, таким образом, был фактически отменен, а международное право – отброшено далеко назад, в эпоху Б. Айалы.

Помимо либерального, существуют иные объяснения войны. По мнению *консерваторов* (Х. Арендт и Г. Рормозер), война является результатом сбоя в политическом, который возникает после подрыва традиционных ценностей под влиянием либеральных идей и проявляется в разрушении внутренней иерархии общества и формировании массовых движений изолированных индивидов, стремящихся реализовать подавленное капитализмом стремление к признанию и политической жизни¹. Ф. Нитти считает главной причиной войны национальное унижение², Ю. Эвола – кризис идеи государства³. По мнению *марксистов*, неравномерность экономического развития при капитализме приводит к тому, что новое соотношение сил не соответствует сферам влияния; война – способ перераспределения этих сфер; другой причиной является стремление капитализма устранить систему социализма⁴; фашизм определяется как «особая форма классового господства буржуазии»⁵. *Неомарксизм* подчеркивает культурологические и технологические факторы; так, по мнению В. Беньямина, война является мятежом техники, предъявляющей требования, для реализации которых общество не дает естественного материала⁶.

Таким образом, и консерваторы, и марксисты видят главную причину войны в действии либеральных мифов: при этом консерваторы возлагают ответственность на мифы первого поколения, отчуждающие человека от политики и коллектива, а марксисты – на мифы второго поколения, провоцирующие неравенство и борьбу за рынки. Свободное обсуждение этих альтернативных объяснений, однако, исключено: действие либерального мифа о войне является почти тотальным⁷; иррациональность, к которой он апеллирует, является легким и быстрым способом преодоления всего того ужаса и стыда, которые вызывает война⁸; а признание его несостоятельности означало бы полную дискредитацию охраняемых им мифов. Результатом такого дискурсивного исключения является вывод о практической неприменимости консерватизма и марксизма, который в свою очередь работает как косвенное, но непреодолимое доказательство их общей теоретической несостоятельности. Миф о войне в этом смысле одинаково эффективен и в защите, и в нападении.

¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996; Рормозер Г. Кризис либерализма. М., 1996.

² Нитти Ф. Европа без мира. Пг., 1923.

³ Эвола Ю. Фашизм: критика справа. М., 2005.

⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6 т. М., 1960. Т. 1: Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. С. XVI–XVII; Троцкий Л. Д. Бонапартизм, фашизм и война // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1940. № 84. URL: https://1917.com/Marxism/Trotsky/BO/BO_No_84/BO-0712.html. В. Ю. Катасонов делает акцент на подрывной роли финансового капитала (Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М., 2013).

⁵ XIII Пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. М., 1934. С. 589.

⁶ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избр. эссе / пер. с нем., под ред. Ю. А. Здорова. М., 1996. URL: <http://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/benjamin1-ru>. См. также: Мандель Э. О материальных, социальных и идеологических предпосылках нацистского геноцида // Red Flora. 2012. 9 мая. URL: <http://www.redflora.org>.

⁷ Ж. Бодрийяр пишет по поводу Холокоста: «Эти вещи не были поняты в те времена, когда мы имели для этого возможность. Отныне они уже не будут поняты никогда. Не будут поняты потому, что такие основные понятия, как ответственность, объективная причина, смысл (или бессмыслица) истории, исчезли или находятся в процессе исчезновения» (Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 135).

⁸ Т. Адорно по поводу императива, требующего неповторения войны, пишет следующее: «Обсуждать его дискурсивно – кощунство; в этом императиве чувствуется живую момент того, что дополняет (*Hinzutretende*) нравственное. Вживую, потому что перед нами не что иное как ставшее практикой отвращение, которое испытываешь, наблюдая невыносимую физическую боль; отвращение переживают индивиды, а затем и сама индивидуальность, которая стремится исчезнуть как форма рефлексии» (Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2011. С. 326).

Деструктивное воздействие мифа о войне проявляется в следующем.

Во-первых, он генерирует избирательный и репрессивный дискурс, возлагающий ответственность на конкретных лиц, *вовлеченных* в социальные катастрофы, и игнорирующий подлинные причины данных катастроф.

Во-вторых, его апелляция к субъективному и иррациональному противоречит претензиям западной науки на объективность, а его осуждение некоторых форм вооруженной борьбы – принципу невмешательства во внутренние дела. Он также не дает убедительного ответа на некоторые частные вопросы, например о вине государственных служащих, реализующих конституционные функции или исполняющих приказы (субъективное здесь дополняется очевидным объективным).

В-третьих, он изменяет природу войны, превращая ее из поединка в преследование; результатами являются разрастание конфликта, системные нарушения и безнаказанность действительного и изначального зла, проводниками которого часто выступают сверхдержавы, международные организации и крупный капитал¹.

В-четвертых, он служит эффективным инструментом вмешательства, уничтожения политических противников, хаотизации целых регионов и одновременно легитимации утративших доверие правительств.

В-пятых, он фиксирует в сознании и переносит на реальность модель порядка, предполагающую постоянные конфликты и постоянную борьбу с нарушителями, *ожесточающуюся по мере приближения всеобщего счастья*; в результате все иные модели, основанные на гармонии и взаимоуважении, оказываются недоступными².

В-шестых, он не только защищает, но и дополняет старые мифы, интегрируя в международное право институт уголовной ответственности и укрепляя тем самым внутреннюю аналогию. Данный перенос, однако, имеет и обратный эффект (подрыв мифологической структуры): миф о войне смешивает *jus in bello* и *jus ad bellum*, блокирует развитие норм об ответственности самих государств и дискредитирует некоторые традиционные институты, такие как суверенный иммунитет.

Четвертый уровень: неолиберальные мифы. Ядро неолиберализма образует миф об общем суверене, создающем и поддерживающем международный порядок. Этот миф существовал уже на раннем этапе развития международного права, но тогда он был не более чем фикцией, которая опиралась на организации, суды и процедуры, не создававшие серьезного противовеса суверенитету, и позволяла решать некоторые трудные вопросы (об обязательности договора, обязанности признания, возможности вмешательства и пр.). В конце XX в. общий суверен перестает быть фикцией и становится реальным и зримым. Он обособляется от государств институционально, приобретает финансовую самостоятельность, окружает себя сословием международных служащих; приобретает законодательные, судебные и принудительные полномочия. При этом он по-прежнему не оформляется как отдельный субъект, проявляя себя через многоуровневый конгломерат правительственных и неправительственных институтов, напоминающий феодальную структуру.

Утверждение общего суверена сопровождается прогрессирующим ослаблением внутреннего суверена, которое проявляется в наделении международных институтов наднациональной компетенцией и формировании общего права, связывающего государства независимо от их согласия. Эти реформы *per se*, однако, не противоречат идее суверенитета: ограничивая свободу государства в международных отношениях, они не затрагивают верховенство его внутренней власти. Более важной в связи с этим является передача международным институтам полномочий в тех сферах, которые тра-

¹ Ф. Аллот пишет: «Причины и последствия социального зла остаются... но наше моральное оскорбление затемняется шарадой судебного возмещения. Наиболее болезненная ирония состоит в том, что введение международной уголовной юстиции в международное сообщество имеет в качестве побочного эффекта легитимацию социального зла, которое она не осуждает» (Allott P. Op. cit. P. 67–68).

² Этот подход близок сталинской версии марксизма, согласно которой классовая борьба обостряется по мере развития социализма и преследует ту же цель – создание гигантской репрессивной машины: «Социализм успешно наступает на капиталистические элементы, социализм растет быстрее капиталистических элементов, удельный вес капиталистических элементов ввиду этого падает, и именно потому, что удельный вес капиталистических элементов падает, капиталистические элементы чувствуют смертельную опасность и усиливают свое сопротивление» (Сталин И. В. О правом уклоне в ВКП(б): речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. // Вопросы ленинизма. Л., 1952. С. 245–271).

диционно относились к внутренней компетенции: безопасности, экономики, прав человека и др. В результате общий и внутренний суверены меняются местами: первый становится реальным субъектом, а второй – декоративным институтом, деятельность которого регулируется *извне*. Благодаря перцептивной инерции последний выглядит почти столь же грозно, как и прежде; на правовом и управленческом уровне он, однако, почти полностью подавлен.

Смена суверенов позиционируется как историческая закономерность, обусловленная социальным и технологическим прогрессом, а также глобальными проблемами. Обосновывающие ее концепции делятся на три группы. *Первая* включает дискредитирующий государство миф о войне: общий суверен рассматривается как *не подверженный пороку тоталитаризма* и заботящийся обо всех людях. Во *вторую* входят концепции, доказывающие *эффективность* общего суверена. Концепция *governance* подчеркивает преимущества децентрализованного управления, осуществляемого путем агрегации индивидуальных решений (а не директивно)¹; концепция *функционализма* утверждает, что, в отличие от политиков, реализующих личные амбиции, технические специалисты, работающие в международных организациях, преданы общему благу². К *третьей* относятся концепции, доказывающие *легитимность* общего суверена: речь идет о либеральных идеях, спроецированных на международный порядок: прав человека, демократии, конституционализма, законности, разделения властей.

Неолиберализм не исчерпывается институциональным мифом, но также включает *новые регулятивные мифы*, апеллирующие к воле общего суверена и общему интересу. Идея *общего (универсального) права* подчеркивает роль источников, связывающих государства независимо от их согласия; к их числу относятся нормы *jus cogens*, обычаи, общие принципы и судебная практика³. *Запрет применения силы* оперирует понятием угрозы международному миру и безопасности и требует коллективной реакции на нее. Идея *устойчивого развития* устанавливает связь между экономическим развитием, социальным развитием и охраной природы, запрещая пренебрегать одной из этих ценностей. Идея *общего наследия* предполагает совместное управление общими ресурсами. Идея *монетаризма* признает главным средством оздоровления экономики ограничение эмиссии и государственных расходов. Неолиберальная мифология также модернизирует старые мифы – о мирном разрешении споров, свободе торговли и пр., делая их более императивными и привязанными к общему интересу.

Генезис неолиберальных мифов характеризуется рядом особенностей. *Во-первых*, в нем участвуют различные субъекты: государства, международные институты, представители доктрины, корпорации. *Во-вторых*, он предполагает *непрерывный и интенсивный поток* разнообразных текстов, которые, с одной стороны, делают *невозможным* точное восприятие и серьезную критику мифов, а с другой – облегчают их применение для решения конкретных задач. *В-третьих*, он подразумевает формирование единого профессионального дискурса и группы контролирующих его людей. *В-четвертых*, он

¹ Rosenau J. N. Governance, order, and change in world politics // Governance without government: order and change in world politics / ed. by J. N. Rosenau, E.-O. Czempiel. Cambridge, 1992. P. 1–29.

² Mitrany D. The Functional Approach to World Organization // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944). 1948. Vol. 24. № 3. P. 350–363; Haas E. B. Beyond the Nation-state: Functionalism and International Organization. Stanford, 1964. Э. Хаас пишет: «Счастливое состояние приближается, если максимум власти осуществляется техническими специалистами и администраторами, преданными общему благу и работающими в тесном контакте с добровольческими профессиональными группами, которые являются частью любого индустриального общества... Дисгармония и конфликт преобладают в обществе, в котором власть осуществляется политиками, а не техническими специалистами, парламентами, а не добровольческими группами. В этом случае политика определяется властью, а не общим благом, результатом чего является иррациональное поведение... Политика представляет собой стремление к власти с элементами остаточного инфантильного поведения...» (Haas E. B. Op. cit. P. 30).

³ В особом мнении к Консультативному заключению Международного суда ООН от 25 февраля 2019 г. по делу о правовых последствиях отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 г. судья Кансадо Триндаде (Cançado Trindade) заявил: «Позиция международного суда может быть только *принципистской (principiste)*, т. е. не предполагающей недолжных уступок государственному волюнтаризму. Правовой позитивизм напрасно стремился преуменьшить значение общих принципов права – истина состоит в том, что без этих принципов не было бы правовой системы. Эти принципы выражают идею объективной справедливости, прокладывая дорогу для применения универсального международного права, нового *jus gentium* нашего времени» (пар. 290).

предполагает широкое использование художественных средств: символов, фотографий, телерепортажей и пр. В-пятых, он сопровождается перманентной дискуссией о целесообразности мифов, их совместимости со старыми мифами, отдельных аспектах их применения и пр., которая легитимирует новые мифы, представляя их как результат свободного обмена мнениями, но не способствует установлению истины, а наоборот, отвлекает от нее¹.

Бенефициаром неолиберальных мифов является транснациональная буржуазия – новый правящий класс, состоящий из собственников транснационального капитала, национальных и международных политических кругов, а также влиятельных интеллектуалов². В отличие от классической буржуазии, этот класс не входит в национальные сообщества, но представляет собой отдельное сообщество, которое генерирует собственную космополитическую культуру; стремится не только к преумножению богатства и власти, но и к глобальному переустройству мира; опирается в основном не на прямое принуждение, а на информационные манипуляции; функционирует в закрытом режиме, используя средства массовой информации как инструмент пропаганды и отвлечения. В силу последней особенности его точный состав, идеология и действительные намерения остаются по большей части неизвестными; тем более тотальной и довлеющей является его власть и тем более бессмысленным и обреченным выглядит сопротивление³.

Идея всеобщего договора извращает и без того уязвимую модель Т. Гоббса: делегирование всем населением планеты своих прав рыхлому конгломерату институтов невозможно по определению. Субстанциальное обоснование неолиберализма также неубедительно. Права человека являются европейской концепцией, а их содержание определяется ситуацией в конкретной стране; в связи с этим они не могут работать как общий стандарт и обеспечивать системный результат. Идея *governance* и функционализм игнорируют сам принцип организации власти в Новое время (дихотомию государства и общества), в силу которого *любой* субъект власти оторван от общего блага и преследует личные интересы. Принцип демократии не учитывает, что большинство стран не являются демократиями, предлагает довериться нерепрезентативным институтам⁴ и, самое главное, называет демократией то, что ей не является, – ритуальные голосования за кандидатов с похожими программами. Идея конституционализма испытывает дефицит логических оснований и часто выступает инструментом узурпации власти⁵. Идея разделения властей не обеспечивает плюрализма мнений и сдержек в условиях, когда все институты обслуживают интересы одного класса.

Логические противоречия свойственны и регулятивным мифам. Манипуляции теориями гуманитарной интервенции, превентивной самообороны, ответственности за защиту и несостоявшегося государства (*failed state*) позволяют превратить запрет при-

¹ По словам Ф. Аллота, «политика... деградировала в утративший ценность спор в рамках узких диалектических границ, направленный, в частности, на манипулирование общественным мнением» (Allott P. Op. cit. P. 310–315).

² Б. Чимни пишет: «Возникающий транснациональный капиталистический класс состоит из собственников транснационального капитала, т. е. группы, которая владеет средствами производства, сосредоточенными главным образом в транснациональных корпорациях и частных финансовых институтах. Он стремится установить законы и институты, которые обеспечивают глобализацию производства и финансов через интернационализацию прав собственности и ограничение автономии зависимых и подчиненных государств» (Chimni B. S. Op. cit. P. 61–62).

³ Как отмечает К. Шмитт, «тайная дипломатия публичных властителей является безобидной игрой по сравнению с публичной дипломатией, которую ведут тайные властители через своих агентов» (Шмитт К. Государство и политическая форма. М., 2010. С. 56).

⁴ А. Пелле пишет, что на международном уровне концепт демократии не имеет смысла, поскольку Китаю принадлежит 1 млрд голосов, а Науру – всего 8 тыс. и поскольку государства нельзя заставить быть демократическими против их воли. Фактически он является фикцией, так как легитимность институтов, которых он наделяет властью, является самопровозглашенной (Pelle A. Legitimacy of Legislative and Executive Actions of International Institutions // Legitimacy in International Law / ed. by R. Wolfrum, V. Roeben. Berlin, 2008. P. 66–67).

⁵ Критика, сформулированная И. Бентамом в отношении Французской декларации прав 1789 г., применима к любой конституции: «Философия! Вот твой первый шаг. Отречься от использования разума! Создать символ! Установить максимы без аргумента, точки веры без дискуссии! Дайте нам то, в чем мы отказываем всему миру. Сделайте нас непогрешимыми, а мы вам потом докажем, что мы не ошибались» (Bentham J. Sophismes anarchiques // Oeuvres de J. Bentham. Bruxelles, 1840. P. 507–526).

менения силы в свою противоположность, новую *justa causa*, использовать которую могут только западные страны, присвоившие себе статус *justum hostis* и право определять своих противников как изгоев (*rogue states*)¹. Идея общего права игнорирует то, что технологии нормотворчества монополизированы отдельными государствами; идея устойчивого развития – то, что экономический рост является главной угрозой для окружающей среды (исключая тем самым возможность разработки и принятия обязательств по его ограничению)²; идея общего наследия – неравенство производственных возможностей; идея монетаризма – то, что ограничение государственных расходов может приводить к коллапсу национальной экономики, росту социальной напряженности и захвату внутреннего рынка иностранным капиталом.

Главной целью неолиберализма являются глобальное политическое переустройство и концентрация власти в руках нового правящего класса, опирающегося на западные державы, но институционально и идеологически обособленного от них. Этот процесс осуществляется по нескольким направлениям.

Политическое направление предполагает уничтожение национального государства, стигматизацию любой объединительной повестки и формирование международных институтов управления. Ординарным средством достижения этого результата является межгосударственная интеграция; экстраординарным – внешнее вмешательство, призванное продемонстрировать преимущества неолиберализма и подавить сопротивление. Новый механизм управления предстает в образе многополюсной структуры, функционирующей в соответствии с принципами демократии (политического рынка). В реальности, однако, речь идет о жесткой вертикально-интегрированной структуре, использующей все население земного шара как разновидность ресурса.

Экономическое направление предполагает формирование глобального рынка, характерными признаками которого являются свобода движения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы; экономическая специализация стран и регионов; отказ от протекционизма и государственного предпринимательства, а также активная роль банков как главных регуляторов экономических процессов. Этот процесс осуществляется в отсутствие эффективного компенсационного перераспределения и публичного контроля, в связи с чем его неизбежными результатами являются концентрация ресурсов в руках мировой олигархии, экономическое расслоение, усиливающееся воздействие на окружающую среду, периодически возникающие кризисы и социальные катастрофы (войны, голод, миграции и пр.). По мере его развития другие, более гуманные и гармоничные экономические модели оказываются все менее доступными.

Идеологическое направление предполагает распространение прав человека и принятие их как единственного мерила международной политики; в этом состоит важное отличие неолиберализма от либерализма, который оставлял вопросы защиты прав на откуп государств, заботясь в первую очередь безопасности межгосударственных отношений. Права первого поколения реализуют лишь один аспект человеческой природы – стремление к выбору; будучи основой всех обязательств перед человеком, они не вносят сколько-нибудь серьезного вклада в обеспечение его подлинного благополучия и одновременно исключают использование иных, более эффективных средств. Права второго и третьего поколений, призванные предоставить реальные блага, являются не более чем декларациями – их реализация целиком зависит от усмотрения отдельного государства³. В итоге действительная роль прав человека сводится к тому, чтобы легитимизировать несправедливый порядок и служить поводом для вмешательства во внутренние дела слабых государств⁴.

¹ О. Кортен обосновывает право западных демократий определять развитие обычного права в данной области тем, что они способны воплощать гуманистические ценности в праве и обладают властью для обеспечения уважения к этим ценностям (Corten O. The controversies over the customary prohibition on the use of force: a methodological debate // European Journal of International Law. 2005. Vol. 16. No. 5. P. 811).

² Paiva Duarte F. de. Environmental and Development Debate: Paradoxes, Polemics and Panaceas // Griffith Law Review. 1999. Vol. 8. P. 258; Mathias J.-C. Politique de Cassandre – Manifeste républicain pour une écologie radical. Sang de la Terre, 2009.

³ А. Лапаж называет права второго и третьего поколения «ложными»: устанавливая похвальные цели, они не относятся к праву (Lepage H. «Vrais» ou «faux» droits de l'Homme // Euro 92 Analyses. 1998. N° 3. P. 1–3).

⁴ Д. Кеннеди отмечает, что права человека часто являлись «риторикой центра, направленной против периферии, скорее проводником для империи, чем антидотом против империи» (Kennedy D. Reassessing

Экзистенциальное направление предполагает максимальное отчуждение человека от политики, коллектива, труда, собственной природы и его сосредоточение на сфере частной жизни, определяемой как идеальное поле для раскрытия индивидуальности. Это обещание – заведомый обман: данная сфера не защищает человека от принуждения, но, наоборот, *открывает* его экономическим и информационным манипуляциям, обеспечивающим тотальное, дискретное и максимально эффективное принуждение¹. В результате человек утрачивает способность сопротивляться и попадает в абсолютную зависимость, находясь в которой, он не только *эксплуатируется*, но и подвергается планомерному *селекционному воздействию*, превращающему его в иное, гораздо более ограниченное (несвободное) в своем духе и своих поступках существо. Неолиберальные мифы, таким образом, завершают мифологическую структуру, основанную на мифе о воле, и вследствие этого максимизируют ее деструктивное воздействие.

Уровень пятый: миф о технологиях. Правовая доктрина еще оперирует мифом о воле и пытается его модернизировать. В реальности же происходит неуклонная деградация *воли*, спровоцированная самим либерализмом. Отсюда – неубедительность доктрины, вынужденной обсуждать вопрос о демократии в условиях запрета ряда идеологий, вопрос о правах в условиях прогрессирующей бедности, вопрос о суверенитете в условиях тотального отчуждения. Политическая система пытается скрыть это расхождение с реальностью, которое, однако, с каждым днем все очевидней. Миф о воле умирает, и на его место должна прийти новая мифология. Она едва ли станет возвращением к старым мифам: прошлое нельзя вернуть намеренно, так как стимулы для него давно исчезли; любой реформаторский консерватизм способен лишь на временную имитацию². Новая мифология в связи с этим будет состоять в полном *отрицании воли* и подчеркивании иного аспекта бытия. Данный аспект состоит в усиливающемся взаимодействии человека с технологиями.

Можно выделить следующие подходы к определению техники³:

1. Антропологические (техника как способ воздействия на мир). О. Шпенглер рассматривает технику как средство борьбы за выживание; человек, будучи хищником, с ее помощью делает мир своей добычей и пытается сравниться с Богом; его техника не зависит от жизни вида и является личностной; основная проблема – утрата над ней контроля⁴. Л. Мэмфорд связывает появление техники с «необычной лабильностью и пластичностью» человеческого тела и языком (речью); в ходе истории жизнеориентированную технику вытеснили «коллективные машины» (механистически организованные общества), служащие увеличению власти и богатства; техника должна быть перенаправлена на восстановление гармонии⁵. По мнению Х. Ортеги-и-Гассета, техника является реакцией человека на природу (сверхприродой), ее цель – ликвидировать природные потребности, сделать так, чтобы их удовлетворение не составляло труда⁶.

2. Онтологические (техника как способ бытия мира). М. Хайдеггер определяет технику как «вид раскрытия потаенности» природы, направленный на добычу запасов энергии (*постав*) и исключающий иные способы раскрытия; человек втягивается

International Humanitarianism: The Dark Sides // International Law and its Others / ed. by A. Orford. Oxford, 2006. P. 133). По словам А. Карти, «язык прав человека является последней формой лишения власти, которую Запад использует против своих жертв» (Carty A. Philosophy of International Law. Edinburgh, 2007. P. 194–195).

¹ Сам термин «частная жизнь» становится оксюмороном, так как отныне означает не область, в которой человек обладает абсолютной свободой и защищенностью, но, наоборот, область, в которой он максимально несвободен.

² Положительный эффект такого возвращения тоже миф, поскольку предыдущее более здоровое состояние часто обусловлено не одновременной ему мифологией, а тем, что ее разрушительный эффект еще не был проявлен в полном объеме.

³ См. также: Стародубцева Е. П. К вопросу о сущности техники: типология философских подходов // Эпистемы: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2013. Вып. 8: Проблемы современной онтологии. С. 99–112.

⁴ Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век. Антология / под ред. С. Я. Левита. М., 1995. С. 454–492.

⁵ Мэмфорд Л. Техника и природа человека // Новая технократическая волна на Западе: сб. ст. М., 1986. С. 225–239.

⁶ Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997. С. 164–232.

в нее и отказывается от своей свободной сущности; он может спастись через искусство¹. К. Ясперс определяет технику как действия, направленные на господство над природой посредством самой природы; ее цель – снять с человека бремя нужды; она меняет не только природу, но и человека, который может «задохнуться в своей второй природе»². По мнению Ж. Эллюля, техника стала средой человека («коконом без просвета»), она делает все возможным и поэтому становится абсолютной необходимостью, в итоге человек оказывается детерминированным и безнадежным³.

3. Политические (техника как способ организации порядка). По мнению Г. Маркузе, техника, будучи формой производства, определяет границы культуры: техническая рациональность становится политической рациональностью; техника снимает протест во имя свободы от тяжелого труда и устанавливает новые формы контроля; массовое производство порождает человека массы⁴.

Миф о технологиях продолжает и одновременно отрицает миф о воле. *Во-первых*, он доводит до предела идею богоподобия: человек отныне претендует не только на вездесущность, но и на овладение творческими возможностями Бога, т. е. на бого-равенство. *Во-вторых*, он изменяет перспективу достоинства, определяя в качестве приоритетной формы самореализации взаимодействие с техникой; социальные и политические формы при этом отодвигаются на второй план. *В-третьих*, он апеллирует не только к безопасности, но также к комфорту, развлечениям и новым способностям, иногда придавая им большее значение. *В-четвертых*, он исключает идею индивидуальной воли и основанного на ней договора, предлагая довериться новой природе, созданной в результате действия воли (технологиям), и коммерсантам, ее распространяющим. Он, таким образом, не выходит за пределы глобального нарратива.

Развитие мифа о технологиях проходит в два этапа. На *первом* он не вступает в открытый конфликт с либерализмом, а сосуществует с ним во взаимовыгодном симбиозе. Либерализм использует технологии как доказательство превосходства капиталистического строя, а также объективности и эффективности демократических процедур. Массовое распространение технологий в свою очередь становится возможным благодаря центральной установке либерализма – установке на самореализацию (индивидуализацию). Противоречия между либерализмом и технологиями, однако, заметны уже на этом этапе: в отдельных случаях технологии стремятся перехватить власть и аннулировать решения, принятые без их участия⁵, во многих случаях они не выполняют связанных с ними ожиданий самореализации. До определенного момента эти противоречия сглаживаются и преодолеваются, а статус-кво сохраняется. Политический потенциал технологий, однако, неуклонно растет, в то время как потенциал либерализма, наоборот, неуклонно ослабевает.

Переход ко второму этапу в связи с этим неизбежен: рано или поздно технологии откажутся от ставшего обременительным союза и установят тотальное господство⁶. С момента их появления прошло всего несколько десятков лет, и может показаться, что у человечества еще есть время преодолеть сокрытую в них угрозу. Технологии, однако, отрицают саму категорию исторического времени: инициированная ими революция может произойти скоро и быть одномоментной. Речь идет не об учреждении новой формы социальной власти, но об отмене этого института (любая власть предпо-

¹ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 221–238.

² Ясперс К. Современная техника // Новая технократическая волна на Западе. С. 119–146.

³ Эллюль Ж. Другая революция // Новая технократическая волна на Западе. С. 147–152; Его же. Технологический блеф // Это человек: антология философских работ / сост. П. С. Гуревич. М., 1995. С. 265–294.

⁴ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.

⁵ Так, отсутствие западных телекомпаний или электронных систем подсчета голосов может быть квалифицировано как доказательство дефекта народного волеизъявления; примером может служить референдум в Крыму, проведенный в марте 2014 г. и вызвавший недоверие у ряда западных авторов (Peters A. Sense and Nonsense of Territorial Referendums in Ukraine, and Why the 16 March Referendum in Crimea Does Not Justify Crimea's Alteration of Territorial Status under International Law // EJIL: Talk! 2014. 16 April. URL: <https://www.ejiltalk.org/sense-and-nonsense-of-territorial-referendums-in-ukraine-and-why-the-16-march-referendum-in-crimea-does-not-justify-crimeas-alteration-of-territorial-status-under-international-law/>).

⁶ История показывает, что любая уходящая сила пытается сохраниться за счет новой силы, но в итоге всегда уступает ей; примером может служить союз между абсолютной монархией и буржуазией, заключенный на закате феодализма.

лагает свободу, которую технологии полностью исключают) и трансформации человечества в систему, функционирующую нерелексивным образом – в соответствии с автоматически сгенерированными цифровыми алгоритмами. Некоторое время технологии будут имитировать социальную власть, создавая образ некоего командного центра; необходимость в этом исчезнет лишь тогда, когда способность человека к рефлексии (сознание) будет подавлена окончательно.

Действительным бенефициаром технологий, отрицающих деньги и социальную власть, не может быть капиталистический класс. Не могут им быть и люди, «владеющие» технологиями или вовлеченные в их обслуживание, – как и все остальные, они подчинены и могут действовать только в пределах алгоритмического пространства. Не исключено, что таким бенефициаром является некая независимая от технологий группа, использующая их в неведомых целях, или что подобная группа появится в будущем. Эта версия, однако, требует дополнительных доказательств. То же самое касается предположения о существовании некоего трансцендентного субъекта – равнодушного бога, стремящегося покарать человечество или извлечь энергию из его гибели. Еще один вариант состоит в определении истории как регресса: развитие технологий означает неизбежный конец истории, вызванный тем, что человечество не смогло найти состоятельный ответ на вопрос: «Что есть Человек?» и было вынуждено дать ответ, снимающий сам вопрос: «Человек есть ничто»¹.

Миф о технологиях не оформлен до конца. *Во-первых*, развитие технологий опережает не только политические отношения, опосредуемые либеральными мифами, но и производственные отношения, базирующиеся на *вещной* собственности. Либерализм использует технологии, но препятствует их концептуализации; современная философия не агитирует за них открыто, предпочитая скрытую апологетику, например, в форме призывов к принятию нового идеала свободы, основанной на колебании². *Во-вторых*, хотя технологии связаны с наукой, их действие является сверхъестественным, т. е. непостижимым во всей полноте: человек может знать математические формулы и физические законы, но он не способен соотнести свой телесный опыт с работой основанных на них технологий. Сверхъестественная реальность постигается через доказывание и откровение (самораскрытие). Доказывание – малоэффективный путь (электрический свет не обязательно подтверждает существование электричества); основным способом в связи с этим является откровение, осуществляемое через *схождение* Бога или пророка, а также через священные тексты. *Откровение технологий* как условие их концептуализации еще не состоялось.

Политическое применение технологий заключается в следующем. *Во-первых*, они образуют содержание общего блага: хорошей политикой считается та, которая обеспечивает взаимодействие с ними; прочие блага (демократия, права человека и т. д.) отодвигаются на второй план. *Во-вторых*, они влияют на политические процедуры, которые признаются отвечающими демократическим стандартам лишь при условии их использования (телетрансляции событий, видеонаблюдение, электронный подсчет голосов и т. п.). *В-третьих*, они преобразуют механизм принятия решений, делегируя соответствующее право искусственному интеллекту (электронное правительство и электронное правосудие). *В-четвертых*, они создают искусственный фактический контекст, определяющий характер реакции и содержание решений; речь идет о *непрямом* управлении, *формирующем* волю³. *В-пятых*, они задают *modus* (способ) поведения, которое отныне должно осуществляться в такт с технологиями – быть точным, поэтапным и наглядным (алгоритмическим).

¹ Концепция истории как регресса поддерживается некоторыми религиями (буддизмом и индуизмом), а среди западных философов – Р. Геноном (*Генон Р. Царство количества и знамения времени. М., 2010; Его же. Кризис современного мира. М., 2018*).

² Ваттино Дж. Прозрачное общество. М., 2002. С. 18.

³ Ж. Бодрийяр пишет: «Основная функция информации – введение в заблуждение. Не суть важно, о чем нас она „информирует“, не суть важно, насколько она „охватывает“ события, потому что главное сам охват: то, к чему она стремится, всеобщее согласие [consensus] в результате смерти мозга. Дополнением к безусловности симулякров на поля боя является приучение всех нас к безусловному восприятию симулякров в эфире. Нужно исключить всякую возможность понимания события. Результатом этого является душная атмосфера надувательства и отупения» (*Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. М., 2016. С. 70–71*).

Деструктивное влияние технологий состоит в следующем.

Во-первых, они монополизируют связь человека с реальностью и в результате полностью скрывают последнюю, предлагая взамен искусственную и фрагментарную картину. Доктрина, опирающаяся на эту картину, не способна к оздоровлению реальности и самой себя; утрачивая способность непосредственного восприятия реальности, она превращается в элемент технологий.

Во-вторых, они формируют собственный стандарт легитимности, вступающий в конфликт со стандартом, сформированным мифом о воле; в итоге квалификация таких политических событий, как выборы, вмешательство, нормотворчество и др., оказывается противоречивой.

В-третьих, они предполагают постепенный демонтаж всех социальных и правовых институтов и формирование системы, в которой человеку отведена роль технологического звена (узла), исключая социальную коммуникацию, рефлекссию и волевое усилие. Речь идет уже не о разрушении порядка, оставляющем шансы на возрождение, а о его полном стирании.

В-четвертых, в условиях неравного доступа к технологиям они применяются как инструмент принуждения и господства, как физического, так и информационного.

В-пятых, используя идею богоравенства, они преобразуют человека в неодушевленную материю, т. е. осуществляют его онтологическое умерщвление. Этот процесс инициирован самим человеком и происходит с его согласия и при его поддержке; речь, таким образом, идет не о некоем враждебном воздействии (или не только о нем), но о раскрытии важнейшей природной склонности человека – к отпадению от бытия (небытию)¹.

В-шестых, они меняют сам принцип работы человеческого мозга, лишая человека способности противопоставлять себя реальности и включая его в нее на физическом и интеллектуальном уровнях; как результат, человек оказывается неспособным сформировать не только истинный, но и искаженный образ реальности.

Список литературы

XIII Пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. М., 1934.

Адорно Т. Критика культуры и общество (1951) // Артгид. 2018. 6 июня. URL: <http://artguide.com/posts/1519>.

Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2011.

Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.

Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избр. эссе / пер. с нем., под ред. Ю. А. Здорова. М., 1996. URL: <http://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/benjamin1-ru>.

Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. М., 2016.

Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000.

Ваттимо Дж. Прозрачное общество. М., 2002.

Генон Р. Кризис современного мира. М., 2018.

Генон Р. Царство количества и знамения времени. М., 2010.

Джентиле Э. Фашизм, тоталитаризм и политическая религия: определения и критические размышления над критицизмом интерпретации // Гефтер. 2013. 13 нояб. URL: <http://gefter.ru/archive/10519>.

Жижек С. 13 опытов о Ленине. М., 2003.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6 т. М., 1960. Т. 1: Подготовка и развязывание войны империалистическими державами.

Йонас Г. Гностицизм. СПб., 1998.

Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2.

Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М., 2013.

Мандель Э. О материальных, социальных и идеологических предпосылках нацистского геноцида // Red Flora. 2012. 9 мая. URL: <http://www.redflora.org>.

¹ Гностические учения объясняют сотворение мира завистью тщеславного Демиурга, не способного сравниться с Благим богом; человек, обманутый Демиургом, повторяет его путь и в своем слепом тщеславии создает технологии, становясь их пленником. Г. Йонас так описывает этот процесс: «Душа однажды обрательна к материи, она страстно увлеклась ею, и родилось желание удовольствия тела, и она не захотела освободиться от этого. Поэтому был рожден мир. С этого момента Душа забыла о себе. Она забыла свое изначальное происхождение, свой истинный центр, свое вечное бытие» (Йонас Г. Гностицизм. СПб., 1998. С. 49).

- Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.
- Марусин И. С. Определение агрессии в Статуте Международного уголовного суда и Уставе Нюрнбергского трибунала // Правоведение. 2013. № 4.
- Мизес Л. Ф. Либерализм. М., 2007.
- Мэмфорд Л. Техника и природа человека // Новая технократическая волна на Западе: сб. ст. М., 1986.
- Нитти Ф. Европа без мира. Пг., 1923.
- Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 2 т. / под ред. К. П. Горшенина и др. М., 1954. Т. 2.
- Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997.
- Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. М., 1992.
- Рормозер Г. Кризис либерализма. М., 1996.
- Сталин И. В. О правом уклоне в ВКП(б): речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. // Вопросы ленинизма. Л., 1952.
- Стародубцева Е. П. К вопросу о сущности техники: типология философских подходов // Эпистемы: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2013. Вып. 8: Проблемы современной онтологии.
- Троцкий Л. Д. Бонапартизм, фашизм и война // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1940. № 84. URL: https://1917.com/Marxism/Trotsky/BO/BO_No_84/BO-0712.html.
- Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005.
- Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
- Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству. М., 2005.
- Шмитт К. Государство и политическая форма. М., 2010.
- Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб., 2008.
- Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век. Антология / под ред. С. Я. Левита. М., 1995.
- Эвола Ю. Фашизм: критика справа. М., 2005.
- Эко У. Вечный фашизм // Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб., 2005.
- Эллюль Ж. Другая революция // Новая технократическая волна на Западе: сб. ст. М., 1986.
- Эллюль Ж. Технологический блеф // Это человек: антология философских работ / сост. П. С. Гуревич. М., 1995.
- Юнгер Э. Об опасности (1931) // Юнгер Э. Политические статьи 1923–1933. М., 2008.
- Ясперс К. Современная техника // Новая технократическая волна на Западе: сб. ст. М., 1986.
- Bassiouni M. C. The Penal Characteristics of Conventional International Criminal Law // Case Western Reserve Journal of International Law. 1983. Vol. 15. No. 1.
- Bentham J. Sophismes anarchiques // Oeuvres de J. Bentham. Bruxelles, 1840.
- Carty A. Philosophy of International Law. Edinburgh, 2007.
- Corten O. The controversies over the customary prohibition on the use of force: a methodological debate // European Journal of International Law. 2005. Vol. 16. No. 5.
- Friedrich C. J., Brzeziński Z. K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. 2nd ed. N. Y., 1965.
- Griffin R. The Nature of Fascism. N. Y., 1991.
- Haas E. B. Beyond the Nation-state: Functionalism and International Organization. Stanford, 1964.
- Jarden E. The Israeli-Palestinian conflict in international law // Israel and a Palestinian State: Zero Sum Game? / ed. by A. Stav. Sha'arei Tikva, 2001.
- Kennedy D. Reassessing International Humanitarianism: The Dark Sides // International Law and its Others / ed. by A. Orford. Oxford, 2006.
- Lepage H. «Vrais» ou «faux» droits de l'Homme // Euro 92 Analyses. 1998. № 3.
- Mathias J.-C. Politique de Cassandre – Manifeste républicain pour une écologie radical. Sang de la Terre, 2009.
- Mitrany D. The Functional Approach to World Organization // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944). 1948. Vol. 24. № 3.
- Paiva Duarte F. de. Environmental and Development Debate: Paradoxes, Polemics and Panaceas // Griffith Law Review. 1999. Vol. 8.
- Pelle A. Legitimacy of Legislative and Executive Actions of International Institutions // Legitimacy in International Law / ed. by R. Wolfrum, V. Roeben. Berlin, 2008.
- Peters A. Sense and Nonsense of Territorial Referendums in Ukraine, and Why the 16 March Referendum in Crimea Does Not Justify Crimea's Alteration of Territorial Status under International Law // EJIL: Talk! 2014. 16 April. URL: <https://www.ejiltalk.org/sense-and-nonsense-of-territorial-referendums-in-ukraine-and-why-the-16-march-referendum-in-crimea-does-not-justify-crimeas-alteration-of-territorial-status-under-international-law>.
- Rosenau J. N. Governance, order, and change in world politics // Governance without government: order and change in world politics / ed. by J. N. Rosenau, E.-O. Czempiel. Cambridge, 1992.

References

- XIII Plenum Ispolnitel'nogo komiteta Kommunisticheskogo Internatsionala. Stenograficheskii otchet. M., 1934.
- Adorno T. Kritika kul'tury i obshchestvo (1951) // Artgid. 2018. 6 iyunya. URL: <http://artguide.com/posts/1519>.
- Adorno T. Negativnaya dialektika. M., 2011.
- Arendt Kh. Istoki totalitarizma. M., 1996.
- Bassiouni M. C. The Penal Characteristics of Conventional International Criminal Law // Case Western Reserve Journal of International Law. 1983. Vol. 15. No. 1.
- Bentham J. Sophismes anarchiques // Oeuvres de J. Bentham. Bruxelles, 1840.
- Ben'yamin V. Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi voproizvodimosti: izbr. esse / per. s nem., pod red. Yu. A. Zdorovogo. M., 1996. URL: <http://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/benjamin1-ru>.
- Bodriiyar Zh. Dukh terrorizma. Voyny v zalive ne bylo. M., 2016.
- Bodriiyar Zh. Prozhivaniye zla. M., 2000.
- Carty A. Philosophy of International Law. Edinburgh, 2007.
- Corten O. The controversies over the customary prohibition on the use of force: a methodological debate // European Journal of International Law. 2005. Vol. 16. No. 5.
- Dzhentile E. Fashizm, totalitarizm i politicheskaya religiya: opredeleniya i kriticheskie razmyshleniya nad krititsizmom interpretatsii // Gefter. 2013. 13 noyab. URL: <http://gefter.ru/archive/10519>.
- Eko U. Vechnyi fashizm // Eko U. Pyat' esse na temy etiki. SPb., 2005.
- Ellyul' Zh. Drugaya revolyutsiya // Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade: sb. st. M., 1986.
- Ellyul' Zh. Tekhnologicheskii blef // Eto chelovek: antologiya filosofskikh rabot / sost. P. S. Gurevich. M., 1995.
- Evola Yu. Fashizm: kritika sprava. M., 2005.
- Friedrich C. J., Brzezienski Z. K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. 2nd ed. N. Y., 1965.
- Genon R. Krizis sovremennogo mira. M., 2018.
- Genon R. Tsarstvo kolichestva i znameniya vremeni. M., 2010.
- Griffin R. The Nature of Fascism. N. Y., 1991.
- Haas E. B. Beyond the Nation-state: Functionalism and International Organization. Stanford, 1964.
- Jonas G. Gnostitsizm. SPb., 1998.
- Istoriya Velikoi Otechestvennoi voyny Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg.: v 6 t. M., 1960. T. 1: Podgotovka i razvyazivanie voyny imperialisticheskimi derzhavami.
- Jarden E. The Israeli-Palestinian conflict in international law // Israel and a Palestinian State: Zero Sum Game? / ed. by A. Stav. Sha'arei Tikva, 2001.
- Kant I. Metafizika нравов v dvukh chastyakh // Kant I. Sochineniya: v 6 t. M., 1965. T. 4. Ch. 2.
- Katasonov V. Yu. Kapitalizm. Istoriya i ideologiya «denezhnoi tsivilizatsii». M., 2013.
- Kennedy D. Reassessing International Humanitarianism: The Dark Sides // International Law and its Others / ed. by A. Orford. Oxford, 2006.
- Khabermas Yu. Politicheskie raboty. M., 2005.
- Khaidegger M. Vopros o tekhnike // Khaidegger M. Vremya i bytie. M., 1993.
- Khaiek F. A. fon. Doroga k rabstvu. M., 2005.
- Lepage H. «Vrais» ou «faux» droits de l'Homme // Euro 92 Analyses. 1998. № 3.
- Mandel' E. O material'nykh, sotsial'nykh i ideologicheskikh predposylkakh natsistskogo genotsida // Red Flora. 2012. 9 maya. URL: <http://www.redflora.org>.
- Markuze G. Odnomernyi chelovek. M., 1994.
- Marusin I. S. Opredelenie agressii v Statute Mezhdunarodnogo ugovnogo suda i Ustave Nyurnbergskogo tribunala // Pravovedenie. 2013. № 4.
- Mathias J.-C. Politique de Cassandre – Manifeste républicain pour une écologie radical. Sang de la Terre, 2009.
- Memford L. Tekhnika i priroda cheloveka // Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade: sb. st. M., 1986.
- Mitrany D. The Functional Approach to World Organization // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944). 1948. Vol. 24. № 3.
- Mizes L. F. Liberalizm. M., 2007.
- Nitti F. Evropa bez mira. Pg., 1923.
- Nyurnbergskii protsess: sb. materialov: v 2 t. / pod red. K. P. Gorshenina i dr. M., 1954. T. 2.
- Ortega-i-Gasset Kh. Razmyshleniya o tekhnike // Ortega-i-Gasset Kh. Izbrannye trudy. M., 1997.
- Paiva Duarte F. de. Environmental and Development Debate: Paradoxes, Polemics and Panaceas // Griffith Law Review. 1999. Vol. 8.
- Pelle A. Legitimacy of Legislative and Executive Actions of International Institutions // Legitimacy in International Law / ed. by R. Wolfrum, V. Roeben. Berlin, 2008.

Peters A. Sense and Nonsense of Territorial Referendums in Ukraine, and Why the 16 March Referendum in Crimea Does Not Justify Crimea's Alteration of Territorial Status under International Law // EJIL: Talk! 2014. 16 April. URL: <https://www.ejiltalk.org/sense-and-nonsense-of-territorial-referendums-in-ukraine-and-why-the-16-march-referendum-in-crimea-does-not-justify-crimeas-alteration-of-territorial-status-under-international-law>.

Popper K. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi: v 2 t. M., 1992.

Rormozer G. Krizis liberalizma. M., 1996.

Rosenau J. N. Governance, order, and change in world politics // Governance without government: order and change in world politics / ed. by J. N. Rosenau, E.-O. Czempiel. Cambridge, 1992.

Shmitt K. Gosudarstvo i politicheskaya forma. M., 2010.

Shmitt K. Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum. SPb., 2008.

Shpengler O. Chelovek i tekhnika // Kul'turologiya. XX vek. Antologiya / pod red. S. Ya. Levita. M., 1995.

Stalin I. V. O pravom uklone v VKP(b): rech' na plenum TsK i TsKK VKP(b) v aprele 1929 g. // Voprosy leninizma. L., 1952.

Starodubtseva E. P. K voprosu o sushchnosti tekhniki: tipologiya filosofskikh podkhodov // Epistemy: sb. nauch. st. Ekaterinburg, 2013. Vyp. 8: Problemy sovremennoi ontologii.

Trotsky L. D. Bonapartizm, fashizm i voina // Byulleten' oppozitsii (bol'shevikov-lenintsev). 1940. № 84. URL: https://1917.com/Marxism/Trotsky/BO/BO_No_84/BO-0712.html.

Vattimo Dzh. Prosrachnoe obshchestvo. M., 2002.

Yaspers K. Sovremennaya tekhnika // Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade: sb. st. M., 1986.

Yunger E. Ob opasnosti (1931) // *Yunger E.* Politicheskie stat'i 1923–1933. M., 2008.

Zhizhek S. 13 opytov o Lenine. M., 2003.

РОЛЬ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ СОГЛАШЕНИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Лазутин Лев Александрович

Заведующий кафедрой международного и европейского права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), доктор юридических наук, профессор,
e-mail: mp@usla.ru

В статье раскрываются положения межправительственных договоров, заключенных Правительством РФ с правительствами зарубежных государств по различным направлениям взаимодействия и сотрудничества, и их роль в реализации межгосударственных договоров (соглашений) о правовых отношениях и правовой помощи по гражданским, семейным и (или) уголовным делам.

Ключевые слова: межгосударственный договор, межправительственный договор, сотрудничество государств, правовая помощь, реализация международных норм

THE ROLE OF INTERGOVERNMENTAL AGREEMENTS IN THE IMPLEMENTATION OF LEGAL ASSISTANCE IN CRIMINAL CASES

Lazutin Lev

Head of the department, Ural State Law University (Yekaterinburg), doctor of legal sciences,
e-mail: mp@usla.ru

The article reveals the provisions of intergovernmental treaties concluded by the Government of the Russian Federation with the governments of foreign states in various areas of interaction and cooperation, and their role in the implementation of interstate treaties on legal relations and legal assistance in civil, family and (or) criminal cases.

Key words: interstate agreement, intergovernmental agreement, cooperation of states, legal assistance, implementation of international standards

Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. (далее – Венская конвенция) не подразделяет международные договоры (конвенции) на межгосударственные, межправительственные и межведомственные; в ст. 6 говорится лишь о том, что «каждое государство обладает правоспособностью заключать договоры». Данная классификация предложена Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», согласно которому международные договоры РФ, заключаемые с иностранными государствами, а также с международными организациями от имени Российской Федерации, – межгосударственные, от имени Правительства РФ – межправительственные, от имени федеральных органов исполнительной власти – межведомственные (ч. 2 ст. 3). В российской правовой науке международные договоры РФ рассматриваются не только как часть правовой системы, но и как регуляторы прямых связей органов исполнительной власти РФ, включая федеральные правоохранительные органы, министерства и ведомства, с «родственными» (равнозначными) органами зарубежных государств¹.

Хотя межгосударственные договоры об оказании правовой помощи по уголовным делам и являются правовой основой взаимоотношений государств и их компетентных органов, изложенные в них нормы, как правило, требуют конкретизации. Межправительственные и межведомственные соглашения отчасти выполняют данную функцию.

¹ Подробнее см.: Международное право: учеб. для вузов / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 215–280.

Например, в межправительственном Соглашении о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступностью (Москва, 25 ноября 1998 г.) приведена постатейная регламентация совместных действий по оказанию правовой помощи и сотрудничеству государств на основании Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г.

Межправительственные договоры обладают всеми необходимыми признаками международного договора, предусмотренными Венской конвенцией. Их заметным отличием от межгосударственных договоров является именно то, что они определяют более конкретные компоненты правового регулирования и четко закрепляют исполнителей принятых обязательств.

В данной статье мы сделаем акцент только на тех межправительственных соглашениях, которые конкретизируют положения международных договоров о взаимной правовой помощи по уголовным делам.

1. Соглашения о сотрудничестве в борьбе с преступностью.

Правительство РФ, учитывая необходимость эффективного сотрудничества правоохранительных органов государств в борьбе с преступностью, заключило серию многосторонних и двусторонних международных соглашений¹.

Так, предметом Соглашения о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступностью является сотрудничество компетентных органов государств-участников в борьбе с преступностью, особенно в ее организованных формах, при соблюдении законодательства своих государств и международных обязательств. В отличие от договоров о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, где определен только объем правовой помощи, в Соглашении о сотрудничестве в борьбе с преступностью перечисляются преступные деяния, которые являются предметом взаимодействия компетентных органов государств. Например, в силу ст. 2 «стороны сотрудничают в предупреждении, пресечении, выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, в особенности следующих деяний:

- 1) преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности;
- 2) незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых и отравляющих веществ и взрывных устройств, а также ядерных и радиоактивных материалов, международный терроризм, бандитизм, захват заложников;
- 3) незаконный оборот наркотических средств, прекурсоров и психотропных веществ;
- 4) преступления в сфере экономической деятельности, в том числе в области налогообложения, легализация (отмывание) доходов от преступной деятельности, контрабанда, фальшивомонетничество и подделка ценных бумаг;
- 5) преступления против собственности, в том числе хищения автотранспортных средств и связанные с этим незаконные операции;
- 6) торговля людьми и эксплуатация проституции третьими лицами;
- 7) незаконный оборот культурных и исторических ценностей;
- 8) экологические преступления;
- 9) незаконная миграция».

Двусторонние соглашения о сотрудничестве в борьбе с преступностью содержат более лаконичные формулировки. Например, в п. 1 ст. 1 Соглашения между Правительством РФ и Правительством Королевства Швеции о сотрудничестве в борьбе с преступностью (Москва, 19 апреля 1995 г.) сказано: «Стороны будут сотрудничать в борьбе с преступлениями, предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие которых требуют совместных действий компетентных органов обоих государств, в частности, такими как организованная преступность, терроризм, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, контрабанда и другими тяжкими преступлениями».

Сотрудничество компетентных органов в рамках соглашений осуществляется на основании запросов (просьб), направляемых в письменной форме. Содержание запроса

¹ См., например: Соглашение между Правительством Финляндской Республики и Правительством РФ о сотрудничестве в борьбе с преступностью (Москва, 5 марта 1993 г.); Соглашение между Правительством РФ и Правительством Итальянской Республики о сотрудничестве в борьбе с преступностью (Рим, 5 ноября 2003 г.).

по межправительственным соглашениям во многом идентично содержанию запроса по договорам о правовой помощи.

Отличительной особенностью межправительственных соглашений о сотрудничестве в борьбе с преступностью является то, что они не затрагивают вопросов выдачи, входящей в объем взаимной правовой помощи. Это объясняется тем, что соглашения, не вторгаясь в сферу действия межгосударственных договоров, регламентирующих выдачу, способствуют более эффективному взаимодействию правоохранительных органов государств по раскрытию преступлений, в том числе влекущих выдачу.

В упомянутых соглашениях предусмотрены следующие формы сотрудничества:

обмен информацией о готовящихся или совершенных преступлениях и причастным к ним лицам;

исполнение запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий;

обмен информацией о новых видах наркотических средств и психотропных веществ, появившихся в незаконном обороте;

розыск и возвращение в установленном Конвенцией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. порядке похищенных предметов, в том числе автотранспорта и огнестрельного оружия, а также коммерческих ценных бумаг и паспортов;

обмен опытом работы (стажировки, учебные курсы, семинары);

обмен законодательными и иными нормативными правовыми актами;

проведение совместных научных исследований и др.

Эти формы подтверждают факт детализации норм международных договоров о правовой помощи по уголовным делам.

2. Соглашения о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

Учитывая особую опасность незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, правительства ряда стран заключили международные межправительственные соглашения о сотрудничестве в борьбе с данным преступлением. Таких соглашений более 20¹. Эти соглашения основываются на нормах и целях Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г., Конвенции о психотропных веществах 1971 г. и Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.

В соответствии с указанными соглашениями сотрудничество между сторонами осуществляется путем прямых контактов и договоренностей между компетентными органами сторон. Соглашения закрепляют такую форму правовой помощи, как обмен информацией, представляющей взаимный интерес. Это информация о формах и методах выявления источников поступления наркотических средств и психотропных веществ; методиках выявления незаконных потребителей наркотических средств и психотропных веществ; организации оперативно-служебной деятельности по выявлению сбытчиков наркотических средств и психотропных веществ; принятых и действующих правовых актах, направленных на борьбу с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ; результатах научных исследований и др.

Запрос как форма правовой помощи используется только при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий (ст. 6 Соглашения с Правительством Республики Узбекистан о сотрудничестве в борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Москва, 12 марта 1997 г.).

Практически каждое соглашение содержит норму, в силу которой его положения не будут препятствовать деятельности сторон для достижения или поощрения других форм и методов сотрудничества в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и злоупотреблением ими. Данную норму следует рассматривать как закрепление возможности «параллельного» использования норм других международных договоров, в том числе о взаимной правовой помощи.

¹ См., например: Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Кипр о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и злоупотреблением ими (Москва, 25 февраля 2015 г.); Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Гватемала о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и со злоупотреблением ими (Гватемала, 15 февраля 2010 г.).

3. *Соглашения о сотрудничестве в борьбе с незаконными финансовыми операциями, легализацией (отмыванием) доходов, полученных незаконным путем и нарушениями налогового законодательства.*

Правительство РФ, учитывая особый характер преступлений, связанных с незаконными финансовыми операциями, заключило ряд двусторонних соглашений о борьбе с ними, в основном со странами СНГ¹. Предметом данных соглашений является сотрудничество соответствующих федеральных (государственных) органов в целях организации эффективного взаимодействия по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию незаконных финансовых операций, а также финансовых операций, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных незаконным путем.

Соглашения предусматривают:

подписание протоколов компетентными органами государств о порядке выполнения положений соглашения по конкретным направлениям сотрудничества (п. 2 ст. 3 Соглашения с Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве и взаимной помощи в области борьбы с незаконными финансовыми операциями, а также финансовыми операциями, связанными с легализацией (отмыванием) доходов, полученных незаконным путем);

оформление письменного запроса (ст. 3 Соглашения с Правительством Федеративной Республики Нигерии о сотрудничестве в борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, злоупотребления ими и легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем (Москва, 13 мая 1999 г.).

Важно, что только в Соглашении с Правительством Республики Беларусь есть указание на его взаимосвязь с договорами о правовой помощи. В частности, п. 2 ст. 2 гласит: «Настоящее Соглашение не затрагивает прав и обязательств Сторон, вытекающих из международных договоров об оказании правовой помощи по гражданским и уголовным делам». Представляется, что в этой норме речь идет об автономности реализации компетентными органами государств как материальных, так и процессуальных норм международных договоров о правовой помощи, в том числе по преступлениям, связанным с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем. Соглашение здесь выполняет свою цель – регламентирует взаимодействие компетентных органов для эффективной борьбы с данными видами преступлений.

Соглашения о сотрудничестве в борьбе с нарушениями налогового законодательства преследуют цель организации эффективного взаимодействия по выявлению, предупреждению и пресечению налоговых преступлений и правонарушений, для чего в них предусмотрен обмен информацией о налоговых преступлениях, совершенных юридическими и физическими лицами.

Взаимосвязь этих соглашений с договорами о взаимной правовой помощи по уголовным делам заключается в том, что закрепленные в них формы и методы сотрудничества компетентных органов государств во многом совпадают с формами и методами, определенными в договорах о правовой помощи. Более того, в самих названиях некоторых соглашений употребляется термин «правовая помощь», что подтверждает их принадлежность к этому сложному межсистемному образованию в международном уголовном и уголовно-процессуальном праве.

Таким образом, межправительственные соглашения о сотрудничестве и взаимной помощи (обмене информацией) в области борьбы с нарушениями налогового законодательства рассматриваются как источники, нормы которых наряду с основным предметом регулирования регламентируют и вопросы оказания взаимной правовой помощи.

4. *Соглашения о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах.*

Правительство РФ, исходя из того, что нарушения таможенного законодательства наносят ущерб экономическим, налоговым, социальным, коммерческим, торговым ин-

¹ См., например: Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Хорватии о сотрудничестве и взаимной помощи в области борьбы с незаконными финансовыми операциями, а также финансовыми операциями, связанными с легализацией (отмыванием) доходов, полученных незаконным путем (Москва, 18 декабря 1998 г.); Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Болгарии о сотрудничестве и взаимной помощи в области борьбы с незаконными финансовыми операциями и финансовыми операциями, связанными с легализацией (отмыванием) доходов, полученных незаконным путем (Москва, 7 июля 1999 г.).

тересам государств, учитывая, что усилия государств по предотвращению нарушений таможенного законодательства своих стран и по обеспечению правильного взимания импортных и экспортных пошлин и налогов могут стать более эффективными благодаря сотрудничеству между их таможенными органами, заключило межправительственные соглашения о сотрудничестве и взаимной помощи по таможенным делам¹.

В соответствии с соглашениями таможенные службы государств содействуют друг другу в целях обеспечения надлежащего выполнения таможенного законодательства, предотвращения и расследования его нарушений, а также наказания за их совершение. По запросу они предоставляют друг другу информацию.

Форма и содержание запросов о помощи регламентируются рассматриваемыми соглашениями. С учетом специфики таможенной службы запрос включает: наименование службы, делающей запрос; цель и причину запроса; имена и адреса сторон, в отношении которых делается запрос; краткое изложение сути дела и связанных с ним юридических обстоятельств.

В соглашениях регламентированы вопросы конфиденциальности информации, каналов связи, выполнения запросов, порядок обмена информацией и др.

В целом эти соглашения «абстрагированы» от вопросов правовой помощи по уголовным делам. Они обеспечивают взаимодействие таможенных служб и направлены на гармонизацию и унификацию таможенных систем. Вместе с тем с учетом опасности деяний, совершаемых при пересечении границы (незаконный оборот наркотических и психотропных веществ, контрабанда, незаконный ввоз и вывоз оружия и др.), нужно признать, что данные соглашения имеют большое значение для пресечения этих преступлений. Соответственно, взаимная правовая помощь, предусмотренная такими соглашениями, напрямую относится к правовой помощи по уголовным делам.

5. Межправительственные соглашения об обмене правовой информацией.

К источникам международного права, конкретизирующим оказание взаимной правовой помощи по уголовным делам, следует отнести и межправительственные соглашения об обмене правовой информацией². В данных соглашениях стороны признают необходимость двустороннего обмена правовыми актами по вопросам, обозначенным в Тематическом перечне нормативных правовых актов, подлежащих межгосударственному обмену, открытых к опубликованию.

Каждая из сторон обязуется предоставить другой стороне запрашиваемую информацию о правовых актах. Стороны, принимая согласованные меры по созданию системы обмена правовой информацией, самостоятельно определяют:

полномочный орган (министерство, комитет, ведомство), осуществляющий координацию работ по созданию национальных эталонных баз данных и развитию средств коммуникации для межгосударственного обмена правовой информацией;

перечень субъектов – пользователей информацией;

правовой режим информации (нормативно установленные правила, определяющие степень открытости, порядок документирования, доступа, хранения, распространения и защиты информации).

Обмен правовой информацией осуществляется в соответствии с законодательством сторон.

С правительствами государств-участников СНГ Россией, кроме основных соглашений об обмене правовой информацией, подписаны протоколы, которые предусматривают создание обеими сторонами национальных эталонных баз данных на единых принципах научно-методического, информационного, лингвистического и технического обеспечения. Протоколами устанавливаются компетентные органы, осуществляющие координацию работ по созданию национальных эталонных баз данных и развитию средств коммуникации для межгосударственного обмена правовой инфор-

¹ См., например: Соглашение между Правительством РФ и Правительством Туркменистана о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах (Ашгабат, 23 декабря 1993 г.); Соглашение между Правительством РФ и Правительством Японии о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах (Токио, 12 мая 2009 г.).

² См., например: Соглашение между Правительством РФ и Кабинетом министров Республики Беларусь об обмене правовой информацией (Москва, 17 февраля 1995 г.); Соглашение между Правительством РФ и Правительством Кыргызской Республики об обмене правовой информацией (Москва, 27 апреля 1994 г.).

мацией. В Российской Федерации таким органом является Государственно-правовое управление Президента Российской Федерации. В других государствах это, как правило, министерства юстиции.

Оценивая в целом межправительственные соглашения, следует отметить, что они основываются на положениях межгосударственных договоров и тем самым дополняют и конкретизируют их нормы, а также определяют порядок их реализации. Вместе с тем их нельзя рассматривать как «приложения» к основным договорам, ибо их статус как международных договоров следует признать автономным.

Список литературы

Международное право: учеб. для вузов / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2013.

References

Mezhdunarodnoe pravo: ucheb. dlya vuzov / otv. red. G. V. Ignatenko, O. I. Tiunov. 6-e izd., pererab. i dop. M., 2013.

УСЛОВИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (конституционно-правовой анализ)

Гончаров Виталий Викторович

Исполнительный директор юридической консалтинговой корпорации
«Ассоциация независимых правозащитников»,
доцент кафедры государственного и международного права
Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина (Краснодар),
кандидат юридических наук, e-mail: niipgergo2009@mail.ru

В статье отмечается, что право граждан РФ на осуществление общественного контроля является относительным публично-политическим правом по защите прав народа на народовластие и участие в государственном управлении. Автор проводит анализ общих и специальных конституционно-правовых условий ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Исследуются причины ограничения права граждан России на осуществление общественного контроля. Дана авторская классификация условий ограничения этого права по следующим основаниям: уровень содержащего их нормативного правового акта; разновидность субъектов, чьи права на осуществление общественного контроля ограничиваются (физические лица, некоммерческие организации, политические партии, организации, создаваемые органами власти для осуществления и координации общественного контроля власти); цели ограничения; оспоримость в судебном порядке.

Ключевые слова: общественный контроль, условия ограничения права, народовластие, участие граждан в управлении государством, органы государственной власти, органы местного самоуправления, публичные полномочия

TERMS OF RESTRICTION OF THE RIGHT OF RUSSIAN CITIZENS TO PUBLIC CONTROL (constitutional and legal analysis)

Goncharov Vitalii

Executive director, Association of independent human rights defenders,
associate professor, Kuban State Agrarian University (Krasnodar), candidate of legal sciences,
e-mail: niipgergo2009@mail.ru

The article notes that the right of citizens of the Russian Federation to public control is a relative public-political right to protect the people's rights to democracy and participation in public administration. The author analyzes general and special constitutional-law terms of restriction of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation. The article investigates the reasons for restricting the right of Russian citizens to public control. The author classifies the terms of restriction of the Russian citizens' right to public control on a number of grounds: a level of the normative legal act containing them; a variety of subjects whose rights to public control are restricted (individuals, non-profit organizations, political parties, organizations created by the authorities for the implementation and coordination of public control); goals of restriction; a challenge in the court.

Key words: public control, terms of restriction of the right, democracy, participation of citizens in public administration, public authorities, local authorities, public powers

Реализация права граждан РФ на осуществление общественного контроля индивидуально либо посредством деятельности органов общественного контроля, как и любого другого права человека и гражданина, предполагает инициирование системы

общественных отношений, которые затрагивают права, свободы и законные интересы иных физических лиц, а также юридических лиц, органов государственной власти и местного самоуправления. При этом «Конституция России... одновременно устанавливает деление основных прав человека и гражданина на абсолютные, под которыми в конституционном праве (в отличие от гражданского права) понимают права, не подлежащие ограничению или отмене ни при каких условиях, и относительные, в отношении которых в соответствующих случаях могут устанавливаться некоторые ограничения, критерии и границы которых определены самой Конституцией»¹. И если, например, право человека на жизнь признается в Конституции РФ в качестве абсолютного права (что имело логическим следствием отмену смертной казни в нашей стране), то право граждан на осуществление общественного контроля носит относительный характер.

Основные права и свободы человека и гражданина, упомянутые в Конституции России, традиционно объединяются в три основные группы: 1) личные; 2) публично-политические (политические); 3) экономические, социальные и культурные. При этом отдельно выделяются конституционные гарантии прав и свобод². С. А. Авакьян относит их к четвертой категории основных прав и свобод, называя их «правами по защите других прав и свобод»³.

В рамках данной классификации право граждан РФ на осуществление общественного контроля можно отнести, с одной стороны, к категории публично-политических (политических) прав, так как посредством его реализации народ (общество) осуществляет контроль за законностью и целесообразностью осуществления делегированной народом власти органами государственной власти и местного самоуправления, их должностными лицами, а также органами и организациями, осуществляющими отдельные публичные полномочия; с другой – к категории прав по защите других прав и свобод, ведь именно данное право выступает в качестве одной из основных гарантий права народа на народовластие и участие в государственном управлении.

В связи с этим представляется, что право граждан РФ на осуществление общественного контроля, являющегося относительным публично-политическим правом по защите прав народа на народовластие и участие в государственном управлении, носит не безусловный характер и в определенных случаях может быть ограничено. Данные ограничения не умаляют право граждан РФ на осуществление общественного контроля, а лишь определяют правовые рамки его реализации, при которых данное право не препятствует реализации иных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а также юридических лиц, органов государственной власти и местного самоуправления. Как отмечает В. Д. Зорькин, «конституционные ценности образуют системное единство и находятся в определенной иерархической соподчиненности... при этом недопустимы подмена одной ценности другой или ее умаление за счет другой ценности»⁴.

Рассмотрим условия ограничения права граждан России на осуществление общественного контроля через призму общих и специальных конституционно-правовых условий ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Конституция РФ, закрепляя в ст. 17 положение о том, что в России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией, выделяет общее условие их реализации: осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Ряд авторов критикуют данное положение Основного закона страны, отмечая, что «в указанной норме используется

¹ URL: <http://constrf.ru/razdel-1/glava-2/st-17-krf> (дата обращения: 01.11.2018).

² Подробнее см.: Права человека: учеб. / отв. ред. Е. А. Лукашева. 3-е изд., перераб. М., 2015. С. 140–181; Нудненко Л. А. Конституционное право России: учеб. для бакалавров. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2016. С. 267–269, 326–340; Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов. 6-е изд., изм. и доп. М., 2007. С. 191–192, 294.

³ Подробнее см.: Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. Т. 1. С. 669–670.

⁴ Подробнее см.: Зорькин В. Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010. С. 81; Зорькин В. Д. Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4. С. 8.

достаточно мягкая формулировка: „не должно нарушать“ вместо возможной „запрещается“. При этом в ряде конституционных положений, касающихся прав и свобод человека и гражданина, применяется категоричность в выражениях, т. е. устанавливаются именно запреты. Например, запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 2 ст. 19)¹.

Таким образом, государство не только регулирует пределы своего вмешательства в реализацию человеком своих прав, но и устанавливает границы осуществления индивидами своих прав в отношениях между собой.

В свою очередь ч. 3 ст. 55 Конституции РФ закрепляет общие условия ограничения прав и свобод человека и гражданина: 1) они могут быть ограничены только федеральным законом; 2) данные ограничения действительны только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, а также обеспечения обороны страны и безопасности государства. Кроме того, ст. 13 Конституции России запрещает создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Как отмечает А. С. Гриценко, «конституционные права и свободы защищены в той мере, пока государство не противопоставляет им какие-либо общественно значимые интересы, требующие вмешательства в сферу их реализации или ограничения»².

Данные нормы Основного закона, по сути, развивают и дополняют положения Всеобщей декларации прав человека, в которой сказано, что ограничения прав и свобод человека и гражданина могут быть установлены «исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе». При этом Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, закрепляя в ст. 4 возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина, устанавливает и пределы подобного ограничения: «В отношении пользования теми правами, которые то или иное государство обеспечивает в соответствии с настоящим Пактом, это государство может устанавливать только такие ограничения этих прав, которые определяются законом, и только постольку, поскольку это совместимо с природой указанных прав, и исключительно с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе».

Д. А. Оспанова отмечает, что «особое значение для установления предельности ограничений прав и свобод имеют Сиракузские принципы... в которых содержатся положения, устанавливающие пределы ограничений как в общем плане, так и с достаточной степенью их конкретизации... в них встречается положение о том, что ограничения не должны быть „произвольными,“ и „неразумными“ (ст. 7, 16, 34 и т. д.), т. е. они должны быть введены по законодательно установленной процедуре и быть необходимыми в обществе»³.

Таким образом, международное законодательство препятствует национальному законодательству в установлении таких ограничений в реализации прав и свобод граждан, которые обусловлены не интересами общества и государства, но частными интересами отдельных органов власти, их должностных лиц, а также бизнеса, использующего лоббистские технологии для реализации своих коммерческих целей и задач.

¹ Подробнее см.: Винокуров В. А. О конституционной норме, предусматривающей, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 7. URL: <http://отрасли-права.рф/article/20543> (дата обращения: 01.11.2018).

² Подробнее см.: Гриценко А. С. Этико-моральная аргументация и ее применение органом конституционного контроля в свете вопроса об основаниях и пределах ограничения конституционных прав и свобод // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2016. № 4. С. 124.

³ Подробнее см.: Оспанова Д. А. Принцип установления правовых норм ограничения прав и свобод человека и гражданина только законами // Вестник КазНУ. 2011. URL: <https://articlekz.com/article/9716> (дата обращения: 01.11.2018).

Данное обстоятельство подтверждает и международная судебная практика. Как отмечает Н. В. Варламова, Европейский Суд по правам человека признает ограничения прав и свобод человека и гражданина, преследующие легитимные цели, правомерными, если они необходимы в демократическом обществе¹.

Кроме общих условий ограничения прав и свобод человека и гражданина, Конституция РФ закрепляет и специальные условия, связанные с наступлением определенных обстоятельств. Так, согласно ст. 56 Основного закона страны в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия. Однако введение чрезвычайного положения на всей территории Российской Федерации и в ее отдельных местностях должно быть обосновано обстоятельствами, установленными Федеральным конституционным законом от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», осуществляться в предусмотренном им порядке. Кроме того, в ч. 3 ст. 56 Конституция России закреплён перечень прав и свобод, которые не подлежат ограничению даже в условиях чрезвычайного положения.

Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в специальном режиме на основании Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении». В частности, ст. 7 данного Закона предусматривает широкий перечень мероприятий, ограничивающих права и свободы человека и гражданина, например приостановление деятельности политических партий, других общественных объединений, религиозных объединений, ведущих пропаганду и (или) агитацию; запрещение или ограничение проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий; введение в органах государственной власти, иных государственных органах, органах военного управления, органах местного самоуправления и организациях дополнительных мер, направленных на усиление режима секретности.

На ограничение права граждан РФ на осуществление общественного контроля распространяются те же условия, предусмотренные Конституцией России и законодательством, что и на другие относительные публично-политические права. Более того, в связи с тем, что право на осуществление общественного контроля выступает в виде гарантии реализации народом (обществом) своих прав на народовластие и участие в управлении государственными делами, Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 212-ФЗ) в ч. 3 ст. 4 закрепляет положение о том, что не допускается принятие нормативных правовых актов в целях воспрепятствования осуществлению общественного контроля.

В силу того что Конституция РФ детально не регламентирует право народа на осуществление общественного контроля, а также персональные условия его ограничения, А. С. Гриценко высказывает мнение о том, что «в целях защиты тех конституционных прав и свобод, которые не до конца заручились поддержкой общественности, возможным представляется исходить из того, что конституционный акт – это не только общественный консенсус, но и сознательно избранная долговременная стратегия. С его помощью общество или отдельные его члены стремятся защитить себя от наиболее опасных и спорных политических тенденций»².

Таким образом, ограничение права граждан РФ на общественный контроль допускается только на условиях и в пределах, предусмотренных Основным законом страны и федеральными законами (федеральными конституционными законами).

Необходимость ограничения права граждан РФ на общественный контроль вызвана рядом причин.

Во-первых, в связи с тем что общественный контроль затрагивает деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, необходимо оградить последних от необоснованного вмешательства в эту деятельность субъектов общественного контроля. По мнению некоторых ученых, хотя общественный контроль

¹ Подробнее см.: Варламова Н. В. Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции // Правоведение. 2009. № 1. С. 224.

² Гриценко А. С. Указ. соч. С. 123–124.

и выступает фактором ограничения власти, его осуществление само нуждается в надежных правовых рамках во избежание нарушения нормального функционирования государственного аппарата¹. В то же время следует определить баланс между обеспечением беспрепятственной работы государственного аппарата и осуществлением полноценного контроля за ним со стороны общества. В противном случае осуществление мероприятий общественного контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления, а также их должностных лиц будет саботироваться последними под прикрытием того, что данные мероприятия создают препятствия в организации и деятельности властного аппарата.

Во-вторых, недопустимо необоснованное вмешательство субъектов общественного контроля в деятельность органов и организаций, осуществляющих отдельные публичные полномочия. Это подчеркивается в ст. 6 ФЗ № 212-ФЗ.

Однако институт правового регулирования деятельности органов и организаций, осуществляющих отдельные публичные полномочия, сравнительно новый для российской правовой системы, а контроль за их деятельностью со стороны органов государственного управления еще недостаточно эффективен. Как отмечает В. В. Гриб, «на федеральном уровне отсутствуют правовые нормы, закрепляющие правовой статус органов и организаций, осуществляющих отдельные публичные полномочия, а также порядок их наделения такими полномочиями. Такое упущение со стороны законодателя в некоторой степени усложняет процесс правоприменения, допуская существование различных подходов к толкованию термина „публичное полномочие“ и определению полного перечня органов и организаций, осуществляющих отдельные публичные полномочия. В данном случае федеральный законодатель ограничился лишь уточнением, что осуществление органами и организациями отдельных публичных полномочий должно быть предусмотрено соответствующим федеральным законом»². Поэтому представляется, что роль субъектов общественного контроля в обеспечении постоянного мониторинга функционирования органов и организаций, осуществляющих отдельные публичные полномочия, трудно переоценить.

В-третьих, при проведении мероприятий общественного контроля не должна нарушаться хозяйственная деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в части осуществления ими своих имущественных и личных неимущественных прав и свобод. Как утверждает Р. С. Дворкин, «индивидуальные права – это политические козыри в руках людей. Люди пользуются этими правами тогда, когда, в силу тех или иных причин, коллективная цель не является достаточным оправданием для того, чтобы не позволить им иметь или делать то, что они как индивиды хотят иметь или хотят делать, или для того, чтобы их чего-либо лишить или нанести им какой-либо ущерб»³. Однако если хозяйственная деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей нарушает права, свободы и законные интересы граждан, противоречит законодательству, то субъекты общественного контроля имеют право осуществлять мероприятия общественного контроля по обеспечению указанных прав.

В-четвертых, мероприятия общественного контроля не должны нарушать либо ограничивать права, свободы и законные интересы человека и гражданина, а также создавать препятствия в их реализации. В первую очередь это касается социальных прав граждан⁴. В противном случае деятельность субъектов общественного контроля вступает в противоречие с целями, предусмотренными ст. 5 ФЗ № 212-ФЗ (в частности, по обеспечению реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций).

¹ См., например: Цыбулевская О. И., Милушева Т. В. Общественный контроль власти как фактор ограничения власти // Право и управление. XXI век. 2008. № 3. С. 28–33.

² Гриб В. В. Нормативное закрепление и научное видение системы объектов общественного контроля // Юридическое образование и наука. 2016. № 3. С. 154.

³ Подробнее см.: Дворкин Р. С. О правах всерьез. М., 2004. С. 11.

⁴ Подробнее см.: Цварт Т. Основные социальные права: мощный инструмент, нуждающийся в надежных руках // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 1. С. 52; Шайо А. Возможности конституционного контроля в сфере социальных прав // Там же. № 4. С. 45.

В-пятых, осуществление общественного контроля не должно препятствовать отправлению правосудия и работе правоохранительных органов (путем необоснованного вмешательства субъектов общественного контроля в их деятельность), кроме случаев, когда мероприятия общественного контроля направлены на выявление, пресечение, предупреждение и профилактику преступлений и правонарушений, совершаемых работниками указанных органов государственной власти в связи с осуществлением своих служебных полномочий.

Однако представляется обоснованным мнение ряда авторов о том, что «наличие организационных государственных начал в сфере общественного контроля над деятельностью правоохранительных органов нецелесообразно... для обеспечения контролирующего воздействия общества над правоохранительными органами их необходимо поставить „в подчинение“ к субъектам общественного контроля, определив механизм их ответственности перед населением, а также пределы и критерии вмешательства граждан в их деятельность. Правоохранительная деятельность в результате перестает быть чем-то особенным и специальным. Она имеет специфику... которая требует установления большего системного надзора, мониторинга ее деятельности по сравнению с другими органами государственной власти»¹.

В связи с этим, с одной стороны, общественный контроль должен всесторонне охватывать деятельность правоохранительных и судебных органов, но с другой – субъекты общественного контроля должны действовать в рамках полномочий, предоставленных законодательством, не вторгаясь в компетенцию данных органов власти и не нарушая принципы их организации и деятельности (например, предусмотренный ст. 10 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» принцип недопустимости вмешательства в деятельность судей).

В-шестых, мероприятия общественного контроля не должны создавать угрозу безопасности России, а также подрывать ее государственный суверенитет, независимость и территориальную целостность. В то же время согласно ст. 2 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина закреплены в качестве основного принципа обеспечения безопасности. То есть основу национальной безопасности в России и составляет обеспечение реализации прав и свобод человека и гражданина.

В-седьмых, в связи с тем что деятельность политических партий в стране нацелена на участие в политической жизни государства, формирование и функционирование органов государственной власти и местного самоуправления, мероприятия общественного контроля не должны вторгаться в компетенцию политических партий и движений, препятствовать их законной деятельности (например, участию в выборных кампаниях, проведении общенациональных, региональных и муниципальных референдумов). В связи с этим, по мнению ряда авторов, возникает необходимость ограничения прав субъектов общественного контроля, а также лиц, осуществляющих общественный контроль при проведении выборов и референдумов².

Представляется, что условия ограничения права граждан РФ на осуществление общественного контроля можно классифицировать по следующим основаниям: уровень содержащего их нормативного правового акта; разновидность субъектов, чьи права на осуществление общественного контроля ограничиваются (физические лица, некоммерческие организации, политические партии, организации, создаваемые органами власти для осуществления и координации общественного контроля власти); цели ограничения; оспоримость в судебном порядке.

Условия ограничения права граждан РФ на осуществление общественного контроля по уровню нормативного правового акта, в котором они содержатся, можно разделить на международно-правовые; конституционные; закрепленные в федеральных конституционных законах; закрепленные в федеральных законах. Как уже отмечалось,

¹ Подробнее см.: *Полещук А. С.* О некоторых вопросах, связанных с проблемой обеспечения общественного (гражданского) контроля в сфере деятельности правоохранительных органов // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 11. С. 146–150.

² Подробнее см.: *Рыжаков А. П.* Пределы ограничения деятельности члена общественной наблюдательной комиссии. Комментарий к статье 17 Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания». М., 2008.

нормативные правовые акты нижестоящего уровня не могут содержать условия ограничения прав граждан на осуществление общественного контроля на основании ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

К международно-правовым ограничениям права граждан РФ на осуществление общественного контроля (и соответствующим им условиям ограничения) можно отнести ограничение деятельности или совершения действия, если они направлены на уничтожение прав и свобод человека и гражданина (согласно ст. 30 Всеобщей декларации прав человека); ограничение прав человека на свободное выражение своего мнения, если это препятствует уважению прав и репутации других лиц, а также охране государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения (ч. 3 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах).

В связи с тем что право граждан РФ на осуществление общественного контроля прямо не закреплено в Конституции РФ и федеральных конституционных законах, на него распространяются общие условия ограничения прав и свобод граждан, рассмотренные ранее.

В число ограничений права граждан РФ на осуществление общественного контроля, приведенных в федеральных законах, входят: 1) недопустимость необоснованного вмешательства субъектов общественного контроля в деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, и оказания неправомерного воздействия на указанные органы и организации (ст. 6 ФЗ № 212-ФЗ); 2) ограничение права быть членом общественной наблюдательной комиссии для лиц, имеющих неснятую или непогашенную судимость или близких родственников, отбывающих наказание в местах лишения свободы, либо признанных решением суда недееспособными или ограниченно дееспособными (на основании ст. 12 Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»).

По разновидности субъектов, чье право на осуществление общественного контроля ограничивается, можно выделить условия ограничения в отношении:

1) физических лиц (например, законодатель определяет, что одно и то же лицо не может быть назначено членом общественной наблюдательной комиссии одного субъекта РФ более трех раз подряд);

2) некоммерческих организаций (в частности, ограничена возможность осуществления общественного контроля некоммерческими организациями, выполняющими функции иностранного агента на основании Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»; в силу ст. 6 Федерального закона от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» представители некоммерческих организаций не допускаются к выдвижению кандидатов в члены Общественной палаты, если они зарегистрированы менее чем за один год до дня истечения срока полномочий членов Общественной палаты действующего состава);

3) политических партий (например, ограничена деятельность политических партий иностранных государств и структурных подразделений указанных партий на основании ст. 9 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях»; представители политических партий не допускаются к выдвижению кандидатов в члены Общественной палаты на основании ст. 6 Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации»);

4) организаций, создаваемых органами власти для осуществления и координации общественного контроля власти (в частности, в составе Общественной палаты не могут быть лица, имеющие двойное гражданство).

По целям условия ограничения права граждан России на осуществление общественного контроля можно классифицировать на следующие: для обеспечения нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц; для защиты основ конституционного строя; для обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Большинство ограничений прав граждан России на осуществление общественного контроля носит неоспоримый характер, однако отдельные могут быть оспорены в суде. Например, если некоммерческой организации будет отказано в выдвижении своих членов в состав Общественной палаты РФ под предлогом того, что ее деятельность приостановлена в соответствии с Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», то после признания судом подобного решения о приостановлении деятельности незаконным, ограничения на выдвижение данной организацией кандидатов в состав Общественной палаты РФ снимаются.

Таким образом, условия ограничения права граждан РФ на осуществление общественного контроля выступают в роли правовых рамок его реализации в целях недопущения, с одной стороны, произвольного, незаконного и необоснованного воздействия на субъектов общественного контроля органов государственной власти и местного самоуправления, их должностных лиц, а также органов и организаций, осуществляющих отдельные публичные полномочия, а с другой – нарушения самими субъектами общественного контроля прав, свобод и законных интересов других физических и юридических лиц, создания условий для подрыва основ конституционного строя, безопасности государства, нравственности и здоровья его граждан.

Список литературы

Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. Т. 1.

Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов. 6-е изд., изм. и доп. М., 2007.

Варламова Н. В. Эффективность правового регулирования: переосмысление концепции // Правоведение. 2009. № 1.

Винокуров В. А. О конституционной норме, предусматривающей, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 7. URL: <http://отрасли-права.рф/article/20543> (дата обращения: 01.11.2018).

Гриб В. В. Нормативное закрепление и научное видение системы объектов общественного контроля // Юридическое образование и наука. 2016. № 3.

Гриценко А. С. Этико-моральная аргументация и ее применение органом конституционного контроля в свете вопроса об основаниях и пределах ограничения конституционных прав и свобод // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2016. № 4.

Дворкин Р. С. О правах всерьез. М., 2004.

Зорькин В. Д. Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4.

Зорькин В. Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010.

Нудненко Л. А. Конституционное право России: учеб. для бакалавров. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2016.

Оспанова Д. А. Принцип установления правовых норм ограничения прав и свобод человека и гражданина только законами // Вестник КазНУ. 2011. URL: <https://articlekz.com/article/9716> (дата обращения: 01.11.2018).

Полещук А. С. О некоторых вопросах, связанных с проблемой обеспечения общественного (гражданского) контроля в сфере деятельности правоохранительных органов // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 11.

Права человека: учеб. / отв. ред. Е. А. Лукашева. 3-е изд., перераб. М., 2015.

Рыжаков А. П. Пределы ограничения деятельности члена общественной наблюдательной комиссии. Комментарий к статье 17 Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания». М., 2008.

Цварт Т. Основные социальные права: мощный инструмент, нуждающийся в надежных руках // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 1.

Цыбулевская О. И., Милушева Т. В. Общественный контроль власти как фактор ограничения власти // Право и управление. XXI век. 2008. № 3.

Шайо А. Возможности конституционного контроля в сфере социальных прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 4.

References

Avak'yan S. A. Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnyi kurs: ucheb. posobie: v 2 t. 4-e izd., pererab. i dop. M., 2010. T. 1.

Baglai M. V. Konstitutsionnoe pravo Rossiiskoi Federatsii: ucheb. dlya vuzov. 6-e izd., izm. i dop. M., 2007.

Dvorkin R. S. O pravakh vser'ez. M., 2004.

Grib V. V. Normativnoe zakreplenie i nauchnoe videnie sistemy ob"ektov obshchestvennogo kontrolya // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka. 2016. № 3.

Gritsenko A. S. Etiko-moral'naya argumentatsiya i ee primeneniye organom konstitutsionnogo kontrolya v svete voprosa ob osnovaniyakh i predelakh ogranicheniya konstitutsionnykh prav i svobod // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo. 2016. № 4.

Nudnenko L. A. Konstitutsionnoe pravo Rossii: ucheb. dlya bakalavrov. 3-e izd., pererab. i dop. M., 2016.

Ospanova D. A. Printsip ustanovleniya pravovykh norm ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina tol'ko zakonami // Vestnik KazNU. 2011. URL: <https://articlekz.com/article/9716> (data obrashcheniya: 01.11.2018).

Poleshchuk A. C. O nekotorykh voprosakh, svyazannykh s problemoi obespecheniya obshchestvennogo (grazhdanskogo) kontrolya v sfere deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2010. № 11.

Prava cheloveka: ucheb. / otv. red. E. A. Lukasheva. 3-e izd., pererab. M., 2015.

Ryzhakov A. P. Predely ogranicheniya deyatel'nosti chlena obshchestvennoi nablyudatel'noi komissii. Kommentarii k stat'e 17 Federal'nogo zakona «Ob obshchestvennom kontrole za obespecheniem prav cheloveka v mestakh prinuditel'nogo soderzhaniya». M., 2008.

Shaio A. Vozmozhnosti konstitutsionnogo kontrolya v sfere sotsial'nykh prav // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. 2007. № 4.

Tsvart T. Osnovnye sotsial'nye prava: moshchnyi instrument, nuzhdayushchiysya v nadezhnykh rukakh // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. 2007. № 1.

Tsybulevskaya O. I., Milusheva T. V. Obshchestvennyi kontrol' vlasti kak faktor ogranicheniya vlasti // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2008. № 3.

Varlamova N. V. Effektivnost' pravovogo regulirovaniya: pereosmyslenie kontseptsii // Pravovedenie. 2009. № 1.

Vinokurov V. A. O konstitutsionnoi norme, predusmatrivayushchei, chto osushchestvlenie prav i svobod cheloveka i grazhdanina ne dolzhno narushat' prava i svobody drugikh lits // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2016. № 7. URL: <http://otrasli-prava.rf/article/20543> (data obrashcheniya: 01.11.2018).

Zor'kin V. D. Aksiologicheskie aspekty Konstitutsii Rossii // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. 2008. № 4.

Zor'kin V. D. Sovremennyyi mir, pravo i Konstitutsiya. M., 2010.

НЕКОТОРЫЕ КОЛЛИЗИИ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО И УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Худолей Константин Михайлович

Доцент кафедры конституционного и финансового права Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь), кандидат юридических наук,
e-mail: kostya-hudoley@yandex.ru

Худолей Дмитрий Михайлович

Доцент кафедры конституционного и финансового права Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь), кандидат юридических наук,
e-mail: dmitry-hudoley@yandex.ru

После терактов 11 сентября 2001 г. в законодательстве многих стран (Словакия, Чехия, Турция, Австралия, Индия, Франция, Великобритания, США) появились нормы, предусматривающие возможность уничтожения воздушного или морского судна, используемого в качестве орудия совершения теракта. Однако принятие данных норм антитеррористического законодательства в России не было согласовано с изменением положений Уголовного кодекса РФ, что породило правовые коллизии. Авторы полагают, что положения отечественного антитеррористического законодательства не в полной мере отвечают требованиям пропорциональности, установленным уголовно-правовыми нормами о возможности причинения вреда в состоянии крайней необходимости, а также нормам международного права. Авторы считают спорным предоставление руководителям антитеррористической операции права единолично принимать решение об уничтожении воздушного судна. Крайне неудачна, по их мнению, и законодательная формулировка о возможности уничтожения захваченного террористами судна в целях предотвращения экологической катастрофы. Неудивительно, что в некоторых странах (например, ФРГ) нормы антитеррористического законодательства, предусматривающие уничтожение захваченного террористами гражданского воздушного судна, были признаны неконституционными органами конституционного правосудия.

Ключевые слова: крайняя необходимость, терроризм, захват самолета, уничтожение самолета, безопасность

SOME CONFLICTS OF THE ANTI-TERRORIST AND CRIMINAL LEGISLATION

Khudolei Konstantin

Associate professor, Perm State National Research University (Perm), candidate of legal sciences,
e-mail: kostya-hudoley@yandex.ru

Khudolei Dmitry

Associate professor, Perm State National Research University (Perm), candidate of legal sciences,
e-mail: dmitry-hudoley@yandex.ru

After the attacks of September 11, 2001 the legislation of many countries (Slovakia, the Czech Republic, Turkey, Australia, India, France, Great Britain, the USA) was supplemented by rules providing for the possibility of destroying an aircraft or a ship used for committing an act of terrorism. However, the adoption of these anti-terrorist rules in Russia was not consistent with the amendments of the Criminal Code of the Russian Federation, and this has resulted in conflicts of law. The authors believe that the provisions of domestic anti-terrorist legislation do not fully meet the requirements of

proportionality principle established by criminal law on the possibility of causing harm in a state of emergency, as well as by international law. According to the authors, it is disputable to give the leaders of the anti-terrorist operation the right to make the individual decision on the destruction of an aircraft. In their opinion, the legislative wording about the possibility of destroying a ship captured by terrorists in order to prevent an environmental catastrophe is extremely unsuccessful. It is not surprising that, in some countries (for example, Germany), the anti-terrorist standards providing for the destruction of a civilian aircraft captured by terrorists had been declared unconstitutional by constitutional bodies.

Key words: emergency, terrorism, hijacking of an aircraft, destruction of an aircraft, safety

Российское и зарубежное уголовное право в большинстве своем признает возможность причинения смерти иным лицам в случаях предотвращения терактов, если при этом не были превышены пределы крайней необходимости. В качестве примера такой ситуации называется уничтожение пассажирского самолета, захваченного террористами, если это является единственным способом предотвращения гораздо большего ущерба¹.

Первой страной, отреагировавшей на угрозу использования гражданских самолетов как орудий совершения теракта, стали США. 11 сентября 2001 г. в США по приказу вице-президента Д. Чейни на перехват последнего захваченного террористами самолета были направлены истребители, но воздушное судно, пассажиры которого попытались дать отпор преступникам, упало раньше, чем военные самолеты успели подлететь на расстояние атаки. Впоследствии по распоряжению президента США руководителям ВВС страны было предоставлено право отдавать приказы об уничтожении захваченных пассажирских самолетов, которые находятся вблизи стратегических объектов, не докладывая ему. В Израиле подобного нормативного акта нет, хотя в 1973 г. ВВС этой страны сбивали над Синайским полуостровом отклонившийся от курса ливийский «боинг-727» с 113 пассажирами и членами экипажа на борту, поскольку посчитали, что его захватили палестинские террористы. В Канаде и Японии возможность уничтожения гражданского самолета, угрожающего гражданам, предусмотрена секретными приказами.

Среди стран НАТО Франция одной из первых приняла декрет от 14 октября 1975 г. № 75-930, разрешающий силам ПВО сбивать самолеты при наличии угрозы использования их для атак стратегически значимых объектов (например, атомных электростанций, спортивных объектов), которые могут сопровождаться большим числом жертв. Впоследствии аналогичные законы приняли в Великобритании, Турции, Чехии, Австралии. Специальные законы, разрешающие сбивать захваченные террористами самолеты, которые направляются к правительственным зданиям, были приняты также в Словакии и Индии.

В 2005 г. в Германии вступил в силу Закон о безопасности воздушного пространства, на основании которого военные получили право сбивать угнанные террористами самолеты. Причем причиной, побудившей власти принять данный акт, послужили не события 11 сентября 2001 г., как в других странах, а происшествие 2003 г., когда душевнобольной человек на легкомоторном самолете без всяких разрешений летал над центром Франкфурта-на-Майне. Однако сразу после принятия упомянутый Закон был опротестован в Федеральном конституционном суде, который в 2006 г. признал его неконституционным. Суд в решении от 15 февраля 2006 г. указал, что «сбить самолет, когда лица, не участвующие в совершении преступления, находятся на борту, означало бы относиться к пассажирам и членам экипажа, взятым в заложники, как к неодушевленным объектам и отчуждать у жертв теракта их неотъемлемые права, принадлежащие любому человеку»².

¹ Smith J. C. Criminal Law. L., 2002. P. 273–274.

² Millet-Devalle A. S. Lois sur la Sécurité Aérienne et Terrorisme: Chroniques des Faits Internationaux // Revue Générale de Droit International Public. 2006. Vol. 3. P. 689; Naske N., Nolte G. Aerial Security Law. Case № 1 BvR 357/05. 115 BVerfGE 118 // American Journal of International Law. 2007. Vol. 101. No. 2. P. 454.

Антитеррористическое законодательство ряда стран, преследуя цель обеспечения коллективной безопасности и минимизации вреда¹, предусматривает право сбивать гражданские самолеты вооруженными силами страны в административном порядке, причем не только в целях предотвращения терактов. Например, Венесуэла, Бразилия и Колумбия разрешили ВВС своих стран сбивать самолеты, подозреваемые в перевозке наркотических средств. Перу в 2016 г. возобновила² действие Закона № 30339 о контроле, наблюдении и защите национального воздушного пространства, разрешающего уничтожать гражданские самолеты, подозреваемые в перевозке наркотиков, в случае, если они не реагируют на неоднократные требования приземлиться на аэродромах, контролируемых воздушными силами страны.

Думается, что подобные меры противоречат общепризнанным нормам международного права и представляют собой непропорциональное ограничение прав человека, в первую очередь права на жизнь, при пресечении совершения преступления и задержания преступников. В частности, правомерные случаи лишения жизни человека, не считающиеся нарушением права на жизнь, предусмотрены ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.: это защита лица от противоправного насилия, осуществление ареста или предотвращение побега из-под стражи, подавление бунта или мятежа.

Использование террористами морских (речных) судов в качестве орудия совершения преступления встречается не так часто, но также имеет место. Достаточно вспомнить атаку террористов-смертников на лодке, начиненной взрывчаткой, на эсминец «Коул» в Аденском порту 12 октября 2000 г., в результате которой погибло 17 моряков американского военного корабля. 30 сентября 1978 г. патрульный катер ВМС Израиля на подходе к Эйлатскому заливу обнаружил торговое судно «Огиус Димитрикс» без опознавательных знаков. Оно не реагировало на сигналы и продолжало движение в направлении израильского берега. Патрульный катер сообщил о подозрительном судне на морскую базу ВМС и получил приказ немедленно задержать корабль и провести досмотр. Экипаж судна открыто игнорировал приказы остановиться и продолжал попытки прорваться к порту даже после предупредительных выстрелов. Только после того как по кораблю было сделано несколько боевых выстрелов, снесших центральную мачту, он остановился. Поднявшись на борт, израильтяне обнаружили 45 ракетных установок и большое количество спрятанных в трюме бочек с взрывоопасным веществом. Как впоследствии выяснилось, ФАТХ планировала использовать заминированное судно для совершения взрыва в Эйлатском порту.

В России согласно ст. 7–8 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 18 апреля 2018 г.) «О противодействии терроризму» (далее – ФЗ о противодействии терроризму) предусматривается возможность уничтожения воздушного или плавательного средства, если имеется достоверная информация о его возможном использовании для совершения террористического акта или о его захвате и при этом были исчерпаны все обусловленные сложившимися обстоятельствами меры и существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы.

Во исполнение положений данного Закона было принято постановление Правительства РФ от 6 июня 2007 г. № 352 (в ред. от 7 декабря 2011 г.) «О мерах по реализации Федерального закона „О противодействии терроризму“» (далее – Постановление № 352). В частности, в постановлении предусмотрено, что оружие и боевая техника могут применяться в отношении воздушного судна на поражение без предупреждения, если имеется достоверная информация о возможном использовании воздушного судна для совершения террористического акта или о захвате воздушного судна и существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы (при условии, что были исчерпаны все обусловленные сложившимися обстоятельствами меры, необходимые для его посадки). В отношении плавательного средства оружие и боевая техника применяются для пресечения его движения путем принуждения к остановке (всплытию и остановке) либо для его уничтожения, если

¹ Флетчер Дж., Наумов А. В. Основные концепции современного уголовного права. М., 1998. С. 350.

² Действие этого Закона было приостановлено на 14 лет после того, как при сотрудничестве со спецслужбами США по ошибке был сбит легкий самолет, в результате чего погибли миссионер из Соединенных Штатов и ее дочь, а еще три человека получили ранения.

оно не подчиняется требованиям или его невозможно принудить к остановке (всплыванию и остановке) и существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы (при условии, что были исчерпаны все обусловленные сложившимися обстоятельствами меры, необходимые для остановки плавательного средства).

Принятие в 2007 г. ФЗ о противодействии терроризму проводилось без внесения соответствующих изменений в иные законодательные акты. Так, применение оружия и боевой техники против воздушных судов регулируется также Законом РФ от 1 апреля 1993 г. (в ред. от 3 июля 2016 г.) № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации». Но при этом ст. 35 названного Закона до сих пор устанавливает прямой запрет на применение оружия и боевой техники по гражданским воздушным судам с пассажирами. Только в 2018 г. Министерство обороны разработало проект нормативного акта, регламентирующего порядок применения оружия в отношении воздушных судов, в том числе гражданских, нарушивших государственную границу РФ. В этом акте предусматривается возможность применения боевого оружия и техники на поражение при угрозе воздушного нападения на важнейшие объекты РФ, если существует реальная опасность гибели людей или наступления экологической катастрофы.

3 сентября 2011 г. в Душанбе были приняты Соглашение об организации действий дежурных по противовоздушной обороне сил государств – участников Содружества Независимых Государств при получении информации о захвате (угоне) воздушного судна, а также Положение о порядке действий дежурных по противовоздушной обороне сил государств – участников Содружества Независимых Государств при получении информации об угрозе совершения террористического акта в воздушном пространстве и (или) захвате (угоне) воздушного судна (летательного аппарата). Раздел IV данного Положения установил, что оружие и боевая техника для уничтожения воздушного судна применяются при условии, что были исчерпаны все обусловленные сложившимися обстоятельствами меры, необходимые для его посадки, в соответствии с национальным законодательством сторон.

Положения, аналогичные нормам российского закона о противодействии терроризму, встречаются и в законодательстве стран ближнего зарубежья (например, в ст. 14.2, 14.3 Закона Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 416-І «О противодействии терроризму»). Постановление Кабинета министров Украины от 11 июля 2002 г. № 984 «О внесении изменений в Положение о порядке применения оружия, боевой техники и специальных средств во время охраны государственной границы и исключительной (морской) экономической зоны» разрешило погранвойскам применять оружие и боевую технику для предотвращения и прекращения в воздушном пространстве противоправных действий воздушных судов, захваченных террористами.

Подобные нормы имелись и в законодательстве некоторых непризнанных государств на постсоветском пространстве. Например, в ч. 2 ст. 10 Положения о применении Вооруженными силами Приднестровской Молдавской Республики оружия, боевой техники и специальных средств при участии в проведении контртеррористической операции, а также о применении оружия и боевой техники Вооруженными силами Приднестровской Молдавской Республики в воздушной среде и внутренних водах Приднестровской Молдавской Республики при пресечении террористических актов (утверждено указом Президента Приднестровской Молдавской Республики от 28 сентября 2016 г. № 391) также предусматривалось право сбивать захваченные террористами воздушные суда и уничтожать плавательные средства. Однако спустя полгода после принятия данный указ по мотивам его неконституционности был отменен.

На международном уровне указанные нормы не нашли понимания. В международных договорах, в частности в ст. 3bis Конвенции о международной гражданской авиации (Чикаго, 7 декабря 1944 г.) и в ст. 1, 6 Конвенции о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации (Пекин, 10 сентября 2010 г.), устанавливается запрет сбивать гражданские воздушные суда даже в случае их использования преступниками с целью причинить смерть, серьезное увечье или значительный ущерб имуществу или окружающей среде. Данные положения были пред-

усмотрены в ответ на сбитый ПВО СССР в 1978 г. под Мурманском заблудившийся корейский «боинг-707». Только благодаря мужеству экипажа самолета, обстрелянного из истребителя-перехватчика МиГ-15 ракетой класса «воздух-воздух», судно удалось посадить на лед замерзшего карельского озера. Погибли только два пассажира (от осколков взорвавшейся ракеты, оторвавшей часть крыла воздушного судна). К сожалению, следующий инцидент с южнокорейским «боингом-747», вторгшимся в воздушное пространство СССР в 1983 г., закончился полным уничтожением судна со всем экипажем и пассажирами на борту (269 человек)¹.

В силу ч. 4. ст. 15 Конституции РФ положения ратифицированных Россией международных договоров имеют приоритет перед национальными законами. Из чего можно заключить, что отечественное антитеррористическое законодательство в части разрешения уничтожения захваченных самолетов не должно применяться до тех пор, пока не будет приведено в соответствие с нормами международного права. Вместе с тем положения ст. 3bis Чикагской конвенции 1944 г. предусматривают исключение из принципа неприменения вооруженной силы в случае, когда уничтожение гражданского воздушного судна подпадает под действие ст. 51 Устава ООН (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.), которая закрепляет право государства на самооборону при вооруженном нападении. Но вряд ли можно согласиться с мнением некоторых авторов о том, что уничтожение самолета вместе с пассажирами и членами экипажа, захваченными террористами, является актом самообороны с точки зрения уголовного законодательства². Думается, что в таком случае необходима комплексная оценка действий представителей власти, поскольку при уничтожении воздушного судна причиняется вред охраняемым интересам личности не только самих террористов, что охватывается уголовно-правовыми нормами о необходимой обороне, но также пассажиров воздушного судна и членов его экипажа, а в некоторых случаях и иных лиц (например, при попадании обломков самолета или боевых снарядов в близлежащие жилые дома). Также сложно поставить знак равенства между актом вооруженной агрессии против государства и терактом, даже совершенным международной террористической организацией.

С нашей точки зрения, положения ст. 39 Уголовного кодекса РФ о крайней необходимости в полной мере отвечают критериям ограничения прав и свобод граждан, установленным в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Данная уголовно-правовая норма предусматривает ответственность за причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда охраняемым уголовным законом интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный. В то же время в антитеррористическом законодательстве подобные требования, по нашему мнению, в полной мере не соблюдаются.

Следует согласиться с тем, что принятие ФЗ о противодействии терроризму преследовало цель обеспечения общественной безопасности, построенной на идее достижения безопасности одних интересов путем причинения вреда другим³. Однако принятие данного Закона не повлекло изменений в уголовном законодательстве, несмотря на то что многие его положения фактически конкурируют с нормами уголовного права. Мы согласны с высказанным в юридической науке утверждением о том, что положения уголовного законодательства о крайней необходимости противоречат нормам антитеррористического законодательства⁴.

Действительно, поскольку при предотвращении террористических актов вред причиняется объектам уголовно-правовой охраны, постольку исключение преступности

¹ Юрьев С. С. Правовое регулирование пресечения полета воздушного судна, используемого как орудие преступления // Евразийская адвокатура. 2016. № 6. С. 106.

² Лули Р. А. Противодействие актам ненадлежащего использования гражданской авиации (международно-правовые проблемы) // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2014. № 4. С. 333.

³ Шестаков Д. А. Еще раз о праве безопасности в связи с правом противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1. С. 15.

⁴ Горбунов Ю. С. Упреждающие меры в свете современного международного права // Журнал российского права. 2008. № 3. С. 95; Михаль О. А., Власов Ю. А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Уголовное право. 2011. № 2. С. 55; Шкабин Г. С. Вред в уголовном праве: виды и правовое регулирование // Lex Russica. 2016. № 8. С. 64.

таких деяний должно определяться Уголовным кодексом РФ, а не ФЗ о противодействии терроризму¹. В соответствии с законодательными положениями об источниках уголовного права подобные коллизии должны решаться в пользу материального права. Заключение о приоритете уголовного законодательства в этом вопросе можно сделать при системном толковании Постановления Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы. Конституционный Суд РФ хотя и признал равную юридическую силу кодексов и иных федеральных законов, указал, что разрешение коллизии между различными федеральными законами должно осуществляться не только посредством темпоральных правил (более поздний закон имеет приоритет перед более ранним), но также исходя из предмета правового регулирования.

Можно обнаружить ряд других коллизий между нормами антитеррористического законодательства и положениями Уголовного кодекса РФ.

Теракт, связанный с захватом судна, обычно длится всего несколько часов, и сложно понять, на что направлен умысел виновных. Умысел преступников зачастую можно выяснить только после их добровольного отказа от исполнения преступления либо уже по фактически наступившим последствиям после его доведения до конца. В условиях цейтнота представители вооруженных сил могут оценивать только тот или иной гипотетический вред, который может не совпадать с умыслом виновных. Поэтому сложно сравнивать характер и степень общественной опасности предотвращенного вреда с тем, который причинили вооруженные силы, уничтожив воздушное судно, поскольку объективным из них является только последний. В силу чего следует согласиться с выводом Д. Ю. Гончарова и С. Г. Гончаровой об объективной невозможности установить условия правомерности крайней необходимости при уничтожении вместе с захваченным террористами воздушным судном или плавательным средством его экипажа и пассажиров².

Согласно п. 7 Положения о применении оружия и боевой техники Вооруженными Силами Российской Федерации для устранения угрозы террористического акта в воздушной среде или пресечения такого террористического акта, утвержденного Постановлением № 352, достоверность информации о возможном использовании воздушного судна для совершения террористического акта или о захвате воздушного судна определяется должностными лицами в порядке, устанавливаемом Министерством обороны совместно с ФСБ. Приказ о применении оружия и боевой техники для пресечения полета воздушного судна путем его уничтожения является секретным, что вряд ли допустимо, когда речь идет об ограничении самого важного из личных прав граждан – права на жизнь. О необходимости закрепления в законе четких правил определения реальности угрозы совершения теракта при помощи самолета говорили некоторые парламентарии Федерального Собрания Российской Федерации (В. Новиков, В. Илюхин), когда принимался ФЗ о противодействии терроризму³. Должностные лица вооруженных сил, ссылаясь на секретные приказы, могут оправдывать использование оружия в неограниченном числе случаев, фактически прикрывая свою некомпетентность в вопросах предотвращения терактов. При этом может нарушаться право родственников погибших пассажиров и членов экипажа захваченного судна на достоверную информацию о причинах их гибели, а значит, и право на справедливое судебное разбирательство по обстоятельствам их смерти.

Вместе с этим поднимается и другой вопрос: кто должен принимать решение об уничтожении захваченного террористами самолета? Думается, такой приказ не должен принимать руководитель контртеррористической операции, как это предусмо-

¹ Михайлов В. И. Правовое регулирование причинения вреда при правомерном выполнении профессиональных (должностных) функций // Адвокат. 2015. № 5. С. 35; Пархоменко С. В. Юридическая характеристика нормативной основы деяний, преступность которых исключается // Сибирский юридический вестник. 2013. № 1. С. 76.

² Гончаров Д. Ю., Гончарова С. Г. Причинение смерти при крайней необходимости как форма легитимации насилия // Уголовное право. 2015. № 4. С. 10.

³ Нардина О. В. Формирование общегосударственной антитеррористической системы. М., 2011. С. 115.

тreno ст. 13 ФЗ о противодействии терроризму. Действительно, в некоторых странах подобные решения принимаются должностными лицами единолично: в Польше министром обороны или командующим ВВС, в США – президентом или министром обороны либо генералом ВВС, во Франции – премьер-министром, в Великобритании – премьер-министром или другими министрами кабинета. Вместе с тем в Канаде такие решения принимаются правительством коллегиально. В решении от 18 апреля 2013 г. Федеральный конституционный суд ФРГ указал, что приказ об уничтожении захваченного террористами самолета в целях предотвращения более масштабной катастрофы может принимать только правительство ФРГ, а не министр обороны единолично. Суд подтвердил свое решение 2006 г., согласно которому уничтожать захваченный самолет с находящимися на нем пассажирами-заложниками в любом случае недопустимо.

Представляется, что решение об уничтожении захваченного воздушного судна в России должен принимать Президент как Верховный главнокомандующий и гарант Конституции. К тому же первоочередным предназначением Вооруженных Сил РФ, согласно законодательству, является отражение агрессии, направленной против Российской Федерации, для вооруженной защиты ее целостности и неприкосновенности территории. Привлечение Вооруженных Сил РФ к выполнению задач с использованием вооружения не по их предназначению производится исключительно Президентом РФ, как это предусмотрено ч. 3 ст. 10 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ (ред. от 29 декабря 2017 г.) «Об обороне». В связи с этим достаточно вспомнить, что в день открытия зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 г. в оперативный штаб обеспечения безопасности Олимпиады поступила информация о захвате гражданского самолета, следовавшего рейсом Харьков – Стамбул. Пилоты самолета сообщили, что у предполагаемого террориста есть бомба и он требует посадить самолет в Сочи. Оперативное решение действовать в соответствии с планом обеспечения безопасности, предусматривающим возможное уничтожение воздушного судна, если не удастся иным образом предотвратить теракт, было принято именно главой государства. Но, к счастью, информация о захвате воздушного судна со 110 пассажирами на борту не подтвердилась – имел место обычный пьяный дебош одного из пассажиров.

Подчеркнем, что с точки зрения Уголовного кодекса РФ охрана окружающей среды является менее значимым объектом преступления, чем права и свободы человека. Поэтому видятся неконституционными нормы о возможности уничтожения судна в целях предотвращения экологической катастрофы, не сопряженной с угрозой причинения смерти другим лицам или хотя и сопряженной с этим, но в количестве, не превышающем число находящихся на самолете невиновных лиц. Сам термин «экологическая катастрофа» не имеет легальной дефиниции ни в уголовном, ни в отраслевом законодательстве, что допускает различные его толкования. А поскольку локальные экологические катастрофы могут вообще не быть сопряжены с угрозой жизни человека, нельзя согласиться с мнением В. Н. Винокурова о том, что гибель воздушного или морского судна вместе с пассажирами и членами экипажа на борту всегда причиняет меньший вред, чем любая экологическая катастрофа¹.

Даже при решении вопроса о предотвращении теракта нельзя забывать о том, что государство в ст. 21 Конституции РФ признает достоинство человеческой личности, при котором неприемлемо рассматривать человека исключительно как объект, воздействуя на который, можно предотвратить совершение преступления другими лицами. Однако ФЗ о противодействии терроризму не упоминает о захваченных пассажирах судна и членах экипажа, молчаливо приравнивая их к составной части корабля, уничтожение которого правомерно.

К тому же формулировки антитеррористического законодательства не регламентируют способы уничтожения захваченного судна. В частности, в законе следовало бы уточнить, что применение оружия и боевой техники должно осуществляться в целях не уничтожения, а остановки судна, по возможности исключаяющей вероятность причинения вреда как террористам, так и другим лицам. На наш взгляд, необходимо запретить использование средств наземных ПВО, поскольку ракеты класса «земля-воздух»

¹ Винокуров В. Н. Классификация отношений как объектов преступлений и применение уголовного закона // Российский юридический журнал. 2014. № 1. С. 80.

предназначены для полного разрушения фюзеляжа самолета в воздухе и не оставляют шансов выжить пассажирам и членам экипажа захваченного самолета. В отличие от этих средств ПВО ракеты класса «воздух-воздух» поражают двигатели воздушного судна и оставляют некоторые шансы пилотам посадить его, как это и произошло с корейским «боингом», сбитым над Карелией советскими ВВС в 1978 г. Для сравнения, порядок использования боевого оружия, предусмотренный Постановлением № 352 в отношении плавательных средств, прямо предписывает вести огонь исключительно в кормовую часть судна (там находится двигатель) в целях пресечения дальнейшего движения такого судна.

При этом в соответствии с Соглашением стран – участников СНГ, заключенным в Душанбе 3 сентября 2011 г., и упомянутым выше Положением, утвержденным Постановлением № 352, разрешается в отдельных случаях применять оружие наземных (корабельных) сил ПВО, а предупреждение о применении оружия в отношении воздушного судна должно осуществляться с использованием средств радиосвязи, а не визуального контроля и предупредительного огня. Думается, данная норма создает угрозу применения оружия в отношении воздушного судна, сбившегося с курса и утратившего радиосвязь. Уничтожение такого судна при помощи средств наземных ПВО лишает возможности проверить информацию о том, что такое судно действительно используется для совершения преступления.

Уничтожение судна вместе с невиновными пассажирами и членами экипажа выглядит уязвимым актом и потому, что исключает возможность добровольного отказа его исполнителей от доведения до конца данного преступления (ст. 31 УК РФ) или освобождения судна силами пассажиров и членов экипажа.

Несмотря на то что ряд российских парламентариев, в том числе С. Миронов, принимая ФЗ о противодействии терроризму, подчеркивали, что его нормы имеют ярко выраженную превентивную функцию, есть большие сомнения в том, что угроза уничтожения самолета может остановить террористов-смертников от совершения подобных преступлений в будущем¹. Думается, что в части предупреждения преступлений, совершаемых террористами-смертниками на авиатранспорте, меры общей и частной превенции малоэффективны, в отличие от мер предполетного контроля пассажиров и перевозимого багажа.

Кроме того, в российской и зарубежной юридической науке можно найти утверждения о том, что ситуация «коллизии жизней» (жертва одних для спасения многих) не должна разрешаться формально, поскольку имеет не только правовые, но и моральные аспекты². Оперировать количественными показателями и считать, что жизнь многих людей важнее жизни отдельного человека, недопустимо и безнравственно. Как отмечают юристы и философы, применение такого правила вынуждает органы правопорядка решать, чья жизнь представляет бóльшую ценность³. Именно поэтому в Великобритании в результате рассмотрения знаменитого дела «*Dudley & Stephens*» в XIX в. было установлено правило, согласно которому недопустимо причинение смерти невиновному для спасения от неминуемой смерти других лиц⁴. Принятие данного решения закрепило в общем праве Англии принцип, который долгое время критиковался юридической наукой Соединенного Королевства: лицо, оказавшееся перед выбором умереть самому или убить невиновного, должно исполнить обязанность «не жить, а умереть»⁵.

Приведенные выводы подтверждаются результатами социологических исследований. По результатам опроса 1500 респондентов (статистическая погрешность не превышает 3,26 %) в поддержку норм антитеррористического законодательства, разрешающих сбивать самолеты, захваченные террористами, выступили только 27 % опро-

¹ Нардина О. В. Указ. соч. С. 117.

² Christie G. C. The Defense of Necessity Considered from the Legal and Moral Points of View // Duke Law Journal. 1999. Vol. 48. Iss. 5. P. 975.

³ Крылова Н. Е., Павлова Н. Н. Крайняя необходимость в медицинской деятельности: некоторые вопросы практического применения // Уголовное право. 2005. № 1. С. 37; Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Институт крайней необходимости в российском уголовном праве. М., 2006. С. 115.

⁴ Williams G. L. Criminal Law: The General Part. 2nd ed. L., 1961. P. 761.

⁵ Simester A. P., Brookbanks W. J. Principles of Criminal Law. Wellington, 1998. P. 356.

⁶ База данных ФОМ. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/pow_terr/d061230 (дата обращения: 01.09.2018).

шенных, против – 49 %, а 24 % респондентов воздержались от ответа. Большинство респондентов, поддержавших уничтожение захваченного самолета вместе с пассажирами и членами экипажа (19 %), отметило, что такое решение поможет предотвратить более крупные теракты, т. е. является наименьшим злом. Среди тех, кто не одобряет уничтожение захваченного самолета вместе с пассажирами и членами экипажа, большинство (28 %) указало на невозможность жертвовать жизнью одних невинных людей ради других.

Можно сделать вывод, что при коллизии норм антитеррористического законодательства и норм Уголовного кодекса РФ приоритет должен отдаваться именно нормам уголовного законодательства. Они должны являться единственным мерилем поведения лиц, предотвращающих теракт. Именно так можно обеспечить баланс таких конституционных ценностей, как национальная безопасность и право граждан на жизнь, не прибегая к изменению уголовного закона. Положения Уголовного кодекса РФ, в отличие от норм российского антитеррористического законодательства, в полной мере соответствуют как конституционным установлениям, так и нормам международного права о необходимости соблюдения принципа пропорциональности в вопросе ограничения прав и свобод граждан.

Список литературы

- Винокуров В. Н. Классификация отношений как объектов преступлений и применение уголовного закона // Российский юридический журнал. 2014. № 1.
- Гончаров Д. Ю., Гончарова С. Г. Причинение смерти при крайней необходимости как форма легитимации насилия // Уголовное право. 2015. № 4.
- Горбунов Ю. С. Упреждающие меры в свете современного международного права // Журнал российского права. 2008. № 3.
- Крылова Н. Е., Павлова Н. Н. Крайняя необходимость в медицинской деятельности: некоторые вопросы практического применения // Уголовное право. 2005. № 1.
- Лули Р. А. Противодействие актам ненадлежащего использования гражданской авиации (международно-правовые проблемы) // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2014. № 4.
- Михайлов В. И. Правовое регулирование причинения вреда при правомерном выполнении профессиональных (должностных) функций // Адвокат. 2015. № 5.
- Михаль О. А., Власов Ю. А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Уголовное право. 2011. № 2.
- Нардина О. В. Формирование общегосударственной антитеррористической системы. М., 2011.
- Пархоменко С. В. Юридическая характеристика нормативной основы деяний, преступность которых исключается // Сибирский юридический вестник. 2013. № 1.
- Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Институт крайней необходимости в российском уголовном праве. М., 2006.
- Флетчер Дж., Наумов А. В. Основные концепции современного уголовного права. М., 1998.
- Шестаков Д. А. Еще раз о праве безопасности в связи с правом противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1.
- Шкабин Г. С. Вред в уголовном праве: виды и правовое регулирование // Lex Russica. 2016. № 8.
- Юрьев С. С. Правовое регулирование пресечения полета воздушного судна, используемого как орудие преступления // Евразийская адвокатура. 2016. № 6.
- Christie G. C. The Defense of Necessity Considered from the Legal and Moral Points of View // Duke Law Journal. 1999. Vol. 48. Iss. 5.
- Millet-Devalle A. S. Lois sur la Sécurité Aérienne et Terrorisme: Chroniques des Faits Internationaux // Revue Générale de Droit International Public. 2006. Vol. 3.
- Naske N., Nolte G. Aerial Security Law. Case № 1 BvR 357/05. 115 BVerfGE 118 // American Journal of International Law. 2007. Vol. 101. No. 2.
- Simester A. P., Brookbanks W. J. Principles of Criminal Law. Wellington, 1998.
- Smith J. C. Criminal Law. L., 2002.
- Williams G. L. Criminal Law: The General Part. 2nd ed. L., 1961.

References

- Christie G. C. The Defense of Necessity Considered from the Legal and Moral Points of View // Duke Law Journal. 1999. Vol. 48. Iss. 5.
- Fletcher Dzh., Naumov A. V. Osnovnye kontseptsii sovremennogo ugolovnogo prava. M., 1998.
- Goncharov D. Yu., Goncharova S. G. Prichinenie smerti pri krainei neobkhodimosti kak forma legitimatsii nasiliya // Uголовное право. 2015. № 4.

- Gorbunov Yu. S.* Uprezhdayushchie меры в свете современного международного права // Журнал российского права. 2008. № 3.
- Krylova N. E., Pavlova N. N.* Krainyaya neobkhodimost' v meditsinskoi deyatel'nosti: nekotorye voprosy prakticheskogo primeneniya // Uголовное право. 2005. № 1.
- Luli R. A.* Protivodeistvie aktam nenadlezhashchego ispol'zovaniya grazhdanskoi aviatsii (mezhdunarodno-pravovye problemy) // Vestnik RUDN. Ser.: Yuridicheskie nauki. 2014. № 4.
- Mikhailov V. I.* Pravovoe regulirovanie prichineniya vreda pri pravomernom vypolnenii professional'nykh (dolzhnostnykh) funktsii // Advokat. 2015. № 5.
- Mikhail' O. A., Vlasov Yu. A.* Obstoimatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya // Uголовное право. 2011. № 2.
- Millet-Devalle A. S.* Lois sur la Sécurité Aérienne et Terrorisme: Chroniques des Faits Internationaux // Revue Générale de Droit International Public. 2006. Vol. 3.
- Nardina O. V.* Formirovanie obshchegosudarstvennoi antiterroristicheskoi sistemy. M., 2011.
- Naske N., Nolte G.* Aerial Security Law. Case № 1 BvR 357/05. 115 BVerfGE 118 // American Journal of International Law. 2007. Vol. 101. No. 2.
- Parkhomenko S. V.* Yuridicheskaya kharakteristika normativnoi osnovy deyanii, prestupnost' koto-rykh isklyuchaetsya // Sibirskii yuridicheskii vestnik. 2013. № 1.
- Pleshakov A. M., Shkabin G. S.* Institut krainei neobkhodimosti v rossiiskom uголовnom prave. M., 2006.
- Shestakov D. A.* Eshche raz o prave bezopasnosti v svyazi s pravom protivodeistviya prestupnosti // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2014. № 1.
- Shkabin G. S.* Vred v uголовnom prave: vidy i pravovoe regulirovanie // Lex Russica. 2016. № 8.
- Simester A. P., Brookbanks W. J.* Principles of Criminal Law. Wellington, 1998.
- Smith J. C.* Criminal Law. L., 2002.
- Vinokurov V. N.* Klassifikatsiya otnoshenii kak ob'ektov prestuplenii i primenenie uголовного za-kona // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2014. № 1.
- Williams G. L.* Criminal Law: The General Part. 2nd ed. L., 1961.
- Yur'ev S. S.* Pravovoe regulirovanie presecheniya poleta vozdushnogo sudna, ispol'zuemogo kak orudie prestupleniya // Evraziiskaya advokatura. 2016. № 6.

ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И ПРОБЛЕМА ВНЕШНИХ ЭФФЕКТОВ

Сергеев Андрей Михайлович

Доцент кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), кандидат экономических наук, доцент,
e-mail: asergeev@k66.ru

В статье обсуждается содержание понятия внешних эффектов как одной из ключевых категорий экономического анализа права собственности. На основе ряда значимых научных публикаций Р. Коуза автор анализирует его подход к решению проблемы внешних эффектов, т. е. конфликтов интересов, возникающих по поводу негативных экстерналий при реализации прав собственности. Рассматривается суть принципа обоюдности, который выражает обоюдоострый характер отрицательных внешних эффектов и направлен против одностороннего понимания причинности, однозначного определения причинителя вреда (ущерба) и жертвы. Приводится наиболее распространенная формулировка теоремы Коуза, раскрываются ее основные предпосылки и главные выводы, в частности об эффективности размещения ресурсов и его инвариантности относительно первоначального распределения прав собственности. Показано, что при положительных трансакционных издержках интернализация внешних эффектов, по Коузу, обуславливает необходимость применения экономической эффективности как важного критерия оценки правовых норм и судебных решений. Сформулированы концептуальные требования к правовой системе в целях решения проблемы внешних эффектов и эффективного использования ресурсов. Сделан вывод об активной роли права по отношению к экономике, обязательном регулировании распределения прав собственности для интернализации экстерналий.

Ключевые слова: внешние эффекты (экстерналии), интернализация внешних эффектов, права собственности, теорема Коуза, трансакционные издержки, эффективность

PROPERTY RIGHTS AND THE PROBLEM OF EXTERNALITIES

Sergeev Andrei

Associate professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), candidate of economic sciences,
e-mail: asergeev@k66.ru

The article discusses the concept of externalities as one of the key categories of the economic analysis of property rights. Based on a number of scientific publications by R. Coase, the author analyzes his approach to solving the problem of externalities, i. e. conflicts of interest arising from negative externalities during the realization of property rights. The author considers the essence of the reciprocity principle, which expresses the bipartite nature of the negative externalities and is directed against the unilateral understanding of causality and the unambiguous identification of a causer of harm and a victim. The most common formulation of the Coase's theorem is articulated. Its preconditions and main conclusions (about the effectiveness of the resources allocation and its independence from the original distribution of property rights) are revealed. The article shows that, according to Coase, when transaction cost is positive, the internalization of externalities provides for the use of economic efficiency as a key criterion for assessing legal provisions and judicial decisions. The author formulates conceptual requirements for the legal system in order to solve the problem of externalities and efficient use of resources. He concludes that law plays an active role in the economic sphere and it is mandatory to regulate the distribution of property rights for the internalization of externalities.

Key words: externalities, internalization of externalities, property rights, Coase's theorem, transaction costs, efficiency

Выдающийся ученый-экономист, нобелевский лауреат Рональд Коуз (1910–2013) окончил Лондонскую школу экономики в 1932 г. Во время учебы, по его собственному признанию, он больше внимания уделял не столько экономическим дисциплинам, сколько курсам по праву. Он вспоминает, что «был зачарован судебными делами и юридической аргументацией»¹. Затем Коуз преподавал в различных британских университетах, а в 1964 г. стал профессором Школы права Чикагского университета и оставался им до конца жизни. Одновременно (вплоть до 1982 г.) он исполнял обязанности главного редактора «Журнала права и экономики».

В 1991 г. профессор Коуз был удостоен Нобелевской премии по экономике «за открытие и прояснение значения издержек транзакций и прав собственности для институциональной структуры и функционирования экономики». В обосновании Шведской королевской академии наук упоминаются всего две его фундаментальные работы: «Природа фирмы»² и «Проблема социальных издержек»³. Хотя эти статьи, как подчеркивает российский экономист Р. И. Капелюшников, «не содержали каких-либо важных эмпирических находок или принципиальных технических новаций, они произвели переворот в видении экономической реальности, изменили саму научную картину мира», а высказанные в них идеи «послужили источником парадигмального сдвига в современном экономическом анализе, породив целое семейство новых, бурно развивающихся направлений теоретической мысли»⁴. Одним из ведущих направлений в рамках этого семейства выступает экономический анализ права и, в частности, изучение прав собственности и их влияния на эффективность использования ресурсов.

Первая из работ, позволивших Коузу получить академическое признание, была задумана еще на студенческой скамье и стала попыткой ответить на простой на первый взгляд вопрос: почему существуют фирмы? Причину возникновения в рыночной экономике, функционирующей на основе добровольных двусторонних контрактов, экономических организаций, представляющих собой вертикальные иерархические структуры, он увидел в том, что использование ценового механизма может потребовать высоких транзакционных издержек (затрат на поиск информации, заключение контрактов, контроль за их выполнением, судебную защиту и т. д.). Исходя из этого, он предложил трактовать фирму не как конгломерат факторов производства, а как совокупность контрактов, минимизирующих транзакционные издержки. Но в силу применения нестандартной аргументации – в неоклассической экономической теории транзакционные издержки считались несущественными – эта новаторская статья далеко не сразу была положительно воспринята научным сообществом.

Вторая же статья – «Проблема социальных издержек» – достаточно быстро принесла автору всемирную славу и стала самой цитируемой в мировом масштабе научной публикацией среди как экономистов, так и юристов. В целом эта работа была направлена против развитого английским экономистом А. Пигу положения экономической теории, согласно которому проблема внешних эффектов (экстерналий) решается исключительно мерами прямого государственного регулирования. Внешние эффекты порождают расхождение между частными и социальными издержками, поскольку социальные издержки равны сумме частных и внешних издержек. Заметим, что сам Коуз считал термин «внешние эффекты» не совсем удачным и использовал словосочетания «вредное влияние» или «вредные последствия».

Уточним содержание понятия внешних эффектов и сопряженных с ним категорий.

При реализации прав собственности одними субъектами могут нарушаться права собственности других субъектов. При этом для последних возникают негативные или благоприятные последствия – *внешние эффекты*. Это понятие означает воздействие

¹ Коуз Р. Природа фирмы: истоки // Природа фирмы / под ред. О. И. Уильямсона и С. Дж. Уинтера. М., 2001. С. 57.

² Coase R. The Nature of the Firm // *Economica*. 1937. Vol. 4 (рус. пер. см.: Коуз Р. Фирма, рынок и право. М., 2007).

³ Coase R. The Problem of Social Cost // *Journal of Law and Economics*. 1960. Vol. 3. № 1 (рус. пер. см.: Коуз Р. Фирма, рынок и право).

⁴ Капелюшников Р. И. Экономические очерки: методология, институты, человеческий капитал. М., 2016. С. 35–36.

какой-либо деятельности в сфере производства или потребления одной стороны на другую сторону, не вовлеченную в данную деятельность. Их создают одни субъекты, а получают выгоды или несут издержки другие. Ситуация, когда на экономическое положение одного субъекта оказывают влияние действия другого субъекта без их учета в полной мере в рыночных ценах, относится к так называемым провалам, т. е. несостоятельности рынка, и свидетельствует о неэффективном использовании ресурсов.

Можно сказать, что внешние эффекты – это получаемые субъектами издержки или выгоды, не отраженные в системе цен. Например, если некоторое предприятие производит выбросы в атмосферу, налицо отрицательный внешний эффект для окрестных жителей (они терпят издержки, не учитываемые в цене выпускаемой продукции). Если же предприятие построит автомобильную дорогу и жители смогут ею бесплатно пользоваться, имеет место положительный внешний эффект.

Подчеркнем, что трактовка внешних эффектов как «провалов» рынка позволяет лучше понять нежелательность их появления с точки зрения эффективности использования ресурсов. В самом деле, конкурентный рынок представляет собой ценовой механизм, обеспечивающий оптимальное распределение ресурсов и их эффективное использование. Если же не все издержки или выгоды отражены в системе цен, оптимальность размещения ресурсов нарушается, а значит, они используются недостаточно эффективно. С точки зрения общественного благосостояния происходит перепроизводство благ с отрицательными внешними эффектами и недопроизводство с положительными.

В экономической теории внешние эффекты рассматривались прежде всего в связи с загрязнением окружающей среды. Однако их перечень гораздо шире и многообразнее. Сюда следует отнести причинение шумовых помех сторонним лицам, чреватое риском несчастного случая опасное поведение, ненадлежащее обращение с взятым в аренду имуществом, индивидуальное использование общедоступного ресурса, некоторые способы конкуренции на рынках и т. д. Отдельные типы внешних эффектов можно дополнительно дифференцировать. Например, в экономических исследованиях выделяются 13 видов внешних эффектов современного автотранспорта¹.

Под *интернализацией* внешних эффектов понимается их превращение в частные издержки или выгоды, с которыми соответствующий субъект будет вынужден считаться при принятии экономических решений. При этом частные и социальные издержки будут совпадать, а это обеспечивает эффективное использование ресурсов.

К традиционным способам интернализации внешних эффектов относятся вводимые государством в законодательном порядке корректирующие налоги и субсидии, которые должны компенсировать внешние издержки или недополученные выгоды. При этом производители благ, создающие внешние эффекты, будут вынуждены их учитывать и, следовательно, выпуск соответствующей продукции изменится до оптимального уровня.

Иной подход к решению проблемы интернализации негативных экстерналий в первоначальном варианте был изложен Коузом в статье «Федеральная комиссия по связи»², где было выдвинуто предложение о необходимости создания «теле- и радиовещательного рынка». Поясним принципиальную новизну этого тезиса.

Длительное время считалось, что без государственного контроля в теле- и радиоэфире воцарится хаос: частные телеканалы и радиостанции станут работать на близких или одинаковых частотах, создавая помехи (отрицательные внешние эффекты) друг для друга. Для регулирования использования теле- и радиочастот посредством распределения лицензий создавались специальные государственные органы (в США – Федеральная комиссия по связи).

Коуз в необходимости такого рода структур усомнился. Хаос в эфире, по его мнению, возникает вследствие того, что на электромагнитные волны в соответствующем диапазоне частот не установлены права собственности. Если такие права собственности четко специфицированы, то возникает рынок теле- и радиочастот и необходимость в административном правительственном контроле отпадает. Поэтому Феде-

¹ Ховавко И. Ю. Ездить нельзя платить, или К вопросу об интернализации внешних эффектов автотранспорта // Экономическая наука современной России. 2011. № 5. С. 96–97.

² Coase R. The Federal Communications Commission // Journal of Law and Economics. 1959. Vol. 2. № 1.

ральная комиссия по связи должна провести аукцион по продаже прав на вещание на тех или иных теле- и радиочастотах. При этом телевизионные и радиовещательные корпорации обязуются подчиняться правилам цивилизованного рынка.

Сама идея установления прав собственности на такие непосредственно не наблюдаемые объекты, как электромагнитные колебания теле- и радиочастотного спектра, а также формирования соответствующего рынка была настолько непривычной, что коллеги ученого по университету настоятельно потребовали от него представить развернутые доказательства и интерпретации. Так родилась знаменитая работа «Проблема социальных издержек».

Эта статья отличалась особым способом исследования, который был назван впоследствии «прецедентным»: вместо построения формализованных моделей автор берет конкретный пример из реальной хозяйственной жизни или судебной практики, а затем скрупулезно прослеживает, что можно извлечь из него с помощью экономического инструментария. В то же время Коуза интересовало, как спорные вопросы и конфликты, связанные с отрицательными внешними эффектами, решаются правовым путем. Не случайно известный методолог экономической науки Д. Макклоски, характеризуя стиль изложения работы как «правовой», отмечал: «Это и есть главное отличие риторики Коуза: у юридического факультета она берет ничуть не меньше, чем у экономического... Статья читается как записка по делу»¹.

В начале работы подчеркивается, что в ней рассматриваются только те действия деловых фирм, которые оказывают «вредное влияние» на других. Стандартный пример – фабрика, дым которой отрицательно влияет на соседей. Экономический анализ такой ситуации, развитый Пигу, и юридический подход предлагают следующие варианты решения проблемы негативных внешних эффектов: сделать собственника фабрики ответственным за ущерб, наносимый дымом; обложить его в зависимости от количества дыма налогом, эквивалентным выраженному в деньгах ущербу; вывести фабрику за пределы жилых районов и, возможно, из других районов, в которых дым будет наносить ущерб остальным. «Я убежден, – утверждает Коуз, – что предлагаемые способы действия непригодны в том смысле, что их результаты вовсе не всегда будут благоприятны, а может быть, они будут благоприятны довольно редко»².

Для обоснования этого достаточно неожиданного утверждения Коуз выдвинул принцип обоюдности, т. е. констатировал обоюдоострый характер проблемы отрицательных экстерналий. Он пишет: «Традиционный анализ затемнял природу предстоящего выбора. Вопрос обычно понимался так, что вот А наносит ущерб В, и следует решить, как мы ограничим действия А? Но это неверно. Перед нами взаимосвязанные проблемы. Оберегая от ущерба В, мы навлекаем ущерб на А. Нужно принять решение: следует ли позволить А наносить ущерб В или нужно разрешить В наносить ущерб А? Проблема в том, чтобы избежать более серьезного ущерба»³.

Таким образом, традиционные правовой и экономический подходы к негативным внешним эффектам схожи в том, что каждый из них однозначно называет одну сторону (А) причинителем вреда (ущерба), а другую (В) жертвой. С правовой точки зрения вопрос заключается в том, должен ли А нести ответственность за ущерб, который он причинил В, а с экономической – в определении мер по уменьшению масштабов деятельности А посредством введения налога и / или ограничительных предписаний. «Благоприятное» же решение проблемы, по Коузу, предполагает прежде всего отказ от однонаправленного понимания причинности, т. е. заведомо однозначного определения «причинителя вреда» и «жертвы».

Положение об обоюдостороннем характере негативных внешних эффектов было направлено против сложившейся в то время судебной практики и призвано устранить предвзятость, моральное осуждение только одной из сторон судебного процесса, а также сосредоточить внимание на том, как обеспечить эффективное использование ресурсов. Поскольку во всех случаях существование отрицательных экстерналий зависит от действий, совершаемых обеими сторонами, кардинально меняются основания принятия соответствующего судебного решения.

¹ Макклоски Д. Риторика экономической науки. М.; СПб., 2015. С. 122.

² Коуз Р. Проблема социальных издержек // Коуз Р. Фирма, рынок и право. С. 92.

³ Там же. С. 92–93.

Как представляется, суть принципа обоюдности выражают три важных обстоятельства. Во-первых, ущерб может быть нанесен как деятельностью некоего субъекта по производству товаров и услуг, так и воспрепятствованием этой деятельности судебным решением и нормой закона. Во-вторых, пока не будет определено существующее распределение прав собственности и тем самым обязательств по возмещению ущерба, понятия (статусы) «причинитель вреда» и «жертва» не имеют смысла. В-третьих, возможно оптимальное решение проблемы внешних эффектов, которое состоит, как правило, в нахождении между сторонами компромисса, обеспечивающего минимальный общественный ущерб.

Именно вследствие того, что внешние эффекты имеют обоюдный характер, Коуз предположил, что проблеме, связанную с ними, при определенных условиях можно решить без корректирующих мер государства на основе частных договоренностей сторон. Эту основополагающую идею он разъяснил на примере фермера и скотовода, хозяйствующих на соседних участках. При отсутствии ограды между участками отбившийся скот стравливает посевы и, соответственно, рост стада при возрастании прибыли скотовода увеличивает общий ущерб фермера. Для упрощения рассуждений автор задает численные значения возрастающего поголовья скота, стоимости ограждения, убытков фермера, валовой прибыли скотовода и т. д.

Общий вывод, полученный в результате сопоставления предельных затрат и выгод сторон, расчета чистой социальной выгоды при допущении возможного в данной ситуации торга, таков: «Необходимо знать, ответственен или нет предприниматель за причиняемый ущерб, поскольку без такого первоначального размежевания прав невозможны и рыночные трансакции по их передаче и перераспределению. Но конечный результат (который максимизирует ценность производства) не зависит от правовой позиции, если предполагается, что ценовая система работает без издержек»¹. Иначе говоря, когда отсутствуют трансакционные издержки, а права собственности на ресурсы специфицированы и отчуждаемы, стороны могут и будут ими обмениваться в своих интересах, пока не придут к эффективному использованию ресурсов.

Обобщение данного утверждения получило название «теорема Коуза». Наиболее распространенная формулировка этой теоремы гласит, что если права собственности четко определены и вытекающими из них правомочиями можно свободно обмениваться, а также если трансакционные издержки (включая издержки сбора информации, ведения переговоров и реализации прав) равны нулю, то размещение ресурсов будет эффективным и неизменным, каким бы ни было первоначальное распределение прав собственности².

Таким образом, при пренебрежимо малых трансакционных издержках, т. е. затратах на совершение рыночных сделок, для решения проблемы внешних эффектов и эффективного использования ресурсов необходимы только четко специфицированные и свободно отчуждаемые права собственности. Тогда неважно, кто первоначально владеет правом использования ресурса; это право все равно приобретет тот, кто может получить от него более значительную выгоду. Другими словами, когда существует такой вариант перераспределения прав собственности, который после выплаты компенсации пострадавшей стороне приводит к увеличению суммарной выгоды, это перераспределение при нулевых трансакционных издержках обязательно произойдет в результате частных соглашений. Соответственно, социальные и частные издержки совпадут, а появление такой несостоятельности рынка, как внешние эффекты, станет невозможным.

Оценивая коузианский подход как важное изменение в традиционном экономическом анализе внешних эффектов и мощный инструмент для анализа правовых институтов, Д. Фридмен отмечает, что с точки зрения теоремы Коуза юридическое решение проблемы внешних эффектов «должно начинаться с выяснения того, какой набор прав должен привести при различных обстоятельствах к эффективному результату, и далее, если конкретный начальный набор прав ведет к неэффективным результатам, насколько легко будет для участников провести переговоры об изменениях, что-

¹ Коуз Р. Проблема социальных издержек. С. 99.

² Одинцова М. И. Экономика права: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М., 2017. С. 65.

бы сторона, придающая наибольшую ценность одному из прав в наборе, приобрела это право у его первоначального владельца»¹.

Теорема Коуза, как и любое другое утверждение, претендующее на высокий статус теоремы, включает как исходно принятые предпосылки, так и провозглашаемые ею следствия, строго вытекающие из введенных ранее предпосылок. Если к предпосылкам, как отмечалось, относятся предположения о нулевых трансакционных издержках, а также специфицированных и отчуждаемых правах собственности, то следствиями являются два взаимосвязанных тезиса о размещении (аллокации) ресурсов. Во-первых, это эффективность размещения и, соответственно, использования ресурсов, для которой нужен беспрепятственный обмен правами собственности. Во-вторых, неизменность (инвариантность) аллокации ресурсов по отношению к первоначальному распределению прав собственности. Тезис об инвариантности означает, что первоначальное законодательно определенное распределение прав собственности не влияет на окончательное размещение ресурсов.

Строго говоря, кроме названных условий теорема Коуза предполагает еще ряд неявных допущений. Так, цены на товары считаются постоянными, структура спроса потребителей не зависит от распределения прав собственности, отправление правосудия осуществляется бесплатно, отсутствует враждебность сторон, не учитываются их стратегические планы и др. Но наличие таких имплицитных предпосылок принято считать само собой разумеющимся, а некоторые возможные отклонения принципиально не влияют на итоговые выводы.

«Эффективный» аспект теоремы Коуза обычно не вызывает возражений. Российский правовед, судья Конституционного Суда РФ Г. Гаджиев, рассматривая данное утверждение как «один из самых фундаментальных принципов теории экономики и права», приводит следующую его интерпретацию: «Когда права собственности четко определены, надежно защищаются государством, могут быть куплены и проданы без высоких издержек, все благо в конечном счете оказывается в распоряжении тех лиц, для кого они представляют наибольшую ценность. То есть как железные опилки стремятся к магниту, объекты права собственности стремятся в обладание тех субъектов права, для которых они наиболее нужны»².

Вывод о независимости конечной аллокации ресурсов от распределения прав собственности, напротив, способен вызвать недоумение: разве для субъектов безразлично, какова структура распределения прав собственности? Дело здесь в том, что эффективному размещению ресурсов соответствует максимальная чистая социальная выгода. Но что верно для целого (социальной группы), может быть неверным для его частей – отдельных лиц. Их личные доходы во многом зависят от первоначального распределения прав собственности.

Данное следствие определяет экономико-теоретическую точку зрения на роль суда в решении проблемы внешних эффектов. Неважно, кто изначально будет обладать правом собственности на ресурс, поскольку стороны станут обмениваться своими правомочиями до тех пор, пока не будет достигнута эффективная аллокация ресурсов. Поэтому судебное решение о том, кому первоначально принадлежат права собственности, и мерах ответственности за возмещение ущерба не имеет значения – стороны договорятся о передаче права тому, кто готов за него адекватно заплатить и компенсировать возможные потери другой стороны. Коуз не без сарказма замечает: «Если рыночные трансакции осуществляются без издержек, решение суда об ответственности за ущерб не изменило бы размещение ресурсов. Точка зрения судей, конечно же, состояла в том, что они воздействуют на работу экономической системы, причем в правильном направлении»³.

Как это ни парадоксально, тезис об инвариантности конечной аллокации ресурсов по отношению к первоначальному распределению прав собственности представляет собой вывод о неспособности суда реально повлиять на исход дела, если спорящие стороны могут вести переговоры и заключать между собой реализуемые сделки.

¹ Фридмен Д. Право и экономическая теория // Экономическая теория / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М., 2004. С. 466.

² Гаджиев Г. А. Право и экономика (методология): учеб. для магистрантов. М., 2016. С. 31.

³ Коуз Р. Проблема социальных издержек. С. 101–102.

Однако предположение о незначительных трансакционных издержках далеко не всегда соответствует действительности. «Чтобы осуществить рыночную трансакцию, необходимо определить, с кем желательно заключить сделку, оповестить тех, с кем желают заключить сделку, о ее условиях, провести предварительные переговоры, подготовить контракт, собрать сведения, что условия контракта выполняются, и так далее. Эти операции порой влекут за собой чрезвычайно большие издержки...»¹. Но и при высоких трансакционных издержках для интернализации внешних эффектов и достижения эффективного использования ресурсов также необходимо, чтобы в итоге право собственности на ресурс было у того, кто больше всех его ценит. Поэтому нужно в судебном порядке наделить им ту сторону, для которой их стоимость выше. В этом случае решение суда будет иметь ключевое значение для эффективного использования ресурсов.

Таким образом, коузианский подход к решению проблемы внешних эффектов выдвигает убедительные аргументы в пользу эффективности как важного критерия при принятии судебных решений и создании правовых норм. Когда издержки рыночных трансакций велики, судебные инстанции «прямо влияют на хозяйственную деятельность. В силу этого желательно было бы, чтобы суды понимали экономические последствия своих решений и учитывали эти последствия в той степени, в какой это возможно без создания чрезмерной правовой неопределенности»².

Комментируя данное высказывание Коуза, Гаджиев утверждает: «Помимо формально закрепленных в законе так называемых источников права в виде системы законов, подзаконных актов или судебных прецедентов, которые судьи обычно используют в юридической силлогистике при разрешении дел, он предложил совершенно новые нормы – нормы экономические, в частности экономическую эффективность в качестве нормы, которую следует учитывать судье». И далее: «От этого предложения экономиста все здание юриспруденции содрогнулось! Никто ранее не наносил устоявшемуся юридическому мышлению столь серьезный удар»³.

Действительно, из обоюдного характера внешних эффектов следует, что их возникновение отнюдь не обуславливает безоговорочно запретительные нормы, компенсационные платежи, субвенции, дополнительное налогообложение и т. д., тем более что эти законодательные или судебные меры в свою очередь также порождают издержки, в том числе в форме внешних эффектов. Решение исходного вопроса о том, кто кому может наносить ущерб, заключается, по Коузу, в следующем: путем переговоров между сторонами и выявления соответствующих затрат и выгод нужно выяснить, как в каждом случае предотвратить больший ущерб для выгоды всех. Тем самым роль главного правового аргумента в судебном разрешении конфликта интересов, обусловленного внешними эффектами, отводится экономическим соображениям и требованию экономической эффективности.

Здесь появляется, по мнению Гаджиева, одна из фундаментальных проблем, служащих внутренним источником развития нового научного направления «Право и экономика». Она заключается в том, что судьи «должны руководствоваться не только юридической логикой, основанной на использовании логики аналогии и юридической силлогистики, но и экономической логикой, прежде всего соображениями экономической эффективности»⁴.

Оценка экономической эффективности исходя из соотношения затрат и выгод – далеко не все, что, по мнению Коуза, следует учитывать при принятии судебных решений о распределении прав собственности. По его убеждению, «сопоставление полезности действия и наносимого им ущерба не может считаться единственной задачей судов»⁵. Необходим учет более широкого спектра аргументов, включая моральные.

Обратим внимание на следующее немаловажное обстоятельство. Поскольку при высоких трансакционных издержках распределение прав собственности имеет прямое воздействие на эффективность использования ресурсов, часто бывает выгодно

¹ Коуз Р. Проблема социальных издержек. С. 109.

² Там же. С. 113.

³ Гаджиев Г. А. Указ. соч. С. 32–33.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ Коуз Р. Проблема социальных издержек. С. 140.

минимизировать расходы на трансакции посредством оптимального выбора и регистрации прав собственности. При этом негативные экстерналии указывают на наличие еще не интернализированных внешних издержек. Их можно снизить или вообще устранить с помощью более высокой степени спецификации и вменения прав собственности. Более того, значительные и многообразные внешние эффекты, обусловленные недостаточно специфицированными правами собственности, дают повод задуматься о необходимости соответствующего изменения правовой системы.

В наиболее общем виде решение проблемы внешних эффектов заключается в выборе «подходящих социальных установлений, помогающих справляться с вредными последствиями»¹. Как правило, существует определенное количество альтернативных способов интернализации внешних эффектов. Среди них, кроме спецификации первоначальных прав собственности с последующим обменом ими между сторонами, можно выделить другие формы частной кооперации, введение налогов и субсидий, разнообразные количественные ограничения, вертикальную или горизонтальную интеграцию и др. При выборе наилучшего варианта из имеющихся альтернатив следует максимально полно учитывать значимые для соответствующей ситуации затраты и выгоды.

В целом решение проблемы внешних эффектов и обеспечение эффективного использования ресурсов предполагает выполнение следующих концептуальных требований к правовой системе. Законодательство и судебная практика должны, во-первых, четко определять и надежно защищать права собственности, всячески способствовать снижению трансакционных издержек (в частности, устраняя административные барьеры, обеспечивая выполнение контрактов и т. д.) и, во-вторых, избирать и устанавливать такое распределение прав собственности, к которому стороны приходили бы сами, если бы им не препятствовали в этом высокие издержки трансакций. Если права собственности передаются по закону стороне, для которой их ценность наибольшая, частные договоренности не нужны, а ресурсы и при высоких трансакционных издержках используются наиболее эффективным способом.

Отсюда можно сделать вывод об активной роли права в экономической системе. Право должно не только определять законные основания владения, пользования и распоряжения объектами собственности, но и регулировать распределение прав собственности в целях интернализации внешних эффектов и наиболее эффективного использования ресурсов. А это означает, что правовые нормы и судебные решения должны соответствовать критерию экономической эффективности.

Коузианский подход к решению проблемы внешних эффектов формирует концептуальные основы и логику разрешения конфликтов интересов по поводу негативных экстерналий, возникающих при реализации прав собственности, а также обосновывает применение экономической эффективности как критерия оценки правовых норм и судебных решений. Его нормативные выводы успешно проникают в законодательную и судебную практику многих стран, в том числе с континентальной правовой системой.

Список литературы

Гаджиев Г. А. Право и экономика (методология): учеб. для магистрантов. М., 2016.

Капелюшников Р. И. Экономические очерки: методология, институты, человеческий капитал. М., 2016.

Коуз Р. Природа фирмы: истоки // Природа фирмы / под ред. О. И. Уильямсона и С. Дж. Уинтера. М., 2001.

Коуз Р. Проблема социальных издержек // Коуз Р. Фирма, рынок и право. М., 2007.

Коуз Р. Фирма, рынок и право. М., 2007.

Макклоски Д. Риторика экономической науки. М.: СПб., 2015.

Одинцова М. И. Экономика права: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М., 2017.

Фридмен Д. Право и экономическая теория // Экономическая теория / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М., 2004.

Ховавко И. Ю. Ездить нельзя платить, или К вопросу об интернализации внешних эффектов автотранспорта // Экономическая наука современной России. 2011. № 5.

¹ Коуз Р. Проблема социальных издержек. С. 112.

- Coase R. The Federal Communications Commission // Journal of Law and Economics. 1959. Vol. 2. № 1.
Coase R. The Nature of the Firm // *Economica*. 1937. Vol. 4.
Coase R. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. 1960. Vol. 3. № 1.

References

- Coase R. The Federal Communications Commission // Journal of Law and Economics. 1959. Vol. 2. № 1.
Coase R. The Nature of the Firm // *Economica*. 1937. Vol. 4.
Coase R. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. 1960. Vol. 3. № 1.
Fridmen D. Pravo i ekonomicheskaya teoriya // *Ekonomicheskaya teoriya / pod red. Dzh. Ituella*, M. Milgeita, P. N'yumena. M., 2004.
Gadzhiev G. A. Pravo i ekonomika (metodologiya): ucheb. dlya magistrantov. M., 2016.
Kapelyushnikov R. I. Ekonomicheskie ocherki: metodologiya, instituty, chelovecheskii kapital. M., 2016.
Khovavko I. Yu. Ezdit' nel'zya platit', ili K voprosu ob internalizatsii vneshnikh effektiv avtotransporta // *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*. 2011. № 5.
Kouz R. Firma, rynok i pravo. M., 2007.
Kouz R. Priroda firmy: istoki // *Priroda firmy / pod red. O. I. Uil'yamsona i S. Dzh. Uintera*. M., 2001.
Kouz R. Problema sotsial'nykh izderzhek // *Kouz R. Firma, rynok i pravo*. M., 2007.
Makkloski D. Ritorika ekonomicheskoi nauki. M.; SPb., 2015.
Odintsova M. I. Ekonomika prava: ucheb. posobie dlya bakalavriata i magistratury. M., 2017.

ПРОБЛЕМА ВАРИАТИВНОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

Игнатьева Инна Анатольевна

Профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва),
доктор юридических наук, e-mail: land@law.msu.ru

В статье рассмотрена проблема доктринальных различий в понимании предмета правового регулирования экологического права. Показано, что такая вариативность обусловлена нечеткостью определения регулируемых общественных отношений в Федеральном законе «Об охране окружающей среды». В качестве предмета экологического права исследователи называют либо все отношения, которые возникают в сфере взаимодействия общества и природы, либо только отношения природоохранного характера. Подобное понимание предмета не оставляет возможности для однозначного понимания самого экологического права как отрасли российского права.

Ключевые слова: экологическое право, экологические отношения, охрана окружающей среды, природопользование, обеспечение экологической безопасности

THE PROBLEM OF VARIABLE DEFINITION OF THE SUBJECT OF ENVIRONMENTAL LAW

Ignat'eva Inna

Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow), doctor of legal sciences,
e-mail: land@law.msu.ru

The article considers the problem of doctrinal differences in the understanding of the subject of legal regulation of environmental law. It is shown that the reason of such variability is the vague definition of regulated public relations in the Federal Law «On Environmental Protection». In science, the subject of environmental law is considered to be either all relations arising in the sphere of interaction between society and nature or only environmental relations. Such an understanding of the subject leaves no chance for an unambiguous understanding of environmental law per se as a branch of Russian law.

Key words: environmental law, environmental relations, environmental protection, nature management, environmental safety

Предметом экологического права, как и любой отрасли права, являются определенные обособленные общественные отношения. В науке экологического права, равно как в соответствующей учебной дисциплине, такие отношения именуются **экологическими**. Однако в законодательстве это наименование для обозначения предмета правового регулирования не используется.

Предмет экологического права получил в законодательстве два варианта определения. Согласно преамбуле Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – Закон об охране окружающей среды) этим актом регулируются *отношения в сфере взаимодействия общества и природы*, возникающие при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, связанной с воздействием на природную среду как важнейшую составляющую окружающей среды, являющуюся основой жизни на Земле, в пределах территории Российской Федерации, а также на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации. В то же время в п. 4 ст. 2 Закона об охране окружающей среды

установлено, что этим актом, равно как международными договорами Российской Федерации, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, регулируются *отношения, возникающие в области охраны окружающей среды* как основы жизни и деятельности народов, проживающих на территории Российской Федерации, в целях обеспечения их прав на благоприятную окружающую среду.

Очевидно, что обозначенные общественные отношения, на регулирование которых направлен Закон об охране окружающей среды, далеко не идентичны и прежде всего различны по объему. Сфера взаимодействия общества и природы – основа формирования разных общественных отношений, лишь одну часть которых образуют отношения по охране окружающей среды. В целом же виды деятельности, которые положены в основу выделения тех или иных общественных отношений, возникающих в сфере взаимодействия общества и природы (А. К. Голиченковым они условно именуется экологическими¹), систематизированно изложены в п. «д» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ. Согласно указанному конституционному положению в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ находятся «природопользование; охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности».

На основе обозначенных видов деятельности выделяются соответствующие общественные отношения: по природопользованию (иначе именуемые отношениями по использованию природных ресурсов, по рациональному использованию природных ресурсов), по охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности. Причем отношения по природопользованию исторически первичны и прежде других экологических отношений стали регулироваться правом. Природные ресурсы – основа экономики любого государства. Но деятельность по использованию природных ресурсов объективно нарушает состояние окружающей природной среды, а следовательно, появляется потребность в другом виде человеческой деятельности – в их охране и охране окружающей среды как единого целого. Иными словами, необходимость охраны окружающей среды, компонентов природной среды возникает именно в связи с использованием природных ресурсов; если же естественный ход природного развития не нарушается, охрана не нужна. По замечанию О. И. Крассова, «то, чем не пользуются в широком смысле слова, в охране не нуждается»².

«Природопользование, – подчеркивает Н. И. Краснов, – самый фундаментальный элемент взаимоотношений общества и природы, причем не только потому, что выполняет первичную, насущную для общества экономическую функцию... но и потому, что оно воздействует на количественное и качественное состояние природы... Природопользование, следовательно, не только экономически, но и экологически значимое поведение людей»³. Так на каком основании нужно исключать отношения по природопользованию из состава экологических? Полагаем, что к отношениям по природопользованию (использованию природных ресурсов) полностью подходит такая характеристика регулируемых Законом об охране окружающей среды отношений, как возникновение их в сфере общества и природы. Следовательно, в данном аспекте они, несомненно, разновидность экологических отношений.

Есть свои нюансы и в охранительных по характеру общественных отношениях. В сложном переплетении отношений, базирующихся на неизбежном взаимодействии общества и природы, очевидной становится необходимость специально обозначить место человека в этих отношениях. Охране безусловно подлежит окружающая среда, но с разными целями: с одной стороны, для защиты окружающей среды как таковой и отдельных компонентов природной среды, с другой – для защиты здоровья челове-

¹ Голиченков А. К. Охрана окружающей природной среды, обеспечение экологической безопасности, обеспечение рационального использования природных ресурсов: термины, содержание, соотношение // Экологическое право России: сб. материалов науч.-практ. конф. 1995–1998 гг. / под ред. А. К. Голиченкова. М., 1999. С. 41.

² Крассов О. И. Соотношение использования и охраны в праве природопользования // Право природопользования в СССР. М., 1990. С. 79.

³ Краснов Н. И. Право окружающей природной среды в СССР // Известия вузов. Правоведение. 1990. № 4. С. 28–29.

ка, испытывающего на себе негативное воздействие окружающей среды, благоприятное состояние которой нарушено им самим либо изменяется вследствие тех или иных природных процессов.

Человек, его здоровье являются своеобразным мерилем для определения благоприятности окружающей среды, оптимальности ее состояния (окружающая среда в этом аспекте – средство существования человека), но, вместе с тем, окружающая среда требует охраны ради собственной ценности: природа не создана и не может быть создана человеком. Как сказал по поводу этой двойственности Ж. Дорст, «не одни только доводы и соображения прямой выгоды должны побудить нас охранять дикую природу»¹. В результате «речь идет о спасении человека от него самого совершенно так же, как и о спасении природы от человека»².

Однако данный вывод сделан с точки зрения науки экологии. С юридической же точки зрения не все из поставленных акцентов должны отражаться на сфере права. В строгом смысле слова нельзя сказать, что экологическое право занимается спасением человека, оно направлено на формирование вокруг человека благоприятной окружающей среды, гарантирующей ему экологическую безопасность. Не случайно А. К. Голиченков определил понятия «охрана окружающей природной среды» и «обеспечение экологической безопасности», фактически основываясь на единых началах: охрана окружающей природной среды – «достижение и поддержание такого ее качества, при котором возможно сохранение, защита и восстановление здорового состояния и целостности экосистемы Земли, защита разнообразия флоры и фауны для удовлетворения интересов и потребностей всех стран»³; обеспечение экологической безопасности – «достижение и поддержание такого качества окружающей природной среды, при котором воздействие ее факторов обеспечивает здоровье человека и его плодотворную жизнедеятельность в гармонии с природой»⁴.

И в первом, и во втором случае речь идет об определенном состоянии окружающей среды, но в обоих видах деятельности поставлены разные акценты. В деятельности по охране окружающей среды предполагается, что окружающая среда требует охраны ради собственной ценности, хотя наряду с этим – как в регулировании любых общественных отношений – и для блага человека⁵. Природа, ее нормальное состояние в этих отношениях важны как непосредственная цель правового регулирования. Когда речь идет об обеспечении экологической безопасности, та же природа рассматривается прежде всего в аспекте обеспечения существования человека как средство и среда для его жизни и здоровья. Цель правового регулирования в этом случае – создание нормальных условий существования человека. В. В. Петров, думается, именно на этой основе выделил направление «защиты, оздоровления окружающей человека среды», указав, что «постепенно эта форма защиты становится главной и определяющей»⁶.

Содержательно эти отношения настолько близки, что как бы перетекают одни в другие. Поэтому не увенчались успехом попытки четко разграничить данные отношения и соответствующие виды деятельности⁷. На этом фоне представляется совсем не

¹ Дорст Ж. До того, как умрет природа. М., 1968. С. 404.

² Там же. С. 347.

³ Голиченков А. К. Экологический контроль: теория, практика правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 23.

⁴ Там же. С. 22.

⁵ Собственно, на этой основе обычно и строятся доводы тех исследователей, которые не признают обязательность выделения самостоятельных общественных отношений по обеспечению экологической безопасности. Эту точку зрения питает традиционный рациональный взгляд на саму суть права: как предмет права выделяются именно те отношения, в регулировании которых заинтересован человек. Но сегодня есть веское основание для расстановки иных акцентов в правовом регулировании смежных, взаимосвязанных отношений охранительного характера: Конституция РФ в ст. 72 называет два совместных вида деятельности – охрану окружающей среды и обеспечение экологической безопасности.

⁶ Петров В. В. Экологическое право России: учеб. для вузов. М., 1995. С. 14.

⁷ Бринчук М. М. Охранять окружающую среду или обеспечивать экологическую безопасность? // Государство и право. 1994. № 8–9. С. 118–127; Еро же. Теоретические проблемы формирования законодательства об окружающей среде // Государство и право. 1998. № 12. С. 77; Еро же. Актуальные проблемы обеспечения экологической безопасности в современных условиях // Правовое обеспечение экологической безопасности в сфере природопользования и энергетики: сб. ст. участников Междунар. науч.-

случайным, что в формулировке ст. 72 Конституции РФ термины «охрана окружающей среды» и «обеспечение экологической безопасности» соединены союзом «и», тогда как термин «природопользование» отделен от них точкой с запятой.

Законодательное определение существует только для двух форм взаимодействия общества и природы, дающих основание для выделения соответствующих общественных отношений: для охраны окружающей среды и для природопользования.

Охрана окружающей среды в ст. 1 Закона об охране окружающей среды трактуется как деятельность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений и некоммерческих организаций, юридических и физических лиц, направленная на сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию ее последствий. Эта же деятельность в Законе именуется *природоохранной*.

Использование природных ресурсов определяется Законом об охране окружающей среды как эксплуатация природных ресурсов, вовлечение их в хозяйственный оборот, в том числе все виды воздействия на них в процессе хозяйственной и иной деятельности. Правовое регулирование отношений по природопользованию осуществляется в настоящее время отдельными отраслями права и законодательства. Согласно п. 5 ст. 2 Закона об охране окружающей среды отношения, возникающие в области охраны и рационального использования природных ресурсов, их сохранения и восстановления, регулируются земельным, водным, лесным законодательством, законодательством о недрах, животном мире, иным законодательством в области охраны окружающей среды и природопользования. При широкой трактовке экологических отношений и экологического права все природоресурсные отрасли должны быть включены в одну отрасль права – экологического.

Единственным видом общественных экологических отношений, оставшимся без *законодательного определения*, является обеспечение экологической безопасности. Закон об охране окружающей среды определяет лишь результат соответствующей деятельности – саму экологическую безопасность. *Экологическая безопасность* понимается как состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий. Именно понятие «экологическая безопасность», а не «обеспечение экологической безопасности» широко используется в других правовых актах. Так, Указом Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 была утверждена Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года.

Итак, охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности наряду с природопользованием (использованием природных ресурсов) образуют совместно «три основных направления, по которым объективно развиваются общественные отношения в сфере „общество – природа“»¹. Соответственно, исходя из двойственности определения предмета правового регулирования в Законе об охране окружающей среды, экологические отношения могут быть рассмотрены в узком и широком смысле². В узком смысле (именно в этом смысле преподается учебная дисциплина «Экологическое право»³) предметом экологического права являются эко-

практ. конф., посвященной Году экологии в Российской Федерации. Казань, 2018. С. 10–16; Голиченков А. К. Экологический контроль: теория, практика правового регулирования. С. 22–23. Подробный разбор существующих точек зрения на разграничение охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности и их оценку см.: Игнатьева И. А. Экологическое законодательство России и проблемы его развития. М., 2001. С. 27–34.

¹ Голиченков А. К. Охрана окружающей природной среды, обеспечение экологической безопасности, обеспечение рационального использования природных ресурсов: термины, содержание, соотношение. С. 42.

² Голиченков А. К. Понятие, предмет и система экологического права в широком смысле слова // Экологическое право России. С. 317–318.

³ Базовая программа курса «Экологическое право России» // Экологическое право и земельное право России: методические материалы: учеб. пособие / под ред. А. К. Голиченкова. М., 2017. С. 1–55.

логические отношения, понимаемые как отношения по охране окружающей среды и частично¹ обеспечению экологической безопасности².

В нашем представлении рассматриваемые виды деятельности, служащие основой для выделения соответствующих видов общественных экологических отношений, строго в юридическом смысле отождествлять нельзя, как отмечено выше, в силу редакционных особенностей их обозначения в Конституции РФ. Эти виды деятельности с теоретических позиций не могут включаться один в другой или объединяться в одном понятии. Полагаем, что правильнее было бы говорить не о слиянии указанных видов деятельности и не об их содержательном тождестве, но о неразрывности и даже идентичности мер, принимаемых в рамках деятельности по охране окружающей среды и деятельности по обеспечению экологической безопасности. Целесообразно в таком случае говорить о двух сторонах одной медали³: при обеспечении экологической безопасности осуществляются меры по охране окружающей среды и, наоборот, действия по охране окружающей среды приводят к обеспечению экологической безопасности.

Объем у каждой из «сторон медали» все же не равный. Как отмечено выше, обеспечение экологической безопасности находится не только в русле регулирования экологическим правом. Те же цели, хотя подчас и опосредованно, достигаются применением законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии, защите населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и др. Обеспечить человеку экологическую безопасность – значит создать определенное состояние природной среды в числе прочих факторов, характеризующих экологическую безопасность.

Но применительно к охране окружающей среды найти сегодня сферы, где такая деятельность была бы не связана с обеспечением экологической безопасности, пожалуй, невозможно. Так, если мы полагали ранее, что за рамки деятельности по обеспечению экологической безопасности выходят создание и функционирование особо охраняемых природных территорий, то сегодня утверждать это уже не можем на фоне принятой к реализации следующей концепции: особо охраняемые природные территории создаются для компенсации усиливающегося воздействия человека, общества на окружающую среду. В частности, в Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу, утвержденных Президентом РФ 18 сентября 2008 г. № Пр-1969, сформулирована задача обеспечить сохранение биологического разнообразия арктической флоры и фауны, в том числе путем расширения сети особо охраняемых природных территорий и акваторий, с учетом национальных интересов Российской Федерации, необходимости сохранения окружающей природной среды в условиях расширения экономической деятельности и глобальных изменений климата⁴ (курсив мой. – И. И.). Тем самым особо охраняемые природные территории уже непосредственно вовлечены

¹ Обеспечение экологической безопасности связано с регулированием разными отраслями законодательства. Так, в п. 6 ст. 2 Закона об охране окружающей среды разделяются сферы правового регулирования законодательства об охране окружающей среды и санитарного законодательства. При этом установлено, что отношения, возникающие в области охраны окружающей среды, в той мере, в какой это необходимо для обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, регулируются законодательством о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения и законодательством об охране здоровья, иным направленным на обеспечение благоприятной для человека окружающей среды законодательством.

² М. М. Бринчук почему-то усмотрел эволюцию во взгляде автора этой работы на соотношение охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, представленное в кандидатской и докторской диссертациях (Бринчук М. М. Обеспечение экологической безопасности как правовая категория // Государство и право. 2008. № 9. С. 36). Мы не имели к этому заключению никакого отношения, так как и в кандидатской, и докторской диссертациях использовали одни и те же подходы, обоснования и доводы для демонстрации одновременных разделения и взаимосвязи рассматриваемых видов деятельности (Игнатьева И. А. Проблемы развития экологического законодательства России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 27–34; Ее же. Экологическое законодательство России: теория и практика систематизации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 181–182).

³ Игнатьева И. А. Экологическое законодательство России и проблемы его развития. С. 31.

⁴ Разработчики Основ полагают, что внутри границ национального парка можно сохранить неизменными климатические условия?

в обеспечение экологической безопасности человека и его деятельности, включая экономическую.

На основании сказанного понятие «обеспечение экологической безопасности» должно быть связано с созданием благоприятной именно *для человека* окружающей среды. Понятие «охрана окружающей среды» следует использовать в его традиционном понимании, которое отражает необходимость принятия таких мер, которые обеспечивали бы защиту, сохранение, восстановление *окружающей среды, или природы* (причем как дикой, первозданной, так и преобразованной человеком), и как самостоятельной ценности, и как среды возникновения и претворения в жизнь различных интересов человека (в данном случае экологических). Последнее свойственно выделению любых общественных отношений для правового регулирования. По сути, разделение единых охранительных по характеру отношений происходит в этом случае в зависимости от разных углов зрения. Эти тонкости правового регулирования могут быть не слишком важны в практической плоскости, но в теоретическом плане имеют свое обоснование.

В широком смысле экологические отношения как предмет экологического права должны быть определены как отношения по охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности, а также по природопользованию.

Однако независимо от того, в узком или широком смысле рассматривается предмет экологического права, часто соответствующие общественные отношения именуют *экологическими отношениями*. Термин «экологический», служащий определяющим термином применительно к рассматриваемой отрасли права, предмету ее правового регулирования, является производным от слова «экология», которым обозначается одна из естественных наук.

Экология – «часть биологии (биоэкология), изучающая отношение организмов... между собой и окружающей средой»¹. Данная наука дифференцируется, распадаясь на ряд научных отраслей и дисциплин. Н. Ф. Реймерс насчитывает уже около 50 отдельных ветвей экологии². В системе экологии человека выделяется социальная экология, рассматривающая взаимоотношения социальных групп общества с природой³. Социальная экология направлена «прежде всего на раскрытие предельных значений будущего развития общества в использовании тех или иных природных ресурсов и в воздействии на биосферу в целом»⁴. Выводы и открытия социальной экологии оказались ближе всего к естественно-научным основам правового регулирования экологических отношений.

Вместе с тем важно учитывать, что естественные науки оказывают лишь определенное влияние на содержание эколого-правовых и иных правовых норм и юридическая наука не предполагает автоматического переноса терминов, их значения в правовую плоскость без специальной надобности. Примером необоснованного заимствования из науки экологии терминологии, неактуальной для регулирования общественных отношений по охране окружающей среды, служит использование в Законе об охране окружающей среды одновременно двух базовых терминов: «окружающая среда» и «природная среда» – вне какой-либо связи с реальным предметом правового регулирования в этом Законе.

Еще один неудачный вариант включения естественно-научных данных в содержание правовых норм – определение понятия «вода» в Водном кодексе РФ 1995 г. (ныне утратил силу). Тогда в основу правовой нормы-дефиниции был положен химический состав воды: воду юридически признали «химическим соединением водорода и кислорода, существующим в жидком, твердом и газообразном состояниях»⁵. Данное определение демонстрирует, что «можно себе ясно представить понятие, между тем как формулировка, дефиниция его неудачна»⁶.

¹ Делятицкий С., Зайонц И., Чертков Л., Экзарьян В. Экологический словарь. М., 1993. С. 93.

² Реймерс Н. Ф. Экология. Теории, законы, правила, принципы и гипотезы. М., 1994. С. 16.

³ Делятицкий С., Зайонц И., Чертков Л., Экзарьян В. Указ. соч. С. 94.

⁴ Гирусов Э. В. Направленность саморегуляции биосферы. Пути, 1982. С. 4.

⁵ Подробнее см.: Игнатьева И. А. Проблемы природоохранного законодательства // Природные ресурсы России: управление, экономика, финансы. 2004. № 1. С. 7–18.

⁶ Иеринг Р. Юридическая техника / пер. с нем. СПб., 1905.

В Федеральном законе от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» приводится определение катадромных видов рыб (это виды рыб, воспроизводящихся в море и проводящих большую часть своего жизненного цикла во внутренних водах Российской Федерации и в территориальном море Российской Федерации), но правовое регулирование в отношении этих видов рыб названным Законом не осуществляется. Зачем в нем понадобилось воспроизводить информацию о том, какие бывают рыбы, если некоторые из них не выступают объектом его правового регулирования? Закон, пусть и профильный, не следует смешивать с учебником биологии.

Таким образом, предмет экологического права – экологические отношения – может быть определен в двух вариантах в зависимости от понимания его конкретным исследователем. Этот предмет образуют либо все существующие отношения в сфере взаимодействия общества и природы, либо только отношения в области охраны окружающей среды. При этом отношения по охране окружающей среды представляют собой один из видов отношений, возникающих в сфере взаимодействия общества и природы, и обычно рассматриваются в законодательстве в неразрывной связи с отношениями по обеспечению экологической безопасности.

При отсутствии в законодательстве четких и однозначных формулировок термин «экологический» применительно к общественным отношениям и отрасли права остается лишь в доктринальной плоскости. При этом он оказался очень устойчив в употреблении. Широкое использование данного термина обусловлено, с точки зрения О. С. Колбасова, его лаконичностью и удобством¹. У этого термина всегда есть критики², но он не исчезает, не забывается. Возможно, пришло время и законодателю учесть эти обстоятельства.

По нашему мнению, термин «экологический» обоснованно применять в наименовании отрасли права и группы обособленных общественных отношений *лишь при их широком понимании*. Иначе, если бы речь шла лишь об охране окружающей среды (пусть и в совокупности с обеспечением экологической безопасности), можно было бы оставить для употребления исторически сложившийся, имевший закрепление в законодательстве³, также широко распространенный в науке термин «природоохранный» (как вариант – «природоохраненный»). Термин «экология», лежащий в основе термина «экологический», объясняет и обеспечивает выход на всю систему взаимодействия общества и природы для комплексного правового регулирования возникающих в ее рамках общественных отношений.

Список литературы

Базовая программа курса «Экологическое право России» // Экологическое право и земельное право России: методические материалы: учеб. пособие / под ред. А. К. Голиченкова. М., 2017.

Бринчук М. М. Актуальные проблемы обеспечения экологической безопасности в современных условиях // Правовое обеспечение экологической безопасности в сфере природопользования и энергетики: сб. ст. участников Междунар. науч.-практ. конф., посвященной Году экологии в Российской Федерации. Казань, 2018.

Бринчук М. М. Обеспечение экологической безопасности как правовая категория // Государство и право. 2008. № 9.

Бринчук М. М. Охранять окружающую среду или обеспечивать экологическую безопасность? // Государство и право. 1994. № 8–9.

Бринчук М. М. Теоретические проблемы формирования законодательства об окружающей среде // Государство и право. 1998. № 12.

Бринчук М. М. Экологическое право (право окружающей среды): учеб. для высших юрид. учеб. заведений. М., 1998.

Гирусов Э. В. Направленность саморегуляции биосферы. Пушино, 1982.

¹ См. также: Колбасов О. С. Коренные понятия экологического права // Экологическое право России: сб. материалов науч.-практ. конф. 1999–2000 гг. / под ред. А. К. Голиченкова. М., 2001. Вып. 2. С. 62–67.

² О некорректности термина «экологическое право» подробнее см.: Бринчук М. М. Экологическое право (право окружающей среды): учеб. для высших юрид. учеб. заведений. М., 1998. С. 6, 93–95; Крассов О. И. Земельное право: учеб. М., 2000. С. 44; Тимошенко А. С. О понятии и содержании права окружающей среды // Вестник Московского университета. Сер. II: Право. 1987. № 5. С. 47.

³ Закон РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» (утратил силу).

Голиченков А. К. Охрана окружающей природной среды, обеспечение экологической безопасности, обеспечение рационального использования природных ресурсов: термины, содержание, соотношение // Экологическое право России: сб. материалов науч.-практ. конф. 1995–1998 гг. / под ред. А. К. Голиченкова. М., 1999.

Голиченков А. К. Понятие, предмет и система экологического права в широком смысле слова // Экологическое право России: сб. материалов науч.-практ. конф. 1995–1998 гг. / под ред. А. К. Голиченкова. М., 1999.

Голиченков А. К. Экологический контроль: теория, практика правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992.

Делятицкий С., Зайонц И., Чертков Л., Экзарьян В. Экологический словарь. М., 1993.

Дорст Ж. До того, как умрет природа. М., 1968.

Игнатьева И. А. Проблемы природоохранного законодательства // Природные ресурсы России: управление, экономика, финансы. 2004. № 1.

Игнатьева И. А. Проблемы развития экологического законодательства России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.

Игнатьева И. А. Экологическое законодательство России и проблемы его развития. М., 2001.

Игнатьева И. А. Экологическое законодательство России: теория и практика систематизации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.

Иеринг Р. Юридическая техника / пер. с нем. СПб., 1905.

Колбасов О. С. Коренные понятия экологического права // Экологическое право России: сб. материалов науч.-практ. конф. 1999–2000 гг. / под ред. А. К. Голиченкова. М., 2001. Вып. 2.

Краснов Н. И. Право окружающей природной среды в СССР // Известия вузов. Правоведение. 1990. № 4.

Крассов О. И. Земельное право: учеб. М., 2000.

Крассов О. И. Соотношение использования и охраны в праве природопользования // Право природопользования в СССР. М., 1990.

Петров В. В. Экологическое право России: учеб. для вузов. М., 1995.

Реймерс Н. Ф. Экология. Теории, законы, правила, принципы и гипотезы. М., 1994.

Тимошенко А. С. О понятии и содержании права окружающей среды // Вестник Московского университета. Сер. II: Право. 1987. № 5.

References

Bazovaya programma kursa «Ekologicheskoe pravo Rossii» // Ekologicheskoe pravo i zemel'noe pravo Rossii: metodicheskie materialy: ucheb. posobie / pod red. A. K. Golichenkova. M., 2017.

Brinchuk M. M. Aktual'nye problemy obespecheniya ekologicheskoi bezopasnosti v sovremennykh usloviyakh // Pravovoe obespechenie ekologicheskoi bezopasnosti v sfere prirodoopol'zovaniya i energetiki: sb. st. uchastnikov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi Godu ekologii v Rossiiskoi Federatsii. Kazan', 2018.

Brinchuk M. M. Ekologicheskoe pravo (pravo okruzhayushchei sredy): ucheb. dlya vysshih yurid. ucheb. zavedenii. M., 1998.

Brinchuk M. M. Obespechenie ekologicheskoi bezopasnosti kak pravovaya kategoriya // Gosudarstvo i pravo. 2008. № 9.

Brinchuk M. M. Okhranyat' okruzhayushchuyu sredu ili obespechivat' ekologicheskuyu bezopasnost'? // Gosudarstvo i pravo. 1994. № 8–9.

Brinchuk M. M. Teoreticheskie problemy formirovaniya zakonodatel'stva ob okruzhayushchei sfere // Gosudarstvo i pravo. 1998. № 12.

Delyatitskii S., Zaients I., Chertkov L., Ekzar'yan V. Ekologicheskii slovar'. M., 1993.

Dorst Zh. Do того, как умрет природа. М., 1968.

Girusov E. V. Napravlennost' samoregulyatsii biosfery. Pushchino, 1982.

Golichenkov A. K. Ekologicheskii kontrol': teoriya, praktika pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 1992.

Golichenkov A. K. Okhrana okruzhayushchei prirodnoi sredy, obespechenie ekologicheskoi bezopasnosti, obespechenie ratsional'nogo ispol'zovaniya prirodnkh resursov: terminy, sodержание, sootnoshenie // Ekologicheskoe pravo Rossii: sb. materialov nauch.-prakt. konf. 1995–1998 gg. / pod red. A. K. Golichenkova. M., 1999.

Golichenkov A. K. Ponyatie, predmet i sistema ekologicheskogo prava v shirokom smysle slova // Ekologicheskoe pravo Rossii: sb. materialov nauch.-prakt. konf. 1995–1998 gg. / pod red. A. K. Golichenkova. M., 1999.

Iering R. Yuridicheskaya tekhnika / per. s nem. SPb., 1905.

Ignat'eva I. A. Ekologicheskoe zakonodatel'stvo Rossii i problemy ego razvitiya. M., 2001.

Ignat'eva I. A. Ekologicheskoe zakonodatel'stvo Rossii: teoriya i praktika sistematzatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2007.

- Ignat'eva I. A.* Problemy prirodookhrannogo zakonodatel'stva // Prirodnye resursy Rossii: upravlenie, ekonomika, finansy. 2004. № 1.
- Ignat'eva I. A.* Problemy razvitiya ekologicheskogo zakonodatel'stva Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1997.
- Kolbasov O. S.* Korennye ponyatiya ekologicheskogo prava // Ekologicheskoe pravo Rossii: sb. materialov nauch.-prakt. konf. 1999–2000 gg. / pod red. A. K. Golichenkova. M., 2001. Vyp. 2.
- Krasnov N. I.* Pravo okruzhayushchei prirodnoi sredy v SSSR // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. 1990. № 4.
- Krassov O. I.* Sootnoshenie ispol'zovaniya i okhrany v prave prirodopol'zovaniya // Pravo prirodopol'zovaniya v SSSR. M., 1990.
- Krassov O. I.* Zemel'noe pravo: ucheb. M., 2000.
- Petrov V. V.* Ekologicheskoe pravo Rossii: ucheb. dlya vuzov. M., 1995.
- Reimers N. F.* Ekologiya. Teorii, zakony, pravila, printsipy i gipotezy. M., 1994.
- Timoshenko A. S.* O ponyatii i sodержanii prava okruzhayushchei sredy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11: Pravo. 1987. № 5.

**МОРАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И СЛУЖЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА
РАБОТНИКОВ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ
В КОНЦЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х гг.
(по архивным материалам Свердловской области)****Мамяченков Владимир Николаевич**

Профессор кафедры государственного и муниципального управления
Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург),
доктор исторических наук, доцент, e-mail: mamyachenkov@mail.ru

Статья основана на архивных материалах Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Автор рассматривает внутреннее состояние органов советской милиции в послевоенный период. Подчеркивается, что для большинства граждан СССР служба в милиции не считалась престижным занятием по таким причинам, как невысокая заработная плата, отсутствие серьезных стимулов к работе и наличие больших психологических нагрузок. Перечисляются и комментируются различные нарушения служебной дисциплины личным составом свердловской милиции в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Констатируется, что в исследуемый период руководству областной милиции исправить ситуацию не удалось. Делается вывод, что состояние милиции, так или иначе, соответствовало состоянию всего советского общества.

Ключевые слова: Свердловская область, милиция, моральное состояние, служебная дисциплина

**MORALE AND DISCIPLINE OF THE SOVIET POLICE OFFICERS
IN THE LATE 1940s – EARLY 1950s
(on archival materials of the Sverdlovsk region)****Mamyachenkov Vladimir**

Professor, Ural State Economic University (Yekaterinburg), candidate of historical sciences,
e-mail: mamyachenkov@mail.ru

The article is based on unpublished archival materials of the Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region. The author examines the internal state of the Soviet police in the post-war period. It is emphasized that most of the citizens of the USSR didn't consider the police service as a prestigious occupation because of low wages, lack of serious incentives to work, and great psychological stresses. Various violations of service discipline by the personnel of the Sverdlovsk police in the late 1940s and early 1950s are listed and commented. It is stated that the leadership of the regional police failed to rectify the situation in the studied period. The author concludes that the state of the police otherwise corresponded to the state of the whole Soviet society.

Key words: Sverdlovsk region, police, morale, service discipline

Историография выбранной нами для исследования темы, особенно ее регионального аспекта, по сей день не слишком обширна. Из таких редких работ мы бы выделили труд В. В. Шабалина¹, в котором рассмотрены вопросы идейно-политического воспитания милицейских кадров Молотовской области в послевоенный период. Общим же

¹ Шабалин В. В. Хулиганы в погонах: региональная кампания по идейно-политическому воспитанию милицейских кадров в послевоенный период (на примере Молотовской области) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: материалы VII междунар. науч. конф. Тверь, 2014.

проблемам деятельности советской милиции в первые послевоенные годы посвящены некоторые диссертации¹, исследования широкого характера², а также отдельные статьи в печатных изданиях³.

Служба в правоохранительных органах всегда требовала от людей высоких (если не исключительных) морально-волевых качеств. Но, как показывает практика, даже самые элитные структуры не защищены от проникновения в них людей, весьма далеких от идеала. Подтверждением тому служит целый ряд предательств среди сотрудников советских и российских разведывательных органов.

Что же касается органов милиции, то для большинства граждан нашей страны служба в них не рассматривалась как престижное занятие, несмотря на все усилия официальной пропаганды представить ее в привлекательном романтическо-патриотическом свете. Многие из поступивших на службу в милицию (и особенно те, кто имел достаточно высокий образовательный и квалификационный уровень) стремились покинуть ее ряды. Данная тенденция проявлялась и в конце 1940-х – начале 1950-х гг. В подтверждение сошлемся на информацию Свердловского обкома партии от 25 августа 1949 г. на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова. В ней говорилось, что «...физически здоровые работники милиции, имеющие специальность... под всякими предложениями *настоячиво* (курсив наш. – В. М.) добиваются увольнения с перспективой устройства работать на производстве»⁴.

Рассуждая о непрестижности милицмейской службы, нельзя не упомянуть и о том, что конец 1940-х – начало 1950-х гг. – тяжелое послевоенное время. Работники милиции, как и весь советский народ, нуждались в самом необходимом, начиная от продовольствия и заканчивая оружием и спецсредствами. На совещании секретарей партийных организаций органов милиции, состоявшемся 10 апреля 1947 г., многие выступавшие говорили, в том числе, о плохом материальном обеспечении правоохранителей. При этом много нареканий прозвучало в адрес так называемого Спецторга – торговой структуры, призванной обслуживать работников Министерства государственной безопасности (МГБ) и Министерства внутренних дел (МВД)⁵.

Анализ архивных материалов убеждает в том, что основными причинами, по которым наиболее образованная и сознательная часть населения не стремилась на службу в милицию, были невысокая заработная плата, отсутствие серьезных стимулов к работе и большие психологические нагрузки. Кроме того, при приеме на службу и продвижении в силовых структурах, как, пожалуй, нигде более, поощрялось пресловутое «пролетарское происхождение» – порочная традиция, уходящая корнями в первые годы советской власти. В результате в 1947 г. из 3500 милиционеров Свердловской области высшее образование имели только 7 (!) человек (0,2 %), среднее – 113 (3,2 %), начальное – 636 (18,2 %). И даже в 1949 г., когда произошло существенное сокращение численности личного состава (до 2400 человек), которое, казалось бы, должно было способствовать повышению его качества, 37 % работников милиции имели образование не более четырех классов средней школы⁶.

В свете сказанного становится понятным, что в исследуемый период кадровый состав милиции был далеко не образцовым: в ее рядах имелось немало людей, не соответствующих занимаемым ими должностям. В архивных материалах сохранилось мно-

¹ См., например: *Герман Р. Б.* Организационно-правовые основы деятельности российской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, 1941–1960 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999.

² *Скилягин А. П.* Советская милиция в период строительства развитого социализма: 1945–1958 г.г. Л., 1976; *Советская милиция: история и современность (1917–1987)*. М., 1987.

³ См., например: *Васильев А. М.* Охрана общественного порядка в СССР в послевоенный период (1945–1953 гг.) // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2004. № 2. С. 129–133; *Мамяченков В. Н.* «Никто не желает помогать милиции»: борьба органов правопорядка с хулиганством и преступлениями против личности во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. (на материалах Свердловской области) // Научный диалог. 2016. № 10. С. 233–251.

⁴ ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 4. Оп. 45. Д. 192. Л. 179.

⁵ Подробнее см.: *Мамяченков В. Н.* «Преступность среди работников милиции чрезвычайно высока»: моральное состояние и служебная дисциплина работников органов внутренних дел Свердловской области в 1946 – начале 1947 гг. // Научный диалог. 2016. № 6. С. 196–211.

⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 45. Д. 192. Л. 178.

го свидетельств милицейских «недоработок» и даже прямых должностных преступлений. Правда, сам факт их обнаружения и хоть какого-то наказания виновных говорит о том, что в органах внутренних дел и контролировавших их структурах все-таки велась внутренняя борьба с нарушителями закона.

Вот характерный пример. 15 января 1948 г. по постановлению начальника Карпинского городского отдела милиции (ГОМ) Осинцева и с санкции прокурора Юркина за нарушение паспортного режима был арестован гражданин Неганов, 1930 года рождения, который в 1942 г. был взят сестрой из Серовского детского дома и с этого времени жил у нее в Карпинске и учился в школе. Когда Неганову исполнилось 16 лет, он обратился в органы внутренних дел за получением паспорта, но из-за отсутствия метрической справки паспорт ему не выдали и в домовую книгу к сестре не прописали. А из-за отсутствия прописки Неганов не мог устроиться на работу. Рассматривавший это дело инструктор Свердловского обкома партии Балбашев в справке «О фактах неправильного привлечения граждан к уголовной ответственности», направленной им секретарю обкома по кадрам М. И. Кузину, с возмущением писал: «...И вместо того, чтобы оказать содействие Неганову в получении паспорта и оформиться на работу, последнего арестовали и содержали в тюрьме 4,5 месяца, после чего судом [он] был оправдан»¹.

Приведенный случай не был досадной оплошностью работников Карпинского ГОМ. В той же справке инструктор Балбашев привел и пример должностного преступления карпинских милиционеров: они необоснованно привлекли к уголовной ответственности двух граждан – Ляховского и Руденко – за якобы совершенные ими 14 краж товарно-материальных ценностей в разных магазинах, базах и складах Карпинска на общую сумму 186 тыс. руб. К счастью, на судебном заседании, которое состоялось 26 апреля 1948 г., присутствовал честный и принципиальный юрист – помощник прокурора Нефедов. В ходе заседания он убедился, что данное дело сфабриковано милицией с целью «прикрыть свою бездеятельность в выявлении действительных преступников», и отказался от обвинения. Ляховский и Руденко, отсидевшие к тому времени пять месяцев в тюрьме, были оправданы².

О том, насколько халатно относились к выполнению своих прямых служебных обязанностей милиционеры Карпинска, говорят цифры: только за 7 месяцев 1948 г. судом этого небольшого уральского городка было оправдано 35 человек «как неосновательно привлеченных к уголовной ответственности». При этом 10 из них до суда содержались под стражей, а остальные – под подпиской о невыезде. О том, был ли кто-то из милиционеров-фальсификаторов привлечен к ответственности, источники умалчивают.

О состоянии служебной дисциплины работников милиции в исследуемый период можно судить по ежеквартальным докладам начальника Управления милиции по Свердловской области, которые он направлял в обком партии. Например, в докладе от 26 января 1951 г.³, подводя итоги последнего квартала 1950 г., областной милицейский начальник комиссар милиции III ранга (генерал-майор) В. И. Галкин самокритично отмечал, что «...несмотря на проводимые мероприятия по укреплению политико-морального состояния и служебной дисциплины... положительных результатов в этой области мы не достигли». Так, если в третьем квартале 1950 г. личным составом милиции было допущено 108 нарушений служебной дисциплины, то в четвертом квартале – уже 171 нарушение, т. е. рост составил почти 60 %. При этом особенно «отличились» Ново-Лялинский районный отдел милиции (РОМ), где этот рост составил 400 % (!), а также Зайковский РОМ (300 %), Красноуфимский ГОМ (200 %) и Арамилский РОМ (100 %). Нарушения дисциплины прежде всего заключались в банальном пьянстве, на почве которого в четвертом квартале было допущено 110 нарушений дисциплины из 171 (64 %). Из других нарушений наиболее частыми были «нарушения социалистической законности», сон на посту (как и уход с поста), а также «связь с преступным элементом». Большая часть нарушений была совершена оперативно-начальствующим составом – всего 88 случаев (51 %).

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 45. Д. 206. Л. 28–29.

² Там же. Л. 29–30.

³ Там же. Оп. 49. Д. 131. Л. 1–18.

В докладе областной милицией начальник привел и несколько примеров вопиющих нарушений служебной дисциплины, совершенных его подчиненными. При этом примечательно, что в большинстве случаев нарушители отделывались сравнительно мягкими наказаниями и далеко не всегда увольнялись из органов внутренних дел.

Например, помощник оперуполномоченного отдела уголовного розыска Зайковского РОМ Кузьминых в день выборов в местные Советы народных депутатов, будучи ответственным дежурным по райотделу, организовал коллективную попойку, в которую вовлек трех сослуживцев. Как с горечью отметил генерал Галкин, «...потеряв всякое чувство ответственности, не имея денег для продолжения пьянки, Кузьминых при помощи ножа открыл паспортный стол, откуда похитил 150 рублей, после чего продолжил пьянку». Самое удивительное, что виновник отдела лишь дисциплинарным взысканием.

Подобным же образом вел себя другой работник Зайковского РОМ – старший оперуполномоченный отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности Дымшаков. Систематически пьянствуя, он дошел до того, что однажды, будучи не в состоянии прийти в РОМ с обеда, прислал вместо себя жену.

Дисциплинарное наказание понес командир отделения Ново-Лялинского РОМ старшина милиции Таскин, который, как показало служебное расследование, во время проверки постов в отделениях Госбанка употреблял спиртное. Мало того, конвоируя арестованного, он зашел с ним в квартиру последнего и там напился.

Лишь 15 сутками ареста отделался милиционер Нижнетагильского ГОМ Феоктистов, который, вымогая у гражданина Колесникова деньги на водку, выбил ему два зуба.

После перечисленного неудивительным покажется тот факт, что сам начальник Исовского РОМ Викулов однажды явился пьяным на партийное собрание.

Именно подобные из ряда вон выходящие случаи имел в виду генерал Галкин, когда в докладе отмечал, что «...в отдельных парторганизациях к нарушителям дисциплины относятся либерально, не обсуждают их на партсобраниях. А при обсуждении не дают нарушителям практической оценки».

Впрочем, на почве пьянства происходили и происшествия с тяжелыми последствиями. Например, оперуполномоченный Волчанского поселкового отделения милиции Краснотурьинского ГОМ лейтенант Закиров, имеющий стаж службы в органах внутренних дел более 20 лет, за пьянство был подвергнут аресту на 15 суток. После же отбытия наказания сразу снова напился и, как говорится в протоколе, «...пытался принудить гражданку Малееву к интимной связи. Получив отказ, застрелил ее и ранил гражданина Гулина, пытавшегося оказать помощь Малеевой». Другой же работник со стажем – оперуполномоченный отдела уголовного розыска Синячихинского РОМ лейтенант Невмывако – при конвоировании арестованного «допустил совместную пьянку, в результате чего арестованный совершил побег».

Два последних происшествия невозможно было «спустить на тормозах», поэтому их фигуранты попали под суд военного трибунала.

Примеры злоупотреблений и преступлений работников милиции, свидетельствующие о серьезном неблагополучии в рядах свердловской милиции, можно обнаружить в любом из упомянутых ежеквартальных докладов. Так, в докладе от 13 апреля 1951 г.¹ (по итогам первого квартала) речь идет о милиционере из Нижнего Тагила Цапаеве, который за ничтожную взятку в сумме 36 руб. отпустил задержанного им же вора, за что получил, впрочем, такое же ничтожное наказание – 10 суток ареста. А в докладе за второй квартал 1951 г. фигурирует милиционер из того же города Шушаков, который, будучи пьяным, задержал гражданина Исакова, незаконно обыскал его и отобрал 250 руб. Эту сумму начальство, видимо, сочло значительной, так как Шушаков был предан суду военного трибунала.

Судя по докладам милицейского начальства, в исследуемый период переломить ситуацию в плане служебной дисциплины не удалось: например, в третьем квартале 1951 г. работниками органов милиции области было допущено 181 нарушение дисциплины, т. е. на 10 больше, чем в четвертом квартале 1950 г. В очередном докладе Гал-

¹ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 49. Д. 131. Л. 19–38.

кин признавал, что «...положение с дисциплиной во многих подразделениях милиции области по-прежнему остается неудовлетворительным»¹. Действительно, о какой дисциплине могла идти речь, например, в милицейском гарнизоне Нижнего Тагила, где участковый уполномоченный Овчинников, будучи в пьяном состоянии, беспричинно застрелил встретившегося ему гражданина.

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть, что далеко не все милиционеры пьянствовали и пренебрегали своими обязанностями. Многие из них действительно боролись с преступностью: задерживали грабителей и убийц (например, лейтенант Кабанов из Красноуральска²), пресекали хулиганство, вели профилактическую работу, а иногда и погибали в схватках с преступниками.

Можно заключить, что состояние милиции, так или иначе, соответствовало состоянию всего советского общества.

Список литературы

Васильев А. М. Охрана общественного порядка в СССР в послевоенный период (1945–1953 гг.) // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2004. № 2.

Герман Р. Б. Организационно-правовые основы деятельности российской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, 1941–1960 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1999.

Мамяченков В. Н. «Никто не желает помогать милиции»: борьба органов правопорядка с хулиганством и преступлениями против личности во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. (на материалах Свердловской области) // Научный диалог. 2016. № 10.

Мамяченков В. Н. «Преступность среди работников милиции чрезвычайно высока»: моральное состояние и служебная дисциплина работников органов внутренних дел Свердловской области в 1946 – начале 1947 гг. // Научный диалог. 2016. № 6.

Скилягин А. П. Советская милиция в период строительства развитого социализма: 1945–1958 г.г. Л., 1976.

Советская милиция: история и современность (1917–1987). М., 1987.

ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 4. Оп. 45. Д. 192. Л. 178–179; Д. 206. Л. 28–30; Оп. 49. Д. 131. Л. 1–38, 42, 62.

Шабалин В. В. Хулиганы в погонах: региональная кампания по идейно-политическому воспитанию милицейских кадров в послевоенный период (на примере Молотовской области) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: материалы VII междунар. науч. конф. Тверь, 2014.

References

German R. B. Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti rossiiskoi militsii po okhrane obshchestvennogo poryadka i bor'be s prestupnost'yu v gody Velikoi Otechestvennoi voyny i poslevoenniy period, 1941–1960 gg.: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov n/D, 1999.

Mamyachenkov V. N. «Nikto ne zhelaet pomogat' militsii»: bor'ba organov pravoporyadka s khuliganstvom i prestupleniyami protiv lichnosti vo vtoroi polovine 1940-kh – nachale 1950-kh gg. (na materialakh Sverdlovskoi oblasti) // Nauchnyi dialog. 2016. № 10.

Mamyachenkov V. N. «Prestupnost' sredi rabotnikov militsii chrezvychaino vysoka»: moral'noe sostoyanie i sluzhebnyaya distsiplina rabotnikov organov vnutrennikh del Sverdlovskoi oblasti v 1946 – nachale 1947 gg. // Nauchnyi dialog. 2016. № 6.

Shabalin V. V. Khuligany v pogonakh: regional'naya kampaniya po ideino-politicheskomu vospitaniyu militsiiskikh kadrov v poslevoenniy period (na primere Molotovskoi oblasti) // Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: materialy VII mezhdunar. nauch. konf. Tver', 2014.

Skilyagin A. P. Sovetskaya militsiya v period stroitel'stva razvitogo sotsializma: 1945–1958 g.g. L., 1976.

Sovetskaya militsiya: istoriya i sovremennost' (1917–1987). M., 1987.

TsDOOSO (Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti). F. 4. Op. 45. D. 192. L. 178–179; D. 206. L. 28–30; Op. 49. D. 131. L. 1–38, 42, 62.

Vasil'ev A. M. Okhrana obshchestvennogo poryadka v SSSR v poslevoenniy period (1945–1953 gg.) // Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta. 2004. № 2.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 49. Д. 131. Л. 62.

² Там же. Л. 42.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ СУДА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ

Ананьин Данил Максимович

Магистр юриспруденции, практикующий юрист (Екатеринбург),
e-mail: danil_ananin@mail.ru

Запрет злоупотребления правом является межотраслевым конституционным принципом, которым должен руководствоваться суд, разрешающий конкретный спор. Пределы реализации субъективных прав определяются критерием добросовестности поведения управомоченного субъекта, однако категория добросовестности является оценочной, предполагающей свободу судебного усмотрения. При реализации процессуальных прав и исполнении обязанностей в гражданском и административном судопроизводстве добросовестность участников процессуальных правоотношений предполагается. Указанная презумпция является опровержимой. Автор задается вопросами о том, на ком лежит обязанность по опровержению данной презумпции и возможны ли проявление активной роли суда и осуществление им контроля за реализацией процессуальных прав в состязательном процессе, если лица, участвующие в деле, не ссылаются на факты недобросовестного поведения. Исходя из разделения сторон процесса на материальную и формальную, автор приходит к выводу, что, когда речь идет о злоупотреблении процессуальными правами, суд должен действовать активно с целью защиты как интересов правосудия, так и интересов лиц, участвующих в деле.

Ключевые слова: злоупотребление процессуальными правами, презумпция процессуальной добросовестности, принцип состязательности, материальная и формальная стороны процесса

THE COURT'S PROCEDURAL ACTIVITY IN COUNTERACTING ABUSES OF PROCEDURAL RIGHTS

Anan'in Danil

Master of legal sciences, Ural State Law University, practicing lawyer (Yekaterinburg),
e-mail: danil_ananin@mail.ru

The prohibition of abuse of rights is an interdisciplinary constitutional principle, which the court should follow when resolving a particular dispute. The limits of realization of subjective rights are determined by the criterion of the good faith behaviour of an authorized subject; however, the good faith category is evaluative and implies freedom of judicial discretion. The good faith of participants in procedural legal relations is presumed when they exercise procedural rights and perform duties in civil and administrative proceedings. This presumption is rebuttable. The author wants to know who is responsible for rebutting this presumption and whether it is possible for the court to play an active role and to monitor the implementation of procedural rights in the adversary process if the persons involved in the case do not refer to the facts of unfair behaviour. Based on the division of the process into material and formal one, the author concludes that, when there is an abuse of procedural rights, the court should be proactive in order to protect both the interests of justice and the interests of the persons involved in the case.

Key words: abuse of procedural rights, presumption of the procedural good faith, adversarial principle, material and formal sides of the process

В соответствии с п. 1 ст. 10 Гражданского кодекса РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Указанная норма является основной для противодействия злоупотреблению гражданскими правами.

В ч. 3 ст. 17 Конституции РФ сказано, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и законные интересы других лиц. Отсюда можно говорить, что в Основном законе страны установлен межотраслевой принцип запрета злоупотребления правом¹, который действует, в том числе, в гражданском и арбитражном процессе.

Из содержания п. 1 ст. 10 ГК РФ следует, что основополагающим критерием при решении вопроса о том, действует ли управомоченное лицо в пределах, установленных для него нормой права, является критерий добросовестности. Иными словами, чтобы в процессе правоприменения определить, что в деяниях лица имеет место злоупотребление правом, необходимо установить факт его недобросовестного поведения.

Понятие «добросовестность», впрочем, как и понятие «злоупотребление правом», является размытым, оценочным, допускающим судебскую дискрецию в процессе правоприменения. По мнению А. В. Юдина, добросовестность как категория гражданского процесса может пониматься в нескольких аспектах²: 1) предел осуществления субъективного права; 2) принцип отрасли права; 3) требование, предъявляемое к участникам гражданского процесса; 4) гражданская процессуальная презумпция; 5) процессуальная обязанность; 6) запрет злоупотребления правом.

Раскрывая один из указанных аспектов добросовестности – презумпцию добросовестности, И. В. Решетникова указывает на три основных, с нашей позиции, момента:

«Презумпция добросовестности – одна из наиболее старых презумпций, известных еще римскому праву, – подразумевает, что каждый предполагается честным, пока не доказано обратное (*quisquis praesumitur bonus donec probetur contrarium*)».

«В процессуальных кодексах (АПК, ГПК и КАС) добросовестность используется скорее в общеправовом понимании – как требование к поведению любого участника процессуально-правовых отношений: добросовестно означает правильно и законно. В противовес добросовестности в процессуальном законодательстве выступает злоупотребление правом как результат недобросовестного поведения субъекта с возложением на него соответствующей ответственности»³.

Действие презумпции добросовестности в процессе аналогично ее действию в материальном праве, т. е. предположение о добросовестности лица может быть опровергнуто⁴.

С учетом изложенного возникает вопрос: кто должен опровергать предположение о добросовестности участника процесса – суд, стороны, третьи лица и т. д.? Если речь идет о добросовестности с точки зрения применения положений о злоупотреблении материальным правом, то, безусловно, опровергать упомянутую презумпцию в общем порядке должно лицо, которое ссылается на факт осуществления недобросовестных действий (ст. 56 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ, ст. 62 Кодекса административного судопроизводства РФ), поскольку именно интересы данного лица затрагиваются фактом злоупотребления. Так, если субъект обращается с иском о признании сделки недействительной на основании ст. 10, 168 ГК РФ, он должен доказать, что участник (участники) сделки действовал (действовали) недобросовестно.

На необходимость возложения ответственности на злоупотребляющее процессуальными правами лицо указывает его процессуальный оппонент, а суд должен решить вопрос о наличии или отсутствии в действиях участника процесса признаков,

¹ См., например: *Вопленко Н. Н.* Злоупотребление правом как родовое понятие юридической науки // *Вестник ВолГУ. Сер. 5: Юриспруденция.* 2011. № 1. С. 7.

² *Юдин А. В.* Злоупотребление гражданскими процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб., 2005. С. 38.

³ *Решетникова И. В.* Презумпция добросовестности в арбитражном процессе // *Закон.* 2017. № 9. С. 120–127.

⁴ Там же.

свидетельствующих о злоупотреблении. Однако как быть в той ситуации, когда очевидно имеет место акт злоупотребления процессуальными правами, но на это обстоятельство лица, участвующие в деле, не ссылаются и не приводят соответствующих доказательств? Как действовать судье, если он сомневается в добросовестности одного из участников процесса? Не страдает ли в данном случае правосудие?

В судебной практике по применению положений ст. 10 ГК РФ определен следующий подход: если действия участника оборота с очевидностью свидетельствуют о злоупотреблении правом, то его поведение может быть признано недобросовестным по инициативе суда¹.

Поскольку процессуальное право во многом вбирает в себя подходы, выработанные в материальном праве², представляется, что предлагаемая модель противодействия «очевидным актам злоупотребления» применима в процессуальной отрасли права. Однако стоит учитывать, что предложенный подход имеет недостатки:

- 1) основан исключительно на оценочных категориях («очевидно свидетельствуют»);
- 2) не разрешает собственно правовой вопрос о том, каким образом с учетом принципа состязательности, установленного в процессуальных кодексах (АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ), возможна инициатива суда в целях привлечения к ответственности за злоупотребление процессуальными правами.

Второй из недостатков указанного подхода может стать значимым в доктринальном обосновании возможности его применения в процессуальном праве. Так, можно возразить, что суд (арбитражный суд) по смыслу положений ст. 56 ГПК РФ, ст. 65 АПК РФ и даже ст. 62 КАС РФ не является субъектом, на которого возложена обязанность доказывания, установленная для лиц, участвующих в деле; суд как участник судебного доказывания в состязательном процессе выполняет иную процессуальную роль: осуществляет исследование и оценку доказательств.

В юридической литературе предпринимались некоторые попытки обосновать возможность проявления инициативы суда. Например, Ю. А. Сериков указывает, что в случае злоупотребления процессуальными правами в силу действия процессуальной презумпции добросовестности именно на суд возлагается обязанность доказать факт, опровергающий данную презумпцию, и самостоятельно привлечь злоупотребляющее лицо к ответственности за совершенное правонарушение³. При этом автор утверждает, что изложенное не противоречит принципу состязательности и процессуального равноправия с учетом существования в процессе общеправового принципа законности⁴.

Выводы Ю. А. Серикова также можно подвергнуть критике. Во-первых, принципы любой отрасли права, в том числе процессуального, действуют во взаимосвязи и взаимодействии⁵, соответственно, произвольно отдавать предпочтение одним принципам перед другими нельзя (принцип законности не превалирует над принципом состязательности и равноправия). Во-вторых, как уже указывалось, на суд как на участника судебного доказывания в состязательном процессе не возложена роль следователя.

На первый взгляд может показаться, что с точки зрения законодательства механизм опровержения презумпции добросовестности для целей привлечения к ответственности за злоупотребление процессуальными правами по инициативе суда в должной мере не проработан.

Соглашаясь с тем, что суд при решении вопроса об опровержении презумпции добросовестности должен действовать активно при наличии на то оснований, стоит обратить внимание на вопрос, касающийся задач судопроизводства и предоставленных для их выполнения полномочий суда, рассматривающего дело.

¹ См., например: п. 4 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2017 г.; п. 3 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28 марта 2018 г.

² Решетникова И. В. Указ. соч.

³ Сериков Ю. А. Презумпции в гражданском судопроизводстве. М., 2006. С. 137.

⁴ Там же.

⁵ Гражданский процесс: учеб. для студентов высших юрид. учеб. заведений / Д. Б. Абушенко, К. Л. Бра- новицкий, В. П. Воложанин и др.; отв. ред. В. В. Ярков. 10-е изд., перераб. и доп. М., 2017. Цит. по: СПС «КонсультантПлюс».

Задачи гражданского и административного судопроизводства закреплены в процессуальных законах (ст. 2 ГПК РФ, ст. 2 АПК РФ, ст. 3 КАС РФ). Суд при осуществлении правосудия должен руководствоваться этими положениями. Содержательно задачи могут сильно различаться. Например, выполнение такой задачи процесса, как защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, больше относится к разрешению спора по существу, в то время как укрепление законности и предупреждение правонарушений – задача суда как органа государственной власти. Соответственно, указанные задачи судом должны осуществляться по-разному.

Е. В. Васьковский указывает на то, что существует внешняя (формальная) сторона процесса, к которой относится, в том числе, принцип судейского руководства, и материальная сторона процесса, которая охватывает, в том числе, принцип состязательности и диспозитивности¹. Автор поясняет: «Суд не может указывать сторонам, какие требования они обязаны предъявить, какие средства защиты употребить, какие ходатайства возбудить, словом, не может вынудить их к совершению процессуальных действий. Но если они по собственной воле совершают их, то суд наблюдает, чтобы эти действия были совершены правильно, в определенном порядке, без ущерба для нормального и быстрого хода производства»².

Очевидно, что применительно к материальной стороне процесса суд должен действовать как пассивный наблюдатель, оценивать действия сторон, однако когда речь идет о формальной стороне процесса, суд может, а в некоторых случаях должен быть активным.

В. В. Ярков, комментируя определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17 января 2017 г. № 36-КП6-26, указывает: «...состязательная модель процесса не сводится к формальному правоприменению и не отводит суду роль пассивного наблюдателя за злоупотреблениями правом со стороны участников процесса. Суд, усмотрев факты злоупотреблений, должен проявить инициативу и вынести на обсуждение соответствующие обстоятельства. Ведь согласно ч. 2 ст. 56 ГПК РФ именно на суде лежит обязанность определения состава фактов, включаемых в предмет доказывания. Не менее активной должна быть роль суда при совершении отдельных процессуальных действий, в частности при назначении экспертизы, обеспечении гарантий осуществления процессуальных прав и обязанностей участников дела и т. д.»³.

Указанные рассуждения приводят к следующим выводам.

Модель, в рамках которой судья является ко всему прочему следователем при решении вопроса о доказывании обстоятельств и опровержении презумпций, относящихся к материальной стороне процесса, т. е., по сути, к разрешению спора, является недопустимой, противоречит сущности процесса, основанного на состязательных началах, положениям доказательственного права и, как следствие, процессуальному закону (АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ).

Вместе с тем если речь идет о злоупотреблении процессуальными правами, воспрепятствовании принятию законного и обоснованного судебного акта и других действиях, которые направлены на причинение ущерба правосудию, то суд, исходя из принципа судейского руководства, относящегося к формальной стороне процесса, должен противодействовать таким актам злоупотребления. Указанное противодействие необходимо как в интересах правосудия, так и в интересах лиц, участвующих в деле.

Список литературы

Васьковский Е. В. В Курс гражданского процесса: субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М., 2016.

Вопленко Н. Н. Злоупотребление правом как родовое понятие юридической науки // Вестник ВолГУ. Сер. 5: Юриспруденция. 2011. № 1.

¹ Васьковский Е. В. В Курс гражданского процесса: субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М., 2016. С. 352.

² Там же. С. 353.

³ Ярков В. В. Злоупотребление процессуальными правами: диагностика и лечение (комментарий Определения Верховного Суда РФ от 17 января 2017 г. № 36-КП6-26) // Вестник гражданского процесса. 2017. № 5. С. 81–112.

Гражданский процесс: учеб. для студентов высших юрид. учеб. заведений / Д. Б. Абушенко, К. Л. Брановицкий, В. П. Воложанин и др.; отв. ред. В. В. Ярков. 10-е изд., перераб. и доп. М., 2017.
Решетникова И. В. Презумпция добросовестности в арбитражном процессе // Закон. 2017. № 9.

Сериков Ю. А. Презумпции в гражданском судопроизводстве. М., 2006.

Юдин А. В. Злоупотребление гражданскими процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб., 2005.

Ярков В. В. Злоупотребление процессуальными правами: диагностика и лечение (комментарий Определения Верховного Суда РФ от 17 января 2017 г. № 36-КП6-26) // Вестник гражданского процесса. 2017. № 5.

References

Grazhdanskii protsess: ucheb. dlya studentov vysshikh jurid. ucheb. zavedenii / D. B. Abushenko, K. L. Branovitskii, V. P. Volozhanin i dr.; otv. red. V. V. Yarkov. 10-e izd., pererab. i dop. M., 2017.

Reshetnikova I. V. Prezumpsiya dobrosovestnosti v arbitrazhnom protsesse // Zakon. 2017. № 9.

Serikov Yu. A. Prezumpitsii v grazhdanskom sudoproizvodstve. M., 2006.

Vas'kovskii E. V. V Kurs grazhdanskogo protsessa: sub"ekty i ob"ekty protsessa, protsessual'nye ot-nosheniya i deistviya. M., 2016.

Voplenko N. N. Zloupotreblenie pravom kak rodovoe ponyatie yuridicheskoi nauki // Vestnik VolGU. Ser. 5: Yurisprudentsiya. 2011. № 1.

Yarkov V. V. Zloupotreblenie protsessual'nymi pravami: diagnostika i lechenie (kommentarii Op-redeleniya Verkhovnogo Suda RF ot 17 yanvarya 2017 g. № 36-KG16-26) // Vestnik grazhdanskogo protsessa. 2017. № 5.

Yudin A. V. Zloupotreblenie grazhdanskimi protsessual'nymi pravami v grazhdanskom sudoproiz-vodstve. SPb., 2005.

РЕГИОНАЛЬНАЯ КОНСТИТУЦИОННАЯ ЮСТИЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Степшина Анастасия Владиславовна

Магистрант Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: styopschina@yandex.ru

В статье анализируются актуальные вопросы, касающиеся деятельности конституционных (уставных) судов субъектов РФ: их взаимодействие с судами общей юрисдикции; причины их упразднения (на примерах Уставного Суда Челябинской области, Конституционного Суда Республики Бурятия и Конституционного Суда Республики Тыва); рецепция зарубежного опыта деятельности конституционных судов (на примере Федеративной Республики Германии). Охарактеризован порядок формирования конституционных судов земель Федеративной Республики Германии. Выдвигаются предложения по оптимизации деятельности конституционных (уставных) судов субъектов РФ.

Ключевые слова: конституционная юстиция, субъекты Российской Федерации, судебная система, упразднение конституционных (уставных) судов, Федеративная Республика Германия

REGIONAL CONSTITUTIONAL JUSTICE IN THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT PROBLEMS AND THEIR SOLUTIONS

Stepshina Anastasiya

Master student, Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: styopschina@yandex.ru

The article analyzes the relevant problems of the activities of the constitutional (charter) courts of the constituent entities of the Russian Federation: their interaction with courts of general jurisdiction; the grounds for their abolition (on the examples of the Charter Court of the Chelyabinsk Region, the Constitutional Court of the Republic of Buryatia and the Constitutional Court of the Republic of Tyva); reception of foreign experience of the constitutional courts' activities (on the example of the Federal Republic of Germany). The author describes the formation of constitutional courts of the lands of the Federal Republic of Germany. Suggestions for optimizing the activities of the constitutional (charter) courts of the Russian Federation are provided.

Key words: constitutional justice, constituent entities of the Russian Federation, judicial system, abolition of constitutional (charter) courts, Federal Republic of Germany

Сегодня идея региональной конституционной юстиции проходит «проверку на прочность». Ряд конституционных (уставных) судов упразднен. О проблемах региональной конституционной юстиции пишут многие ученые-конституционалисты (С. А. Авакьян, В. Н. Демидов, В. А. Кряжков, М. А. Митюков, С. Э. Несмеянова и др.). Высказываются мнения о том, что конституционные (уставные) суды малоэффективны, прежде всего из-за их узкой специализации (суды выносят в год одно или два решения), и если их создание в ряде субъектов РФ было вполне оправданно для периода становления РФ как правового государства, то сейчас их востребованность практически исчерпана.

Для оценки отмеченных тенденций рассмотрим следующие проблемы конституционной юстиции в субъектах РФ:

соотношение полномочий конституционных (уставных) судов с полномочиями иных органов судебной власти;

причины упразднения конституционных (уставных) судов субъектов РФ; рецепция зарубежного опыта деятельности конституционных судов.

Конституционным Судом РФ в постановлении от 18 июля 2003 г. № 13-П была выработана правовая позиция по вопросу разграничения полномочий между конституционными (уставными) судами и судами общей юрисдикции. Суд указал, что проверка актов, определяющих конституционный статус субъектов РФ, может быть осуществлена только в порядке конституционного, а не административного или гражданского судопроизводства и что Конституция РФ не допускает проверку судами общей юрисдикции конституций и уставов субъектов РФ. Таким образом, конституции (уставы) субъектов РФ могут проверяться только на предмет их соответствия Конституции РФ, а, следовательно, могут рассматриваться только Конституционным Судом РФ.

Как отмечает С. Э. Несмеянова, при отсутствии конституционных (уставных) судов в субъектах РФ огромный массив регионального законодательства (отнесенный к исключительному ведению субъектов) остается вне проверки в соответствии с конституциями (уставами) соответствующих субъектов РФ; вместе с тем каждый субъект, имея свой основной закон, нуждается в независимом и эффективном конституционном судебном контроле¹.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 16 июня 1998 г. № 19-П отметил, что «из статьи 76 Конституции РФ, регулирующей принципы разрешения коллизий между нормативными актами различного уровня, не вытекает и правомочие федеральных судов признавать нормативные акты субъектов Российской Федерации не соответствующими их конституциям (уставам). Осуществление указанной функции, влекущее лишение нормативных актов субъектов Российской Федерации юридической силы, по смыслу статей 5 (часть 2), 73 и 118 Конституции Российской Федерации, возможно лишь органами конституционного судопроизводства, если такое их правомочие предусматривается конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации».

Чтобы исключить конкуренцию судов общей юрисдикции и конституционных (уставных) судов, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 29 ноября 2007 г. № 48 указал, что при наличии в субъекте РФ конституционного (уставного) суда суды общей юрисдикции не вправе рассматривать дела о проверке соответствия законов субъекта РФ, нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта РФ, органов местного самоуправления конституции (уставу) субъекта РФ, поскольку рассмотрение этих дел отнесено ч. 1 ст. 27 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 30 октября 2018 г.) «О судебной системе Российской Федерации» (далее – ФКЗ о судебной системе РФ) к компетенции конституционного (уставного) суда субъекта РФ. При этом следует уточнить, что в настоящее время рассмотрение дел в судах общей юрисдикции осуществляется в порядке административного судопроизводства, регулируемом Кодексом административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ).

Отсутствие в отдельных субъектах РФ конституционных (уставных) судов не только свидетельствует о нарушении принципа организации государственной власти, но и ведет к нарушению закрепленного в ст. 19 Конституции РФ принципа равенства граждан перед законом и судом независимо от места проживания. Как отмечает Б. С. Эбзеев, «субъекты РФ, где имеются конституционные (уставные) суды, находятся в более выгодном в отношении населения и обеспечения его прав положении, нежели абсолютное большинство субъектов, которые хотя и имеют должную законодательную базу, но не могут решиться на то, чтобы создать этот институт»². Деятельность органов конституционного правосудия на федеральном уровне и на уровне субъектов РФ способствует формированию такого правового явления, как конституционная культура. В. В. Мамонов трактует ее как знание, уважение, соблюдение и защиту Конституции России, конституций (уставов) субъектов РФ³.

¹ Несмеянова С. Э. Актуальные проблемы конституционной юстиции // Вопросы управления. 2013. № 1. С. 204–207.

² Эбзеев Б. С. Конституционное правосудие в России: системность и роль в обеспечении единства и целостности Российского государства // Конституционное правосудие в РФ: правовое регулирование, опыт, перспективы. Казань, 2005. С. 15.

³ Мамонов В. В. Конституционная культура – основа российского государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1. С. 31.

Сторонники упразднения органов региональной конституционной юстиции считают, что суды общей юрисдикции справятся с переданными им делами. Но при этом не учитывают характер деятельности конституционных (уставных) судов и то, что это научно-аналитическая деятельность, а не просто правоприменительная деятельность по конкретному юридическому факту, которой занимаются суды общей юрисдикции.

В КАС РФ органы региональной конституционной юстиции упоминаются всего четыре раза – в п. 4 ст. 1, ст. 17, подп. 4 п. 1 ст. 190 и п. 5 ст. 208. Заявители нередко не знают о возможности обратиться в конституционный (уставный) суд субъекта РФ. Важным преимуществом этих судов является то, что их решения окончательны и обжалованию не подлежат.

Каковы же причины упразднения органов региональной конституционной юстиции?

В ч. 2 ст. 17 ФКЗ о судебной системе РФ указано, что конституционные (уставные) суды субъектов РФ создаются и упраздняются законами субъектов РФ.

С 1 марта 2014 г. упразднен Уставный суд Челябинской области. Соответствующие поправки были внесены в Устав и законы области. Примечательно, что этот уставный суд являлся самым молодым. Он был учрежден Законом Челябинской области от 27 октября 2011 г. № 220-ЗО и начал свою работу в 2012 г.

Уставный суд Челябинской области был упразднен, по словам его председателя Е. Г. Еремеева, «очень быстро, непонятно и скрытно»¹. По мнению А. О. Казанцева и А. В. Савоськина, возможной причиной его упразднения послужил конфликт между органом законодательной власти и органом судебной власти, а именно рассмотрение Уставным судом положений Закона Челябинской области от 28 ноября 2002 г. № 114-ЗО «О транспортном налоге» по жалобе Н. П. Андреевой². В своем решении Уставный суд Челябинской области признал положения п. 2 ст. 4 этого Закона не соответствующими Уставу. Законодательное собрание Челябинской области выступило категорически против решения Уставного суда и обратилось в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке Закона «О транспортном налоге» на соответствие Конституции РФ. Рассмотрев дело, Конституционный Суд РФ пришел к выводу о соответствии оспариваемых положений Конституции РФ. И Законодательное собрание, получив подтверждение своей правоты, упразднило Уставный Суд.

Иначе складывалась судьба Конституционного суда Республики Бурятия. В начале 2014 г. его деятельность была приостановлена Законом Республики Бурятия от 14 ноября 2013 г. № 92-V «О приостановлении действия и признании утратившими силу отдельных законодательных актов Республики Бурятия». Депутаты Народного хурала спорили о том, нужно ли ликвидировать конституционный суд Республики. Одни говорили, что если уничтожить суд как институт управления, то можно потерять республику как субъект РФ. Другие утверждали, что этот атрибут власти практически бездействует и без него можно прожить, а сэкономленные денежные средства можно потратить на развитие Республики³. В итоге Конституционный суд Республики Бурятия был упразднен в мае 2018 г. на основании Закона Республики Бурятия от 9 мая 2018 г. № 2938-V.

Конституционный суд Республики Тыва упразднен на основании Закона Республики Тыва от 11 января 2019 г. № 30-КЗРТ тоже за «иждивенчество»⁴. С момента образования он рассмотрел 53 обращения. Однако в течение нескольких последних лет Судом было разобрано не так уж много дел, тогда как из бюджета региона на обеспечение его работы ежегодно тратилось около 30 млн руб.

Возникает закономерный вопрос: кому должны быть переданы полномочия упраздненных судебных органов? Может быть, Конституционному Суду РФ или судам

¹ Евгений Еремеев: «Все произошло очень быстро, непонятно и скрытно» // Znak.com. 2014. 3 февр. URL: <http://znak.com/chel/articles/03-02-16-30/101860.html> (дата обращения: 07.03.2019).

² Казанцев А. О., Савоськин А. В. В Челябинской области незаконно упразднили Уставный суд // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 6. С. 50.

³ Дорогое удовольствие. Народный хурал рассмотрит законопроект о ликвидации Конституционного суда Бурятии // Газета РБ. Новости Бурятии и Улан-Удэ. 2018. 29 марта. URL: <https://gazetarb.ru/news/section-society/detail-1164725/> (дата обращения: 20.03.2019).

⁴ Глава Тувы подписал закон об упразднении Конституционного суда // Официальный портал Республики Тыва. 2019. 15 янв. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/politics/38746/ (дата обращения: 15.03.2019).

общей юрисдикции? В п. 3 ст. 17 ФКЗ о судебной системе РФ указано, что никакой суд не может быть упразднен, если отнесенные к его ведению вопросы осуществления правосудия не были одновременно переданы в юрисдикцию другого суда.

Передача от органов региональной конституционной юстиции законом субъекта РФ полномочий по рассмотрению дел суду общей юрисдикции невозможна в принципе. В соответствии с п. «о» ст. 71 Конституции РФ процессуальное законодательство находится в ведении Российской Федерации. С точки зрения Д. М. Евстифеева, нельзя утверждать, что федеральный законодатель не может регулировать вопросы, связанные с региональной конституционной юстицией (поскольку Конституция возлагает на него ответственность за решение вопросов, связанных с судостроительством)¹.

Самым логичным претендентом на получение полномочий конституционного (уставного) суда субъекта РФ, по мнению А. В. Савоськина и А. О. Казанцева, является Конституционный Суд РФ². Ведь конституционный судебный процесс в конституционных (уставных) судах субъектов РФ максимально приближен к тому, который имеет место в Конституционном Суде РФ.

Многие ученые-конституционалисты обсуждают вопрос создания федерального закона о конституционной (уставной) юстиции и полагают, что это решит многие проблемы функционирования региональной конституционной юстиции. По мнению В. А. Кряжкова, закон об общих принципах организации и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов РФ не только упорядочил бы создание и функционирование региональной конституционной юстиции, но и стал бы дополнительной правовой гарантией ее независимости, устойчивости и авторитета³. Но М. А. Митюков считает, что такого федерального закона не должно быть, поскольку это противоречит ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, а конституционное процессуальное законодательство, регулирующее этот вид судопроизводства, не названо в ст. 71 и 72 Конституции РФ⁴.

Обратимся к зарубежному опыту региональной конституционной юстиции, в частности к опыту Германии, законодательство которой сильнее других ориентировано на ценности федеративного государства. В ФРГ наряду с Федеральным конституционным судом (далее – ФКС) функции конституционного контроля выполняют 15 земельных конституционных судов. Единственной федеральной землей, где отсутствует конституционный суд, выступает Шлезвиг-Гольштейн. Функции конституционного контроля здесь возложены на ФКС.

Учреждение конституционных судов земель Германии во многом было обусловлено государственно-правовыми традициями. На всех этапах становления ФРГ существовали органы, обеспечивающие разрешение государственно-правовых споров. Современная система конституционного контроля в Германии сложилась после Второй мировой войны. Особенность этого процесса заключалась в том, что конституционные суды сначала образовались в федеративных землях, а затем уже появился ФКС.

Конституция Германии не предполагает учреждения конституционных судов земель, но и не исключает их существования и упоминает их в контексте полномочий и решений ФКС (ст. 93 и ч. 3 ст. 100).

В законах Германии в основном содержатся нормы о судопроизводстве и статусе судей конституционных судов земель. Так, Закон ФРГ от 8 сентября 1961 г. «О судьях» распространяется на судей не только ФКС, но и конституционных судов земель⁵.

Судьи конституционных судов земель Германии избираются парламентами. Они осуществляют свои полномочия не на постоянной основе. Законодательство федеративных земель предусматривает возможность избрания в состав судов как профессиональных судей, работающих в других судах земли, так и непрофессиональных судей. По этой причине у большинства конституционных судов земель отсутствует собствен-

¹ Евстифеев Д. М. Некоторые проблемы становления региональной конституционной юстиции // Российский юридический журнал. 2001. № 4. С. 139–140.

² Савоськин А. В., Казанцев А. О. Возможно ли упразднение конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1112.

³ Кряжков В. А. Региональная конституционная юстиция в Российской Федерации: состояние и пути развития // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 3. С. 160.

⁴ Проблемы конституционной юстиции субъектов Российской Федерации: беседа профессора М. А. Митюкова (Москва) и доцента А. В. Безрукова // Российский юридический журнал. 2009. № 4. С. 38.

⁵ Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты. М., 1991. С. 269–301.

ный аппарат. По мнению В. В. Кровельщиковой, такая организация работы органов конституционного контроля земель позволяет им быть «обособленным, достаточно самостоятельным и независимым государственным институтом». Это гораздо лучше, чем передача функций конституционного контроля высшему административному суду или палате в составе высшего земельного суда¹.

С. А. Авакьян предлагает использовать данную модель в работе конституционных (уставных) судов субъектов РФ, ссылаясь на их небольшой объем работы и внушительные расходы на их деятельность². В российской практике видится возможной рецепция опыта ФРГ в вопросах не только определения порядка формирования конституционных (уставных) судов, но и отграничения их компетенции от компетенции других судебных органов, в частности в перспективе административных судов.

Один из актуальных вопросов для России состоит в том, как заинтересовать субъекты в создании и финансировании органов региональной конституционной юстиции. Некоторые специалисты предлагают внести изменения в ч. 1 ст. 27 ФКЗ о судебной системе РФ, заменив используемое в нем слово «может» словом «должен», т. е. предусмотреть императивную норму. Несомненно, принятие такой поправки поспособствует ускорению создания конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Однако, с точки зрения В. К. Бобровой и М. А. Митюкова, обязывать субъекты РФ создавать органы конституционного контроля на уровне федерального законодательства недопустимо³.

Председатель Уставного Суда Свердловской области В. Ю. Пантелеев также выступает против обязательного создания в субъектах РФ конституционных (уставных) судов. По его мнению, необходимы программы правового просвещения граждан, широкое освещение деятельности органов конституционного (уставного) контроля, а также создание благоприятных условий для всех граждан – субъектов обращения в органы региональной конституционной юстиции⁴. Ведь многие граждане попросту не знают, что в их субъекте РФ существует этот суд.

Мы поддерживаем данную идею и предлагаем по аналогии с конкурсом «Конституция РФ глазами детей» проводить конкурс «Устав Свердловской области глазами детей». Уставный Суд Свердловской области совместно с Уральским государственным юридическим университетом и Ассоциацией юристов России ежегодно проводит областную конкурс научных работ студентов и молодых ученых, посвященных проблемам конституционной юстиции; организовано регулярное посещение судебных заседаний студентами вузов области и др. Полагаем, что финансирование таких мероприятий возможно за счет средств, субсидированных в качестве меры поддержки из федерального бюджета.

Таким образом, первейшей задачей должна стать реализация органами региональной конституционной юстиции мероприятий по правовому просвещению населения субъектов РФ: ему следует знать о существовании и деятельности этих судов, знать порядок обращения в них и преимущества такого обращения.

Список литературы

Авакьян С. А. Некоторые проблемы совершенствования конституционного правосудия в Российской Федерации // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии: дайджест официальных материалов и публикаций периодической печати. 2006. № 3.

Бернацкий Г. Г. [Рецензия] // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 5. Рец. на кн.: Боброва В. К., Митюков М. А. Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации. М.: Академия труда и социальных отношений, 2003–2004.

¹ Кровельщикова В. В. Конституционные суды земель Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 18.

² Авакьян С. А. Некоторые проблемы совершенствования конституционного правосудия в Российской Федерации // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии: дайджест официальных материалов и публикаций периодической печати. 2006. № 3. С. 133.

³ Бернацкий Г. Г. [Рецензия] // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 5. С. 27. Рец. на кн.: Боброва В. К., Митюков М. А. Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации. Учебное пособие по спецкурсу Конституционное правосудие. В трех частях. ч. 1–2 / отв. ред. М. А. Митюков. М.: Академия труда и социальных отношений, 2003–2004.

⁴ Пантелеев В. Ю. Повышение эффективности деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 1. С. 60.

ской Федерации. Учебное пособие по спецкурсу Конституционное правосудие. В трех частях. ч. 1–2 / отв. ред. М. А. Митюков. М.: Академия труда и социальных отношений, 2003–2004.

Глава Тувы подписал закон об упразднении Конституционного суда // Официальный портал Республики Тыва. 2019. 15 янв. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/politics/38746/ (дата обращения: 15.03.2019).

Дорогое удовольствие. Народный хурал рассмотрит законопроект о ликвидации Конституционного суда Бурятии // Газета РБ. Новости Бурятии и Улан-Удэ. 2018. 29 марта. URL: <https://gazetarb.ru/news/section-society/detail-1164725/> (дата обращения: 20.03.2019).

Евгений Еремеев: «Все произошло очень быстро, непонятно и скрытно» // Znak.com. 2014. 3 февр. URL: <http://znak.com/chel/articles/03-02-16-30/101860.html> (дата обращения: 07.03.2019).

Евстифеев Д. М. Некоторые проблемы становления региональной конституционной юстиции // Российский юридический журнал. 2001. № 4.

Казанцев А. О., Савоськин А. В. В Челябинской области незаконно упразднили Уставный суд // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 6.

Кровельщикова В. В. Конституционные суды земель Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004.

Кряжков В. А. Региональная конституционная юстиция в Российской Федерации: состояние и пути развития // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 3.

Мамонов В. В. Конституционная культура – основа российского государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1.

Несмеянова С. Э. Актуальные проблемы конституционной юстиции // Вопросы управления. 2013. № 1.

Пантелеев В. Ю. Повышение эффективности деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 1.

Проблемы конституционной юстиции субъектов Российской Федерации: беседа профессора М. А. Митюкова (Москва) и доцента А. В. Безрукова // Российский юридический журнал. 2009. № 4.

Савоськин А. В., Казанцев А. О. Возможно ли упразднение конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6.

Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты. М., 1991.

Эбзеев Б. С. Конституционное правосудие в России: системность и роль в обеспечении единства и целостности Российского государства // Конституционное правосудие в РФ: правовое регулирование, опыт, перспективы. Казань, 2005.

References

Avak'yan S. A. Nekotorye problemy sovershenstvovaniya konstitutsionnogo pravosudiya v Rossiiskoi Federatsii // Konstitutsionnoe pravosudie v stranakh SNG i Baltii: daidzhest ofitsial'nykh materialov i publikatsii periodicheskoi pechati. 2006. № 3.

Bernatskii G. G. [Retsenziya] // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2005. № 5. Rets. na kn.: Bobrova V. K., Mityukov M. A. Konstitutsionnye (ustavnye) sudy sub'ektov Rossiiskoi Federatsii. Uchebnoe posobie po spetskursu Konstitutsionnoe pravosudie. V trekh chastyakh. ch. 1–2 / отв. ред. М. А. Митюков. М.: Академия труда и социальных отношений, 2003–2004.

Dorogoe udovol'stvie. Narodnyi khural rassmotrit zakonoproekt o likvidatsii Konstitutsionnogo suda Buryatii // Gazeta RB. Novosti Buryatii i Ulan-Ude. 2018. 29 marta. URL: <https://gazetarb.ru/news/section-society/detail-1164725/> (data obrashcheniya: 20.03.2019).

Ebzeev B. S. Konstitutsionnoe pravosudie v Rossii: sistemnost' i rol' v obespechenii edinstva i tselostnosti Rossiiskogo gosudarstva // Konstitutsionnoe pravosudie v RF: pravovoe regulirovanie, opyt, perspektivy. Kazan', 2005.

Evgenii Eremeev: «Vse proizoshlo ochen' bystro, neponyatno i skrytno» // Znak.com. 2014. 3 fevr. URL: <http://znak.com/chel/articles/03-02-16-30/101860.html> (data obrashcheniya: 07.03.2019).

Evstifeev D. M. Nekotorye problemy stanovleniya regional'noi konstitutsionnoi yustitsii // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2001. № 4.

Federativnaya Respublika Germaniya. Konstitutsiya i zakonodatel'nye akty. M., 1991.

Glava Tuvy podpisal zakon ob uprazhnenii Konstitutsionnogo suda // Ofitsial'nyi portal Respubliki Tyva. 2019. 15 yanv. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/politics/38746/ (data obrashcheniya: 15.03.2019).

Kazantsev A. O., Savos'kin A. V. V Chelyabinskoi oblasti nezakonno uprazhnili Ustavnyi sud // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2014. № 6.

Krovel'shchikova V. V. Konstitutsionnye sudy zemel' Germanii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Tomsk, 2004.

Kryazhkov V. A. Regional'naya konstitutsionnaya yustitsiya v Rossiiskoi Federatsii: sostoyanie i puti razvitiya // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. 2007. № 3.

Mamonov V. V. Konstitutsionnaya kul'tura – osnova rossiiskogo gosudarstva // Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii. 2014. № 1.

Nesmeyanova S. E. Aktual'nye problemy konstitutsionnoi yustitsii // Voprosy upravleniya. 2013. № 1.

Panteleev V. Yu. Povyshenie effektivnosti deyatel'nosti konstitutsionnykh (ustavnykh) sudov sub"ektov Rossiiskoi Federatsii // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2012. № 1.

Problemy konstitutsionnoi yustitsii sub"ektov Rossiiskoi Federatsii: beseda professora M. A. Mityukova (Moskva) i dotsenta A. V. Bezrukova // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2009. № 4.

Savos'kin A. V., Kazantsev A. O. Vozmozhno li uprazhnenie konstitutsionnogo (ustavnogo) suda sub"ekta Rossiiskoi Federatsii? // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2014. № 6.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Редактор *Н. Н. Рассохина*
Дизайн обложки *И. М. Митрофанова*
Компьютерная вёрстка *Н. Н. Рассохина*

Подписано к использованию 17.09.19.
Уч.-изд. л. 10,84. Объем 1,81 МВ.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит